

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ МИД РОССИИ

На правах рукописи

04.2.01 2 51584 "

МУТОВ Сергей Анатольевич

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ПОЛИТИКЕ
МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Специальность – 23.00.04 – политические проблемы
международных отношений,
глобального и регионального развития

Научный руководитель:
РУДОВ Георгий Алексеевич,
доктор политических наук,
профессор

**МОСКВА
2012**

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. РАЗВИТИЕ СВЯЗЕЙ МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАН СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА	12
1.1. Основные формы взаимодействия	12
1.2. Исламский фактор в Центральной Азии	22
1.3. Проблемные моменты, связанные с усилением исламского фактора в регионе	40
ГЛАВА II. МУСУЛЬМАНСКИЕ СТРАНЫ, ЗАНИМАЮЩИЕ ПОЗИЦИИ ВЕДУЩИХ АКТОРОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	51
2.1. Стратегия Ирана в Центральной Азии – основные направления и приоритеты	51
2.2. Взаимоотношения Турции со странами Центральноазиатского региона	78
ГЛАВА III. ОТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ С ДРУГИМИ МУСУЛЬМАНСКИМИ СТРАНАМИ	96
3.1. Казахстан	98
3.2. Узбекистан	123
3.3. Киргизия, Туркменистан и Таджикистан	131
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	151
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	157

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время Центральная Азия (ЦА) является одним из регионов мира, где встречаются интересы целого ряда государств. Данный регион долгое время был в определенном смысле одним из самых изолированных от "большого мира", будучи составной частью Советского Союза, однако в дальнейшем и его геополитическая роль, и интенсивность борьбы внешних сил за преобладание, как представляется, будут расти. Многие государства рассматривают Центральную Азию как одну из зон своих национальных интересов. США, ЕС, Россия, Китай, Индия, Иран, Турция, арабские страны, Израиль и даже Япония проявляют интерес к региону, хотя и степень этого интереса, и возможности его обеспечения у всех упомянутых геополитических акторов различны.

Причины этого заключаются в том, что все, происходящее на центрально-азиатском пространстве, напрямую затрагивает проблемы национальной безопасности соседствующих с ним геополитических центров силы – России и Китая, а также других соседних государств, в т.ч. региональных держав – Турции и Ирана, и опосредовано – интересы США и объединенной Европы. В ЦА сосредоточены стратегически важные ресурсы, прежде всего энергетические, представляющие интерес как для России и Европы, так и для растущих экономик Китая и Индии. При этом ЦА исторически является транспортно-коммуникационным узлом на маршрутах Запад-Восток, Север-Юг, и в общем объеме перемещаемых по этим маршрутам товаров также растет доля поступающих в различных направлениях нефти и природного газа.

В Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г., утвержденной Президентом России Д.А.Медведевым в 2009 г., на этот счет указано: «Внимание международной политики на долгосрочную перспективу будет сосредоточено на обладании источниками энергоресурсов, в том числе на Ближнем Востоке... в бассейне

Каспийского моря и в Центральной Азии. Негативное воздействие на международную обстановку в среднесрочной перспективе будут по-прежнему оказывать ситуация в Ираке и Афганистане, конфликты на Ближнем и Среднем Востоке»¹. Таким образом, прослеживается связь между ситуацией в соседних регионах, все государства которых представляют собой страны с господством мусульманского населения, и положением в Центральной Азии, происходящими или намечающимися в ней социально-экономическими и политическими переменами.

Наконец, радикальное изменение политической карты мира в результате распада СССР и социалистического лагеря пока еще не завершилось окончательно, и в этих процессах Центральноазиатский регион будет играть одну из ключевых ролей. Если взглянуть на деятельность таких созданных после 1991 г. на постсоветском пространстве объединений как Содружество независимых государств, Организации Договора о коллективной безопасности, а также возникших позднее Евро-азиатского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и Шанхайской организации сотрудничества, то неизбежен вывод о том, что из постсоветских государств, по сути, в них принимают более или менее активное участие Россия и Белоруссия, объединенные в фактически существующее лишь на бумаге Союзное государство, а также Армения, в качестве пока относительно верного союзника России, и Азербайджан, проводящий специфическую линию (во многом определяемую позицией РФ по Нагорному Карабаху) – с одной стороны, и центрально-азиатские государства – с другой. Ни Балтийские государства, уже ушедшие в ЕС и НАТО, ни разрываемая внутренними противоречиями и с самого начала не ратифицировавшая соглашение по СНГ Украина, ни вышедшая после событий августа 2008 г. из этих постсоветских организаций Грузия в их работе не участвуют.

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 – <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/0e9272befa34209743256c630042d1aa/8abb3c17eb3d2626c32575b500320ae4?OpenDocument>

При этом, наряду с постепенным переходом от биполярного мироустройства к многополярному, продолжается также процесс формирования государственности в странах ЦА и, соответственно, превращения их в субъекты международных отношений. Речь идет о становлении государственности в современном смысле слова, которой присущи демократия, гражданское общество, социально-ориентированная рыночная экономика и самостоятельная внешняя политика, проводимая в соответствии с общепризнанными принципами международного права. Но данные государства находятся еще в самом начале этого пути, а потому их внешняя политика характеризуется во многих аспектах непоследовательностью, переменчивостью и – в определенном смысле – непредсказуемостью.

Тем не менее, в этих государствах – в отличие от остальных государств Евразии – у России пока, во многом благодаря советскому наследию, сохраняются сильные позиции. Однако прочность этих позиции ставится под вопрос в результате воздействия внешних факторов, среди которых, помимо, активного внедрения США и Китая, следует отметить также влияние ближних и дальних мусульманских стран, и в особенности стран, претендующих на лидерство в этом регионе – Ирана и Турции.

Актуальность диссертации определяется, таким образом, заметно усилившейся ролью ЦА в мировой экономике и политике, нарастанием интереса целого ряда государств к ней, к ее природным запасам, в особенности энергоресурсам, а также тем, что под воздействием внешних факторов, в том числе и политики мусульманских государств, геополитическая ситуация в этом регионе меняется весьма быстро, что имеет прямое отношение к российским политическим, экономическим и военным интересам.

Объектом диссертационного исследования являются отношения между государствами Центральной Азии и мусульманскими странами, прежде всего играющими ведущую роль в исламском мире.

Предмет исследования – политические, экономические, культурно-гуманитарные и религиозные отношения, связывающие государства ЦА с остальным исламским миром, факторы, определяющие заинтересованность ведущих мусульманских государств в развитии отношений со странами региона и формирующие внешнюю политику центрально-азиатских стран на данном направлении.

Цель исследования – выявление особенностей формирования отношений между государствами Центральной Азии и остальными государствами исламского мира в их динамике, определение движущих факторов эволюции и перспектив развития этих отношений, что обусловило постановку перед исследованием следующих **задач**:

- рассмотреть предпосылки формирования нынешней геополитической ситуации в Центральной Азии с учетом особенностей ее исторического развития, географического расположения, значения ее природных ресурсов, а также внутрирегиональных проблем, и показать ее влияние на внешнеполитический курс стран ЦА;
- изучить процесс развития отношений между странами ЦА и остальными странами исламского мира, общие черты и особенности этих отношений;
- выявить движущие силы, определяющие заинтересованность ведущих мусульманских государств в развитии отношений со странами Центральной Азии, общее и особенное в стратегии и тактике построения этих отношений со стороны указанных государств;
- показать зависимость внешнеполитического курса каждого из центрально-азиатских государств в отношении внешних мусульманских акторов от конкретного геополитического положения этих государств;
- исследовать степень влияния глобальных внешних факторов, в т.ч. международной ситуации в целом и политики ведущих центров силы современного мира, на процесс развития отношений между государствами ЦА и странами мусульманского мира;

– на основе вышеуказанного изучить перспективы развития отношений между государствами ЦА и мусульманскими странами за пределами региона.

Степень разработанности темы определяется тем, что регион ЦА в течение многих десятилетий не являлся субъектом международных отношений. Превращение центрально-азиатских государств после 1991 г. в самостоятельных субъектов международных отношений повысило интерес исследователей к вопросам их внешней политики и отношений с зарубежными странами, однако до начала нового столетия этот регион все равно во многом оставался на периферии мировой политики и экономики и, соответственно, внимания исследователей, особенно западных, которые в тот период уделяли несравнимо большее внимание, например, Балканам, Африке и т.д. Появление новых угроз в виде международного терроризма, религиозного экстремизма и наркоторговли, которое по времени во многом совпало с резким усилением интереса промышленно-развитых государств и таких быстро развивающихся экономик как китайская и индийская к дополнительным источникам энергоресурсов, вызвало заметный рост интереса политического руководства, военных и дипломатических ведомств и деловых структур ведущих стран мира и, соответственно, исследователей к рассматриваемому региону. Однако, как представляется, имеет место определенный дефицит фундаментальной научной литературы, исследующей геополитическую ситуацию в регионе в комплексе и динамике.

При этом доля исследований связей стран ЦА с внешним миром приходится на монографии и статьи, посвященные их отношениям с ведущими центрами силы современного мира, прежде всего с Россией, США и Китаем, в существенно меньшей степени – со странами Евросоюза и с ЕС в целом, в еще меньшей степени – с Японией, в то время как практически неизученными остаются отношения центрально-азиатских государств с другими странами, в т.ч. и с такой многочисленной, хотя и не представляющей собой единого полюса мировой политики группой стран

как мусульманские. Представляется, что данный пробел нуждается в заполнении, поскольку эти отношения также являются важным компонентом системы связей государств ЦА с внешним миром.

В той или иной мере тематика внешних связей стран ЦА, в т.ч. в контексте отношений России с США, Китаем и другими странами, равно как и тесно связанная с ней проблематика СНГ, ШОС, Ближнего и Среднего Востока, затронута в работах таких российских авторов как В.М.Алчинов, Е.П.Бажанов, Н.П.Бажанова, О.Н.Барабанов, В.А.Бельдей, А.А.Белоусов, К.П.Боришполец, В.И.Бушков, В.П.Воробьев, С.Ф.Гребениченко, З.А.Дадабаева, В.Е.Донцов, С.С.Жильцов, А.Г.Задохин, И.Звягельская, И.П.Иванов, В.М.Козьменко, Д.Косырев, К.Н. Кулматов, А.В.Митрофанова, В.С.Мясников, В.Ф.Ли, О.Г. Пересыпкин, Г.К. Прозорова, С.П.Поляков, Е.М.Примаков, Е.М.Савичева, А.А.Селиванец, А.Д.Собянин, А.В.Торкунов, Г.А.Рудов, А.И.Уткин, А.И.Фурсов, А.Д.Шутов и др.²

² Алчинов В М Международная экономическая интеграция и СНГ М Научная книга 2006, Бажанов Е П, Бажанова Н Е Многополярный мир М Восток-Запад, 2010, Бажанов Е П Актуальные проблемы международных отношений Т 1-3 М Научная книга, 2001-2002, Бажанов Е П Современный мир Избранные труды М Известия, 2004, Бажанов Е П Китай от Срединной империи до сверхдержавы XXI века М Известия, 2007, Барабанов О Н Политика США в Центральной Азии и Закавказье // Южный фланг СНГ Центральная Азия - Каспий - Кавказ Возможности и вызовы для России/ Под ред М М Наринского, А В Мальгина, МГИМО(У) МИД России, ИНО-Центр - М Логос, 2003, Белоусов А А Внешние экономические связи Российской Федерации - М РУДН, 2003, Белоусов А А Некоторые проблемы формирования Россией и странами СНГ единого экономического пространства // Материалы V Всероссийской научно-практической конференции - М РУДН, 2003, Боришполец К П Центральная Азия как региональная подсистема международных отношений // Восток/Запад региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений Под ред А Д Воскресенского – М МГИМО(У), «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002, Гребениченко С Ф Глобализируемый мир и Россия - М РУДН, 2005, Дадабаева З А Россия и проблемы безопасности в Центральной Азии // Россия и современный мир, №4 (61), 2008, Звягельская И Зачем России нужна Центральная Азия // Континент 2004 № 2, Козьменко В М История международных отношений и внешней политики - М Аспект - ПРЕСС, 2006, Мясников В С Квадратура китайского круга Избранные статьи В 2 кн М Восточная литература, 2006, Ли В Ф Взаимодействие и синтез культур в процессе становления евразийской цивилизации // Характер и личность на исходе XX века – М, Тверь, 1999, Примаков Е М Мир после 11 сентября М Мысль, 2002, Рудов А Г Российско-кыргызские отношения история и современность – М - Бишкек, Илим, 2001, Рудов Г А Нам суждено жить вечно в дружбе Документальные страницы российско-кыргызских отношений на рубеже веков – М-Бишкек, Илим, 2002, Рудов Г А Я сердцем русский, духом евразиец "Эркин-Тоо", 2002, Рудов Г А Центральная Азия с учетом исламского фактора \ Тематический сборник (Учебное пособие) «Геополитические проблемы Евразийского пространства» Москва, «Научная книга», 2006 С 187-193, Рудов Г А Религия и политика на евразийском пространстве (Коллективная монография) Москва «Восток-Запад» 2009, Рудов Г А Россия, Центральная и исламский фундаментализм // Центральная Азия и радикальный ислам М, «Восток-Запад» 2009, Рудов Г А Межэтнические отношения как фактор нестабильности в Центральной Азии // Диалог цивилизаций

Из исследователей, работающих в странах ЦА можно выделить таких авторов как С.Акимбеков, Д.Бактыгулов, Ф.Джани, А.Джекшенкулов, А.Джуманалиев, М.Иманалиев, Н.Каимов, Н.Касенова, У.Касенов, С.Кушкубаев, М.Лаумулин, Т.Мансуров, К.Токаев, Ф.Толипов, К.Чиналиев и др.

В общетеоретическом плане помощь оказало знакомство с трудами таких зарубежных авторов, как Р.Аллисон, З.Бжезинский, Г.Киссинджер, Г.Моргентау, Дж.Най, А.Тойнби, С.Хантингтон и др., некоторые из которых в прошлом занимали крупные официальные посты в сфере принятия внешнеполитических решений.

К числу источников, использованных при подготовке диссертации, относятся официальные документы и выступления руководителей, дипломатов и политических деятелей центрально-азиатских государств, России, США и других стран, переводы из китайских официальных источников, документы министерств иностранных дел и посольств соответствующих стран, а также документы международных организаций – Организации Объединенных Наций, Содружества независимых государств, Шанхайской организации сотрудничества, ЕврАзЭС, Организации северо-атлантического договора, Европейского союза и др.

Теоретико-методологической основой исследования является сравнительный анализ политики мусульманских стран мира в отношении региона ЦА и расположенных в нем государств, исторический подход, позволивший выявить предпосылки формирования отношений стран ЦА с мусульманскими государствами, а также системный подход, обеспечивший рассмотрение указанного вопроса как системы, состоящей из связанных между собой подсистем и их компонентов.

Бишкек, «Илим», Савичева Е М Политическое лидерство на Арабском Востоке проблема смены поколений // Вестник Российского Университета дружбы народов Серия "Международные отношения", N 1, 2001, Курылев К П, Савичева Е М Содружество Независимых Государств М РУДН, 2009, Современные международные отношения Под ред Торкунова А В М РОССПЭН, 1999, Уткин А И Россия и Запад в XX в проблема выбора путей развития // Новая и новейшая история - 1999 - №9, Фурсов А И Срединность Срединной Азии Долгосрочный взгляд на место Центральной Азии в макрорегиональной системе Старого Света // Русский исторический журнал Том 1, №4, Осень 1998

Новизна диссертационного исследования обусловлена тем, что оно посвящено комплексному исследованию отношений между государствами ЦА и странами исламского мира, с введением в оборот новых источников и научной литературы, содержащей малоизвестные факты и современные оценки данной ситуации.

Наряду с этим, в диссертации обосновываются следующие идеи:

1. Все пять центрально-азиатских государств занимают особое место в мире ислама, являясь уникальным цивилизационным образованием, которое, благодаря пребыванию в составе исторической России, вобрало в свою культуру многие элементы славянско-православной цивилизации, в результате чего их население характеризуется грамотностью, а многие жители этих стран региона – носители знаний и достижений современной цивилизации. В итоге, по своему мировоззрению народы ЦА, исповедуя ислам, в то же время весьма заметно отличаются от населения арабского мира, Ирана, Пакистана, Турции.

2. Вследствие целого комплекса причин: тяжелого экономического, политического положения, крушения коммунистической идеологии, роста населения и неудачи попыток интеграции на национальной основе – исламский фундаментализм становится все более привлекательным для политиков мусульманских стран Центральной Азии и представляет собой отражающую реалии сегодняшнего дня парадигму, которая с учетом сложившейся ситуации стала альтернативой и ответом вызовам глобализации.

3. При том, что по отдельности ни одна мусульманская страна за пределами ЦА не может быть сопоставима по своим возможностям с крупными внешними акторами, проявляющими интерес к этому региону, в совокупности они все же являются существенным фактором, влияющим на политику государств ЦА. В то же время, крупнейшими и потенциально

наиболее влиятельными в данном регионе среди других мусульманских стран являются, безусловно, Турция и Иран. Однако в политической, экономической и иной деятельности этих двух стран отсутствует синергетика, т.е. не наблюдается никакой согласованности или хотя бы взаимодополняемости действий, а, напротив, присутствует до поры до времени скрытое соперничество за влияние в регионе.

4. В наибольшей степени отношения с мусульманскими странами получили место во внешней политике и внешнеэкономических связях двух крупнейших стран ЦА – Казахстана и Узбекистана. Отношения Киргизии, Туркменистана и Таджикистана с другими мусульманскими странами, помимо Турции и Ирана, менее активны, а порой носят лишь эпизодический характер.

Практическая значимость полученных результатов заключается в том, что материалы представленной диссертации могут быть использованы в учебном процессе при чтении лекций и проведении семинарских занятий в вузах по политологии, истории и теории международных отношений, а сделанные выводы могут быть применены в научных исследованиях по современным проблемам региона, в практической работе внешнеполитических ведомств.

Апробация работы имела место в ходе участия автора в работе научно-теоретических и научно-практических форумов, конференций и совещаний в Дипломатической академии МИД России и в институтах РАН, а также в форме научных публикаций общим объемом 2,5 п.л.

ГЛАВА I. РАЗВИТИЕ СВЯЗЕЙ МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАН СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА

1.1. Основные формы взаимодействия

Центральная Азия является регионом, в общественно-политической жизни которого присутствует множество проблем и который вынуждено находится в постоянном поиске путей обеспечения устойчивости своей политической системы. Светско-исламский диалог, начавшийся здесь в начале 1990-х годов, продолжается до настоящего времени. Многие страны и международные организации исследуют этот опыт, впоследствии применяя его на практике. Уникальность политических систем стран ЦА является примером для поиска универсальной рабочей модели сосуществования светского режима и действующих в республиках исламских партий и движений.

Страны ЦА, возникшие после распада СССР в 1991 г., имеют важное значение для мусульманского мира. Образование в Центральной Азии пяти государств с доминирующим мусульманским населением – Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана – предоставило мусульманским странам (МС) историческую возможность закрепиться в этом новом геополитическом пространстве. Этому способствует также соседство государств ЦА со многими мусульманскими странами, большая протяженность общей границы с рядом государств региона.

Все пять центрально-азиатских государств занимают особое место в мире ислама, являясь уникальным цивилизационным образованием, которое благодаря пребыванию в составе исторической России, вобрало в свою культуру многие элементы славянско-православной цивилизации.

ЦА представляет собой уникальный регион, в котором пересекаются западная и восточная цивилизации. Многие жители стран региона – носители знаний и достижений современной цивилизации. Основная часть

населения является образованной и грамотной. Народы этих стран, в основном, мусульмане, режимы – светские, и страны региона с трудом можно отнести к стереотипному подходу Запада в отношении мусульманских стран. То есть, по уровню миропонимания, образования, развития политических процессов и мировоззрению народы региона радикально отличаются по многим параметрам от арабского мира, Ирана, Пакистана. Таким образом, в ЦА условно можно выделить три модели развития:

Казахская модель изначально характеризуется глубокими экономическими реформами, которые обеспечили иностранные финансовые инвестиции и благополучие народа. Сегодня Казахстан продолжает политические реформы, которые должны обеспечить устойчивость и стабильность всей политической системы страны.

Киргизская модель развития начала с политических реформ, которые тем не менее все еще не привели к политической стабильности и устойчивости системы. Экономические реформы в этой стране до сих пор не обеспечивают рост и приток иностранных инвестиций. Можно сказать, что Киргизия находится в поиске окончательной модели развития.

Таджикистан развивается по сложному пути. Гражданское противостояние в республике отбросило ее развитие на годы. Но все же, после заключения мирного соглашения в 1997 г., начался процесс мирного строительства, который характеризовался параллельными этапами интеграции оппозиции в правительственные структуры и политическими реформами. На сегодня Таджикистан обеспечил устойчивую стабильность своей политической системы. Специфическим аспектом этой модели или ее коренным отличием от других моделей развития является то, что в политической системе Таджикистана, единственной среди стран ЦА, активно действует Партия исламского возрождения, тогда как в других странах региона деятельность политических партий на религиозной основе запрещена.

События, которые разворачиваются в мусульманском мире, сопровождаются тенденциями, которые не могут не беспокоить жителей Центральноазиатского региона. Если серьезно не принять во внимание эти тенденции, то светским режимам с мусульманским населением предстоит встретиться с новыми угрозами и вызовами внутривнутриполитического и внешнеполитического характера. В частности, для безопасности ЦА представляют серьезную угрозу тенденции развития событий в странах с мусульманским населением, но со светскими политическими режимами. Названные режимы развиваются сейчас, в основном, по трем моделям:

Египетская модель. В структуре этого политического режима долгое время находились исламские общественно-политические организации, которые наравне со светскими политическими силами вели национально-освободительную борьбу за независимость страны. Но проведенный в 2007 г. референдум о запрещении деятельности религиозных партий в политическом пространстве Египта поставил деятельность многих общественно-политических субъектов этой страны вне закона. Египетская революция начала 2011 г., приведшая к уходу от власти президента Х.Мубарака, и последующие события показывают, что о восстановлении стабильности в этой стране говорить еще рано. Нелегальные экстремистские мусульманские группировки могут усилить свою деятельность в Египте и ситуация в итоге еще более обострится, втягивая в этот процесс грамотных и профессиональных политиков из запрещенных недавно организаций.

Алжирская модель. Здесь светская власть, после своего поражения на парламентских выборах в 1991 г., объявила алжирские религиозные организации незаконными и начала с ними вооруженную борьбу. Фактически светский режим в государстве сохранялся военной силой. В результате последней революции сегодня мы наблюдаем попытки восстановления стабильности в стране, об успехах которых пока говорить также рано.

Близка к последней *турецкая модель*. Ситуация, развивающаяся в Турции, время от времени сталкивается с конституционным кризисом, связанным с угрозой прихода к власти происламских сил. Но не меньшей угрозой является то, что гарантом светского режима выступают вооруженные силы этой страны. Вооруженные силы Турции периодически становятся перед выбором: вмешаться или нет в процесс нарастающей исламизации страны, несущей крах наследию кемалистской революции.

Большое значение в данном контексте имеет традиция беспрецедентно тесных исторических и культурно-цивилизационных связей, существовавших между МС и народами современных стран Центральноазиатского региона в течение многих веков. На основании этого МС стремятся играть роль активного интегрирующего фактора на возникшем в постсоветскую эпоху новом геополитическом пространстве, используя для этого свое экономическое, политическое и культурное присутствие. Стратегические интересы этих стран в ЦА определяются разными задачами. В частности, активность на этом направлении может иметь своим следствием укрепление безопасности в приграничных районах этих стран, превращение их в зону добрососедства. Разумеется, при этом МС присоединяются к поиску и реализации путей обеспечения стабильности и безопасности в самих странах ЦА. Включение некоторых из МС в процесс интеграции со странами Центральной Азии означает для них частичное преодоление собственной изоляции, в которую, например, Иран сам себя втянул в период после установления в стране режима исламской революции. Для Ирана это «...уменьшение враждебности и увеличение симпатий по отношению к себе»³. Представляется, что Центральноазиатский регион позиционируется Ираном как политическая площадка для интенсификации отношений с Европой, а также региональными лидерами мирового значения, такими как Китай и Япония.

³ The Iranian Journal of International Affairs. -Spring 2000, vol.XII, No 1, p.34.

Еще до установления дипломатических отношений с мусульманскими странами ЦА в Иране разработали стратегию своего постепенного проникновения в эти государства. Она опиралась на широкомасштабное экономическое сотрудничество, создание динамичных транспортных связей, открытие посольств и консульских учреждений, всяческое содействие вступлению и полноправному членству в Организации исламской конференции (ОИК), Организации экономического сотрудничества (ЭКО), Исламском банке, помощь в транзите товаров и др.⁴.

Помощь и поддержку при вступлении в международные организации МС начали оказывать странам Центральной Азии немедленно после провозглашения ими независимости. При содействии многих из авторитетных членов ОИК все страны региона ныне представлены в этой самой многочисленной международной структуре исламского сообщества.

Так, очень много сделала Исламская Республика Иран для интеграции этих стран в рамках Организации экономического сотрудничества, более известной ныне по аббревиатуре ЭКО (анг. ESO - Economic Cooperation Organization). Как известно, ЭКО образовалась в конце 1985 г. на базе существовавшей ранее организации "Региональное сотрудничество ради развития", объединявшей в 1960-х-1970-х гг. Иран, Турцию и Пакистан. С победой в Иране в 1979 г. исламской революции она прекратила свое существование. В конце 1985 г. организация была реанимирована под названием ЭКО, но долго не могла стать на ноги. Как говорил тогдашний президент Турции Тургут Озал, «нам не помешало бы вливание свежей крови»⁵. Реальная возможность расширения организации появилась в начале 1990-х гг., после распада СССР и образования рядом с зоной деятельности ЭКО новых государств. Уже через два месяца после

⁴ Mohadessin M. Islamic Fundamentalism: The New Global Threat. Washington, 1993, P.78-81.

⁵ «Новости недели» (Израиль), приложение «За рубежом», 7 июля 2000 г., С.6.

образования СНГ эта проблема была обсуждена на встрече в Ашхабаде лидеров стран-основателей ЭКО с президентами всех центрально-азиатских государств. На очередном заседании совета министров ЭКО, прошедшем 28 ноября 1992 г. в Исламабаде, в его состав были приняты все пять государств ЦА и Азербайджан. Иран занимает в ЭКО главенствующее положение. Его лидеры поначалу хотели видеть в лице ЭКО не только экономический союз, но и авторитетное объединение исламских государств с проиранской доминантой. Так, в 1996 г. во время саммита ЭКО в Ашхабаде тогдашний иранский президент Али-Акбар Хашеми-Рафсанджани в присутствии всех глав стран Центральной Азии посоветовал им «...не иметь дел с сионистами» и порвать отношения с Израилем. В ответ на такое заявление президент Узбекистана Ислам Каримов поставил вопрос о том, что если страна-создатель ЭКО будет и впредь оказывать политическое давление и предпринимать попытки превратить это экономическое сообщество в трибуну конфронтации, его страна прекратит в нем свое членство. С течением времени, однако, происходит эволюция иранских подходов к участию в ЭКО. С приходом к власти в 1997 г. исламского реформатора-прагматика С.М.Хатами в Иране дистанцировались от планов превращения ЭКО в полюс силы или объединение исламских государств. С.М.Хатами, проложивший в 1997-2005 гг. дорогу к диалогу Ирана со странами Запада, опирался именно на ЭКО в реализации ирано-западноевропейского диалога. В Иране надеются и на то, что с течением времени ЭКО сможет играть роль надгосударственной структуры, нацеленной на защиту региональной безопасности. Именно там, в Тегеране, находится штаб-квартира ЭКО, и послы всех стран-членов этой организации в Тегеране являются в ней постоянными представителями, составляя центральный рабочий орган.

Сразу же после включения в состав ЭКО постсоветских стран Центральной Азии путем консенсуса определились основные направления

интеграционной деятельности в рамках организации. Это – транспортно-коммуникационная сфера, энергетика, сельское хозяйство, промышленность, частично – наука, культура и образование. Развитие сотрудничества в различных совместных проектах помогает Ирану как самому активному участнику этой международной интеграционной структуры преодолевать политическую и экономическую изоляцию страны, ослабить бремя продолжающихся против него американских и международных экономических и политических санкций. Кроме того, иранский экспорт разнообразных передовых технологий в страны-партнеры по ЭКО и предоставляемый Ираном своим партнерам по ЭКО режим наибольшего благоприятствования в торговле позволяют существенно улучшить имидж ИРИ на региональном уровне. Авангардная роль в ЭКО также необходима Ирану для поддержания и укрепления своих позиций как страны, претендующей на лидерство в исламском мире, и одного из решающих игроков на центрально-азиатском векторе постсоветского пространства. Именно поэтому Иран всячески противится идее включения в ЭКО новых членов, в частности, России. На его взгляд, это дало бы России дополнительные шансы на лидерство в регионе и подорвало бы политический вес Тегерана. Такую позицию Ирана поддерживают и другие страны-члены ЭКО⁶. Прошедшая в ноябре 2006 г. в Мешхеде (Иран) научная конференция «Центральная Азия и внешняя политика Исламской Республики Иран» подчеркнула особое значение ЭКО в развитии отношений Ирана с государствами региона, отметив, что в перспективе руководство страны предполагает реализовать в рамках ЭКО ряд масштабных проектов⁷.

Из успешно реализованных проектов ЭКО наиболее важным является завершенное в 1996 г. строительство железной дороги Мешхед-

⁶ <http://www.polpred.ru/free/turcija/23.htm4>

⁷ ИСНА, 29 ноября 2006 г, код новости 8509-04927

Серахс-Теджен, связавшей воедино сеть иранских железных дорог с железнодорожными магистралями Центральной Азии и открывшей кратчайший и экономически эффективный путь из стран Центральноазиатского региона в направлении Ближнего Востока и Европы. Тем не менее, в речи президента Узбекистана И.Каримова на встрече государств-членов ЭКО, приуроченной к пуску в эксплуатацию этой магистрали, была сделана попытка существенно принизить ее значение и обосновать необходимость прокладки новых дорог в обход иранской территории⁸. При этом сам Узбекистан начал эпизодически пользоваться этой магистралью лишь с августа 1996 г., преимущественно для экспорта производимого в стране хлопка в направлении Юго-Восточной Азии⁹, не реализуя полностью свою квоту провоза экспортной продукции по магистрали. Несмотря на это, официальные представители этой страны не раз заявляли о том, что построенная силами стран-членов ЭКО транспортная артерия «...не способна в полной мере обеспечить потребности Узбекистана и других среднеазиатских государств»¹⁰. Между тем, даже учитывая не совсем позитивный опыт сотрудничества в использовании дороги Мешхед-Серахс-Теджен для экспортно-импортных операций, Иран и Узбекистан намерены широко взаимодействовать в ряде других транспортных проектов, в том числе – трехсторонних.

Так, в январе 2005 г. был подписан протокол о начале реализации трехстороннего узбекско-ирано-афганского соглашения о строительстве автомагистрали, соединяющей все три государства. Значение этой артерии для самого Узбекистана в том, что создается еще один экономичный путь для экспортных операций в южном направлении, в частности, для вывоза таких важных статей узбекского экспорта как хлопок и стройматериалы. Эта магистраль создаст более широкие возможности для выхода иранских

⁸ Правда Востока (Узбекистан), 16 мая 1996 г.

⁹ Эттэлаат, 28 августа 1996 г.

¹⁰ <http://farsiiran.narod.ru/news/afghanroad.htm>

товаров на рынки государств ЦА. Такой оптимизм, однако, не принимает во внимание того факта, что политические реалии и экономическая политика в нынешнем Узбекистане не способствуют открытию границ страны для свободного рынка. Вместе с тем, заинтересованность Узбекистана в строительстве этой шоссейной магистрали и проработка вопроса возможности строительства параллельной железной дороги позволяют говорить о перспективности этого инфраструктурного проекта. Для Ташкента этот проект важен еще и как реальное взаимодействие с Ираном в плане поддержки правительства Х.Карзая, демонстрация решимости на деле способствовать нормализации общественно-политической жизни в Афганистане, поднять его разрушенную экономику.

За прошедшие годы наиболее активно в проектах ЭКО были задействованы Туркменистан и Казахстан, чьи приоритеты сконцентрированы в сфере транспорта и экспорта энергоносителей. Именно в этой области Иран в состоянии эффективно помочь своим географическим соседям. Для Казахстана сотрудничество в рамках ЭКО позволяет решать вопросы доставки через транзитные государства его продукции на мировые экспортные рынки. Расширение регионального сотрудничества в рамках ЭКО стимулирует формирование более эффективных евро-азиатских транспортных коммуникаций. Казахстан заинтересован в том, чтобы привлечь грузопотоки, а географическое и геополитическое расположение Казахстана позволяет развивать транзитный транспортный потенциал республики. Железные дороги этой страны не могут развиваться без сотрудничества со странами ЭКО. Именно в рамках этой интеграционной структуры возможна реализация проекта по запуску пассажирского сообщения между Казахстаном и Турцией. Реализация транспортных проектов ЭКО позволяет резко увеличить экспортный потенциал Казахстана по доставке национальной продукции в регион Персидского залива и в направлении Индийского

океана. Казахстан изъявил желание активизировать сотрудничество с Ираном на двустороннем и региональном уровне, в первую очередь – в рамках ЭКО, отдавая в будущем приоритет нефтегазовой сфере.

Туркменистан также интенсивно использует созданный ЭКО транспортный коридор, который соединяет север и юг в интересах азиатских и европейских партнеров, и активно поддерживает новые инфраструктурные проекты. Эта страна выступила инициатором введения сквозных поездов в пределах границ стран-членов ЭКО. Для осуществления этого проекта проводится серия переговоров по практическим вопросам с отдельными странами-членами организации. В 2007 г. объём железнодорожных транзитных перевозок по маршруту Иран – Туркменистан – Казахстан – Узбекистан составил более 2,5 млн. тонн, большую часть которых составляют иранские экспортные товары.

В последнее время заметную активность в рамках ЭКО стал проявлять Таджикистан. Своеобразными аутсайдерами ЭКО считаются Узбекистан и Киргизия. В то время, как пассивность Киргизии объясняется ее невостребованностью в ряде совместных объектов, ситуация с Узбекистаном представляется более сложной и обосновывается рядом серьезных причин. Президент И.Каримов всерьез критикует саму концепцию регионального экономического сотрудничества в таком виде, как она реализуется в рамках ЭКО. По его словам, до сих пор реально не разработаны приоритетные сферы сотрудничества, которыми и следовало бы ограничиваться. Каримова не устраивает и ярко выраженная политизация ЭКО, сосредоточение всех рычагов ее руководства в руках Ирана, с которым у него имеются серьезные разногласия по различным политическим вопросам. Такую позицию разделяют и некоторые другие страны-члены ЭКО. В рамках ЭКО сложился определенный конфликтный потенциал, связанный с противодействием ряда входящих в ЭКО стран усилению позиций Ирана. В сентябре 2005 г. во время встречи в Нью-

Йорке министров иностранных дел стран-членов ЭКО с участием ее генерального секретаря Асхата Оразбая было заявлено о необходимости выработки новой стратегии и изменении организационной структуры, концентрации усилий стран-членов на развитии транспортных и энергетических коммуникаций. По всей видимости, это можно считать началом процесса пересмотра основ руководства ЭКО. Однако это не говорит о кризисе организации. Напротив, на ее саммите, прошедшем в мае 2006 г. в Баку, была выражена решимость увеличить в течение ближайшего десятилетия взаимный товарооборот в четыре раза. За эти же годы должна быть создана единая торговая зона, проведена гармонизация тарифной политики, таможенных сборов. Страны-члены ЭКО намерены совместно решать вопросы энергетической безопасности. Планируется объединиться в борьбе с международным терроризмом. В ряду насущных задач ЭКО – придание новых стимулов взаимодействию в таких областях, как коммуникации, торговля, энергетика, сельское хозяйство, информационные технологии.

Страны ЦА в своих отношениях со странами мусульманского мира руководствуются экономическими, а не религиозными интересами. Как, впрочем, и остальные мусульманские страны между собой.

На данном этапе все государства ЦА сходятся в своем мнении о том, что диалог с МС необходимо вести прагматично, исходя из национальных интересов.

1.2. Исламский фактор в Центральной Азии

Значительные геополитические перемены и глобализационные процессы, происходящие в современном мире в последние десятилетия, заставляют по-новому взглянуть на роль ислама в нем. Ислам становится все более весомым фактором в мировой политике. Ещё в конце 70-х – начале 80-х годов XX века так называемый "исламский бум" способствовал политизации ислама и исламизации политики в

мусульманских странах. Одна из основных причин этого явления заключается в том, что ислам как целостная религиозная система претендует на всеобъемлющее регулирование всех сторон жизнедеятельности мусульман. Этому способствуют исторически сложившиеся и закрепившиеся в общественном сознании представления о неразделенности в исламе религии и политики, духовного и светского, ислама и образа жизни мусульман в целом. Во многих мусульманских странах существуют правительства, партии, движения и группировки, придающие исламским принципам политическое значение и стремящиеся перестроить общество в соответствии с исламскими идеалами. Все более привлекательными для них в этом плане становятся идеи исламского фундаментализма.

Значение мусульманской традиции для центрально-азиатского общества, равно как и роль ислама в политической жизни региона, все больше возрастает. Ответной реакцией ислама на усиливающуюся глобализацию стал фундаментализм, основанный на классической исламской доктрине. Этому способствует также деятельность различных исламских радикальных группировок и экстремистских организаций, которая оказывает дестабилизирующее воздействие на социально-политическую ситуацию в мусульманских странах. После окончания "холодной войны" и распада социалистического лагеря и Советского Союза исламский фундаментализм стал основным идеологическим противником Запада и НАТО.

Несмотря на особенности распространения в ЦА, ислам с самого начала стал идеологической и политической основой создания социально-экономического и государственного строя в регионе. Взаимосвязь ислама и политики проявлялась в общественно-политической жизни региона повсеместно.

Политический ислам в ЦА возник еще в советские годы, когда он адаптировался к режиму и существовал в основном как "бытовой" ислам.

Он развивался в общемусульманском контексте и общемусульманские процессы повлияли на появление в регионе политического ислама. Политический ислам в современной Центральной Азии появился в 70-е годы XX столетия и существовал подпольно в советском государстве. После суверенизации центрально-азиатских республик исламисты почувствовали себя более свободно и смогли легализовать свою деятельность, направленную на укрепление политического ислама.

Исламский фундаментализм выступает как альтернатива и ответ вызовам глобализации. Глобализация в незападных странах, прежде всего в мусульманских, во многом воспринимается как новая форма колониализма, вестернизации и американизации мира. Исламский фундаментализм определяет многие политические процессы, направления оппозиционных движений в большинстве этих государств. Причем главные идеи исламского фундаментализма в целом совпадают с основными принципами глобализации. Вследствие целого комплекса причин: тяжелого экономического, политического положения, крушения коммунистической идеологии, роста населения и неудачи попыток интеграции на национальной основе – исламский фундаментализм становится все более привлекательным для политиков мусульманских стран Центральной Азии и представляет собой отражающую реалии сегодняшнего дня парадигму, которая с учетом сложившейся ситуации стала альтернативой и ответом вызовам глобализации.

Распространение ислама в Центральной Азии, происходило, в большинстве случаев, насильственным путем. Однако ислам распространялся и «мирными» путями: в результате миссионерской проповеди, экономическими рычагами (освобождение вновь обращенных от уплаты подушного налога – джизьи), торговлей.

Особенности, присущие начальной стадии исламизации ЦА, в значительной степени определили природу процессов исламизации в

дальнейшем. Процесс исламизации региона приобрел специфический характер и связан с рядом факторов. Это объясняется, прежде всего, тем, что население ЦА не являлось гомогенным, а состояло из кочевого и оседлого населения, хозяйственно-культурный тип которых основывался на иных принципах и условиях, они находились на разных социально-экономических уровнях, со своими духовными потребностями и ценностями, отличались своими социо-культурными признаками. Более того, между оседлым и кочевым населением отсутствовали этногенетические связи и языковая общность. На всем протяжении исторического сосуществования оседлого и кочевого населения они противопоставляли себя друг другу, иногда это приводило к вооруженным конфликтам между ними.

Другим фактором было то, что ислам в Центральной Азии столкнулся с различными культурно-идеологическими системами, среди которых огромный пласт автохтонных древних верований центрально-азиатских народов, в чьей основе поклонение природе и почитание предков, развитая магия, обожествление неба (тенгрианство), зороастризм и манихейство. Так, к началу исламизации в регионе укрепились восточно-христианские неортодоксальные учения – неосторианство, манихейство. Наиболее крупным очагом христианства были Самарканд и Семиречье, Ферганская долина. Однако ни одна из этих религий не стала господствующей или государственной религией. Центральная Азия находилась на перекрестке взаимодействия различных религиозных культур и этносов (иранских и тюрко-монгольских), торговых связей империй древности и средневековых (Шелковый путь). Это весьма существенно сказалось на центрально-азиатской исламской цивилизации. Ее отличительной чертой стал величайший культурный синтез. Взаимодействие разных культурных традиций неизбежно порождало синкретизм. Ислам в Центральной Азии был и остался синкретичным. В результате адаптации местного духовного субстрата ислам приобрел здесь

специфические черты, отличающие его среднеазиатскую форму бытования от арабского мира и других историко-культурных ареалов. В период исламизации произошло сращивание традиционных верований и обрядов с мусульманством¹¹. Благодаря этому ислам смог сформировать социально-культурную среду, которая сохранялась в условиях светского государства и распространения среди части населения атеистического мировоззрения в период советского государства. Исламская цивилизация в ЦА впитала и на всем протяжении истории сохраняла способность усваивать различные институты и представления, как прочно коренившиеся в народном сознании, так и насаждаемые сверху («религия коммунизма»)¹².

Исламизация населения ЦА коснулась, прежде всего, оседло-земледельческих районов. Узбеки, таджики, южные киргизы, оседлые туркмены приобщились к исламу на несколько веков раньше, чем кочевники – казахи и северные киргизы. Именно в земледельческо-оседлых районах ислам получил наибольшее распространение, что отразилось и в дальнейшем.

Следует отметить и тот факт, что ислам в полной мере не раскрыл свой духовный и интегрирующий потенциал в среде кочевников ЦА, не создал предпосылок этносоциальной общности, не уничтожил родоплеменной институт и вместе с ним родоплеменное сознание, в результате чего кочевое общество оказалось на стадии длительной стагнации.

Таким образом, в процессе исламизации народов ЦА наблюдался ряд особенностей (языковой барьер, периферийность от исламского центра и т.д.), которые в последующем отражались на эффективности укоренения ислама в среде чужой культуры, иных представлений и ценностей.

Одним из главных факторов конфессионально-культурной идентификации государств ЦА остается ислам. Так было изначально, однако при советской власти подобная самоидентификация существовала

¹¹ Сухарева О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков// Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 5.

¹² Полонская Л. Р. Единство и многообразие ислама//Восток. 1994. №6. С. 17.

неофициально. Национальная традиция в официальной идеологии рассматривалась отдельно от религиозной. Считать себя мусульманами позволялось лишь "отсталой" части населения: старикам, домохозяйкам и т.п. Ныне двойная самоидентификация – узбек-мусульманин, таджик-мусульманин и т.д. полностью воссоздана и звучит столь же естественно, как араб-мусульманин или перс-мусульманин. Так, в середине 90-х гг. мусульманами считало себя 78,8% казахов и 95% киргизов¹³, более 90% узбеков¹⁴.

Роль ислама как фактора этнокультурной самоидентификации аксиоматична, как аксиоматична роль ислама и в качестве одного из регуляторов общественных отношений. Без этого мусульманское общество утрачивает свои фундаментальные генетические характеристики, да и вообще не является таковым. Ислам также выполнял эту функцию во времена СССР. Это справедливо и для сельской местности, где сохранялись нормы общинных отношений, которые были приспособлены к колхозной системе, и для города, в котором неформальной основной ячейкой социализации оставалась махалля, где традиции отношений между людьми были сакрализованы исламом, где всегда выполнялись основные религиозные обряды и где авторитетом пользовались духовные лица.

Огромное значение имеет исламская традиция в семье. Иногда при оценке влияния религии на общество, в том числе, на политическую сферу, это обстоятельство выводят за скобки. Как представляется, здесь совершается ошибка: именно в детстве в сознании человека закладывается убеждение в абсолютной важности, нерушимости традиции, вера в то, что, поступая в соответствии с ней, он действует правильно. Значимость традиции в семейных отношениях, в быту, подрастающий человек распространяет и на общественную и политическую сферы.

¹³ Султангалиева А.К. Ислам в Казахстане. История, этничность, общество. Алматы. 1998. С. 63.

¹⁴ Абдуллаев Е. Ислам и "исламский фактор" в современном Узбекистане. //Центральная Азия. Лулео (Швеция). 1997. №6. С. 87.

В ЦА по-прежнему сильно традиционное, исторически сложившееся распределение политических и социальных ролей между родами, кланами, племенами, жузами, региональными группировками. Причем на всех – средних и высших – ступенях административной иерархии находятся выходцы из традиционных, связанных с отправлением религиозного культа семей и кланов. В частности, в таджикской и узбекской номенклатуре влиянием пользуются ферганские ходжи (ведущие свое происхождение от праведных халифов). Отдельно следует сказать о сохранении в регионе суфийских братств (орденов), прежде всего, влиятельнейшего из них – Накшбандийя, члены которого также пользуются большим авторитетом и оказывают влияние на принятие решений в светских сферах.

Оставаясь одним из регуляторов общественных отношений, ислам неизбежно становится фактором политической жизни. Многие эксперты считают это противоестественным, исходя из исторического опыта христианства, секуляризованных обществ Запада. Стремление видеть в исламе сугубо религиозную, культовую сторону характерно и для части мусульманского духовенства, которая находится под патронажем властей и опасается, что в случае политизации ислама она может утратить свое влияние. Тем не менее, соединение религии с политикой является имманентной чертой исламской цивилизации. Это обусловлено тем, что в исламе нет свойственного христианству деления на духовное и мирское. Ислам – религия "тотальная" в том смысле, что она распространяется на все стороны общественного бытия, внося в него свои регламентирующие установки. В исламе присутствует такое уникальное явление, как шариат – свод законов, определяющих жизнь человека и общества. История свидетельствует, что тенденция построить исламское государство существовала в мусульманских обществах на различной стадии их развития. Опирающиеся на исламские ценности и представления экономические и политические программы, их реализация являются неотъемлемой чертой

общественно-политической жизни всего мусульманского мира. И страны ЦА вряд ли станут безусловным исключением из общего правила.

Наряду с общими предпосылками, идущими от специфики мусульманской цивилизации, также существуют вполне конкретные причины усиления исламского фактора, определяемые конъюнктурными причинами – состоянием общества, целями и задачами тех или иных политических сил и т.д.

Каждая использующая ислам политическая группировка, будь то правящий истеблишмент или оппозиция, руководствуется собственными эгоистическими соображениями. Все они действуют в социальной и культурной среде, в той или иной степени подготовленной к использованию ислама в политике, чуткой к исламским лозунгам. При этом мусульманское общество не гомогенно. Предрасположенность к исламской мотивации в политике разнится в зависимости от социальной принадлежности, рода занятия, пола, возраста людей. Социологические исследования на предмет отношения населения к исламу проводятся почти во всех странах ЦА, за исключением, пожалуй, Туркменистана, где такого рода опросы весьма затруднены по причине крайне жесткого даже по региональным меркам режима. Результаты исследований обнаруживают, во-первых, признание постоянного возрастания роли ислама в общественной и политической жизни стран, во-вторых, появляющиеся в этой связи опасения. Так, в середине 1990-х годов в Киргизии в том, что роль ислама в общественной жизни будет возрастать, были уверены 86% населения¹⁵, свыше 50% узбеков полагали, что "только в исламе можно найти решение многих проблем Узбекистана"¹⁶.

Социальные причины политизации ислама кроются в общем системном кризисе, в трудностях экономического переустройства

¹⁵ Свободные горы. Бишкек. 1993. 5 мая.

¹⁶ Kangas R. The Three Faces of Islam in Uzbekistan - "Transition". 1995. 29 December. Vol.1. N.24, P.19.

общества, в понижении социального статуса целых общественных слоев, что приводит к устойчивой разочарованности людей. В этих условиях многие приходят к выводу, что единственным выходом из создавшейся ситуации является возврат к аутентичным этноконфессиональным ценностям, которые были утрачены в советский период. Речь идет о своего рода поиске "исламской альтернативы", которая, хотя и представляется утопией, тем не менее, становится все более востребованной среди самых разных слоев общества. Она зиждется на стремлении восстановить социальную справедливость. Это, в свою очередь, непосредственно связано с апелляцией к "истинной" исламской традиции времен Пророка, в которой, по мнению мусульман, социальная справедливость и прочная духовная и политическая власть неразделимы.

Обращение к исламу правящего истеблишмента носит сложный противоречивый характер. С одной стороны, все государства Центральной Азии в соответствии с их конституциями являются светскими. Религия в них отделена от политики. Отвечая на вопрос о том, соответствует ли Узбекистан "стандартам мусульманского мира", его президент И. Каримов говорит: "Мы не вписываемся в мусульманский стандарт, поскольку мы светское государство"¹⁷. В таком же ключе рассуждал и глава Туркменистана Сапармурат Ниязов (Туркменбаши): "Мы, – подчеркивает он, – твердо провозгласили принцип, ... что Туркменистан – светское государство"¹⁸. А в принятом в 1994 г. на совещании религиозных деятелей Туркменистана постановлении говорится о "недопустимости вмешательства религии в организационные и государственные дела"¹⁹.

Вместе с тем, практически ни одна из стран ЦА не избежала проявления особого отношения к исламу со стороны официальных

¹⁷ Народное слово. Ташкент. 1997. 20 января.

¹⁸ Независимая газета. 1992. 20 января.

¹⁹ Туркменская искра. Ашхабад. 1994. 3 мая.

властей, в том числе первых лиц государства²⁰. Три обстоятельства побуждают правящую элиту обращаться к исламу. Во-первых, это стремление задействовать религию для консолидации коренного мусульманского этноса и одновременно использовать ее как один из источников создания общенациональной идеологии. Последнее характерно в большей степени для Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана, где, заметим, количество немусульманского населения резко уменьшилось и имеет устойчивую тенденцию к дальнейшему понижению. В Казахстане и Киргизии исламская мотивация официальной идеологии практически исключена. Это объясняется наличием большой, в Казахстане почти равновеликой казахскому этносу, русскоязычной общины.

Во-вторых, правящая элита стремится перехватить инициативу использования ислама у некоторых своих оппонентов, которые все чаще выступают с критикой властей именно с религиозных позиций. Наибольшие усилия в этом направлении предпринимают правящие круги Узбекистана, поскольку в этой стране религиозное движение становится все влиятельнее. В начале 1990-х годов желание монополизировать ислам стало одной из главных тенденций, определявших развитие внутритаджикского конфликта, в ходе которого исламской оппозиции удалось войти в правительство, став легитимной частью правящего истеблишмента. В "борьбу за ислам" постепенно втягиваются правящие круги Киргизии и, пусть и в меньшей степени – Казахстана.

Характерным признаком использования ислама в политических целях является установление государственного контроля над деятельностью мусульманского духовенства²¹. Власти вмешиваются в назначение имамов и мулл, пытаются "редактировать" их проповеди.

²⁰ Султангалеева А. Новые независимые государства. //Казахстан и мировое сообщество. Алматы. 1995. №3(4), С 50.

²¹ Применительно к исламу, где отсутствует присущая христианству церковная иерархия, рукоположение в сан и т.п., духовенство – термин условный. Ислам не допускает института посредничества между Всевышним и верующим в него.

Конформистская часть духовенства получает от государства заработную плату. Одним из проверенных в этом отношении методов является создание находящихся под патронажем государства институтов, таких, как, например, образованный в 1994 г. в Туркменистане Генгеш (совет) по делам религии при президенте страны, созданный в 1997 г. в Киргизии – Межведомственный совет по делам религии, или Совет по делам религии в Казахстане.

В-третьих, власти обращаются к исламу в целях укрепления своего авторитета в мусульманском мире. В последние десятилетия связи бывших советских республик с их зарубежными единоверцами заметно укрепились. При этом руководителям стран ЦА приходится постоянно ссылаться на общую религиозную идентичность, а иногда демонстрировать, пусть и в специфической форме, приверженность идее исламской солидарности. [В апреле-мае 1999 г. эта тема иногда возникала в связи с конфликтом в Югославии. Тогда в Узбекистане и Туркменистане напоминали о том, что в отличие от России они солидаризуются со своими единоверцами в Косово]. Центрально-азиатские страны – члены влиятельнейшей Организации исламская конференция пытаются получать финансовую помощь от Исламского банка развития. Примечательно и то, что все без исключения президенты стран ЦА совершили обязательный для мусульманина хадж в священные города Мекку и Медину.

Апелляция центрально-азиатских политиков к исламу есть своего рода демонстрация их независимости от России. Бывший Туркестан возвращается на тот исторический ландшафт, из которого он в советское время был изъят.

В то же время, в некоторых ситуациях этот отход отнюдь не является безусловным признаком ухудшения межгосударственных отношений. Более того, в некоторых случаях исламский фактор может парадоксальным образом способствовать сближению России и Центральной Азии. Последнее связано, например, с угрозой распространения исламского

радикализма из соседнего Афганистана. В принятом в 1998 г. совместном заявлении российского и узбекского президентов отмечалась "взрывоопасная ситуация" в Афганистане и что "дальнейшая эскалация напряженности в этой стране, чреватая распространением религиозного экстремизма и терроризма, ростом контрабанды оружия и наркотиков, исходом беженцев, представляет угрозу национальным интересам и безопасности государств региона"²². Это мнение тогда разделяли и остальные президенты центрально-азиатских государств, за исключением туркменского лидера С.Ниязова, который рассчитывал на установление с талибами нормальных отношений, а также на то, что он способен сыграть роль посредника во внутриафганском конфликте.

В регионе опасаются не столько завоевательных походов афганских талибов, сколько того, что их успехи могут вдохновить местных исламистов на более решительные действия.

Нужно отметить, что для определенной части центрально-азиатской оппозиции исламский фактор представляется решающим. Такие оппозиционеры открыто заявляют, что улучшить нынешнюю ситуацию в обществе можно лишь при наличии "исламской альтернативы".

Наиболее расхожей дефиницией, применяемой к этой оппозиции, является фундаментализм, исламизм, экстремизм или ваххабизм. Очевидно, при анализе исламского политического движения (и не только в ЦА) следует более четко определить, что стоит за этими терминами. Под исламским фундаментализмом мы понимаем мировоззренческие представления, в которых идеализируется "золотой век ислама", а также идеологию, аргументирующую неизбежность и необходимость восстановления на основе шариата ценностей, норм общественного и личного поведения, что в конечном счете возможно лишь в условиях исламского государства. Тем не менее, можно всю жизнь оставаться

²² Народное слово" 1998. 9 мая.

исламским фундаменталистом, но при этом быть законопослушным гражданином и не участвовать ни в каких политических акциях.

Исламизм же есть политическое действие, направленное на установление исламского государства, т.е. реализацию главной цели фундаменталистской идеологии. Вне всякого сомнения, фундаментализм и исламизм присутствуют в обществе и на политической сцене ЦА. Их последователи являются полноправными участниками политического процесса. Пытаться игнорировать это обстоятельство и тем более бороться против фундаментализма и исламизма как общественно-политического и идейного феномена бесполезно и даже опасно. Из опыта мусульманских стран – Алжира, Турции, Судана, Египта, Индонезии и других – известно, что гонения на политический ислам приводят к радикализации его сторонников, к появлению экстремистов. Это дестабилизирует ситуацию в обществе, а то и способно привести к гражданской войне, как, например, это имело место в Алжире после попытки властей в 1992 г. уничтожить ведущую оппозиционную силу – Исламский фронт спасения.

В государствах ЦА исламизм носит анклавный характер. Степень влияния исламистской оппозиции в обществе зависит от степени его (общества) традиционности, от наличия в нем возможности ведения соответствующей пропаганды, наконец, от способности оппозиции к самоорганизации. В деятельности исламистов на протяжении 1990-х можно – пусть и весьма приблизительно – выделить три этапа. Первый этап приходится на начало десятилетия, когда политический ислам развивался в общем контексте исламского возрождения. В это время создавались исламские политические организации, в том числе республиканские отделения образованной еще до распада СССР в 1990 г. в Астрахани Всесоюзной исламской партии возрождения (ИПВ). В Узбекистане, помимо местного отделения ИПВ, возникло движение "Адолат", Исламская партия Туркестана, в Казахстане – Партия национальной

свободы "Алаш", в Киргизии – Исламский культурный центр (имевший крен в сторону политики). Не удалось создать исламскую организацию лишь в Туркменистане, где почти сразу после провозглашения независимого государства был установлен жесткий режим.

Большинство исламистских формирований того времени не состоялись как устойчивые политические организации. Одни из них оказались не более чем просветительскими кружками, у других не сложилось прочного организационного центра. Третьи ограничивались разовыми, пусть и достаточно громкими, акциями. Некоторые организации фактически самоликвидировались, другие были задавлены государством.

Наиболее успешной оказалась деятельность Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), которая уже в 1992 г. входила в состав правительства, а затем играла ключевую роль в оппозиции. В Ферганской долине пользовалось большой популярностью движение "Адолат", но оно в конечном счете было повержено президентом Каримовым.

Второй период – 1992-1996 гг. Тогда казалось, что в странах Центральной Азии, за исключением Таджикистана, исламисты не способны составить реальную конкуренцию правящему режиму. Однако за этим внешним затишьем происходила реструктуризация исламизма. К тому же в регионе сохранялись условия, благоприятствующие распространению идей исламизма: ухудшение экономического положения, рост безработицы, общая разочарованность неудачей реформ. И вопрос его реанимации уже тогда был лишь вопросом времени.

Начало третьего периода приходится на 1996-97 гг. Для этого периода характерен новый виток активизации исламистов. Объединенная таджикская оппозиция (ОТО) добилась участия в коалиционном правительстве, где она получила ряд ключевых постов. В Узбекистане активизируются радикальные организации "Воины джихада", "Хезболлах",

"Акрамия". Консолидируется слой неконформистского духовенства, и многие мечети, прежде всего в Ферганской долине, становятся центрами исламской политической оппозиции. Исламизм начинает укрепляться в Ташкенте²³.

Политический ислам постепенно закрепляется в Киргизии и в южных районах Казахстана. В Киргизии, прежде всего в городах Ош и Джалал-Абад, а также Баткене некоторые исламистские группировки добивались официальной регистрации от Министерства юстиции²⁴. В Оше и вокруг него, где по официальным данным действует свыше 1000 мечетей, заметно влияние фундаменталистской идеологии, главными носителями которой являются проживающие там узбеки, а также проникающие сюда агитаторы из Таджикистана²⁵. В 1996-97 гг. в республике велась пропаганда в пользу создания исламской партии.

Что касается Казахстана, то, хотя большинство специалистов сходится во мнении, что здесь "широкого распространения идеи исламского фундаментализма пока не получили", есть немало фактов, свидетельствующих в пользу того, что на юге страны, в Шимкенте, Туркестане и других городах и областях тенденция политизации ислама проявляется все более отчетливо.

Нужно отметить, что активность политического ислама сдерживается отсутствием единого руководящего или координирующего центра в масштабах каждой страны, не говоря уже обо всей Центральной Азии. Важно и то, что для достижения успеха любому исламскому политическому движению требуется авторитетный лидер. Сегодня нигде в Центральной Азии такого лидера нет, и нет даже подходящей кандидатуры на это место. Главная причина такого явления заключается в том, что сегодня действующие здесь исламистские движения и организации

²³ Ротарь И. Диктатура или ислам //НГ-содружество. 1998. 24 июня.

²⁴ Слово Кыргызстана. 1995. 15 июля.

²⁵ Kyrgyzstan Chronicle. Bishkek. 1995. August 25-31. №3.

являются практически национальными, т.е. они ограничивают свои задачи рамками одного, "своего" государства.

Тем не менее, исламизм в Центральной Азии устойчив и относительно динамичен. Его противостояние светским властям стало привычным явлением. Очевидно, что наблюдающаяся пока бескомпромиссность обеих сторон легко может кульминировать в конфликт.

Говоря о значении исламского фактора для общественно-политической жизни Центральной Азии, обязательно следует сказать и о его ограниченности, обозначить те сферы, где он не играет заметной роли. Так, во-первых, он не является фактором консолидации всего общества. Это объясняется хотя бы присутствием русскоязычного населения, которое составляет в Казахстане примерно 34%, в Киргизии – 17%, Узбекистане – 6,5%, в Туркменистане – 8% и в Таджикистане – 4% жителей. Если правящая элита во имя национально-государственной консолидации начнет систематически и интенсивно апеллировать только к одной из религий, то это не только вконец испортит ее отношения с немусульманским населением, но также явится дополнительным раздражителем для России, вызовет недоумение за рубежом, где к использованию ислама в политике относятся негативно.

Во-вторых, ислам не способен играть консолидирующей роли и на этнонациональном уровне. Региональные, клановые, этнические, племенные интересы сегодня имеют приоритет над приверженностью общей религии. Так, гражданская война в Таджикистане велась между мусульманами, выходцами из разных регионов, кланов и т.п. В Казахстане принадлежность к жузу имеет в практической жизни несравненно большее значение, чем исповедание ислама. Наконец, упомянем межэтнические конфликты, имевшие место в Фергане в 1989, в Оше в 1990 гг., когда мусульманами были обе вовлеченные в них стороны.

Разумеется, по мере ретрадиционализации общества, в особенности его правящей элиты, исламский фактор вполне может сыграть консолидирующую роль.

В-третьих, ислам не является фактором государственного строительства. Центрально-азиатские республики – светские государства. Вопрос признания ислама официальной религией пока что дебатруется лишь в Таджикистане. Религия отделена от государства, и говорить об участии в государственных делах религиозных институтов – советов улемов, шариатских судов и пр. – нельзя. Хотя, с другой стороны, легитимация некоторых законов шариата, соединение их со светскими нормами – скорее всего, дело недалекого будущего.

В-четвертых, ислам не является фактором политической стабилизации. В обществе существуют два подхода к исламу. Один отражает взгляды политической и европеизированной интеллектуальной элиты, которая ограничивает роль ислама конфессионально-культурной и бытовой сферой. Второй – представления о незавершенности трансформации центрально-азиатских обществ по пути их "реисламизации". Такие взгляды распространены среди интеллектуалов-традиционалистов, исламских оппозиционных политиков, разделяющего их убежденность мусульманского духовенства. Сторонники обоих подходов пока что находятся в оппозиции, и без достижения компромисса между ними напряженность в обществе будет сохраняться.

В-пятых, ислам не являются фактором мобилизации центрально-азиатских обществ на свершение чисто мирских дел – создание современной экономики, инфраструктуры, подъем сельского хозяйства и т.п., как это в той или иной степени имело место, например, в Алжире, Ливии, Иране и многих других мусульманских государствах, где исламская риторика широко применялась при истолковании экономической и социальной стратегии. Известно, что президент Алжира

Хуари Бумедьен (1965-1978гг.) предлагал рассматривать экономические реформы в контексте "большого джихада", т.е. деятельности, направленной на улучшение положения в мусульманской общине. Составленный в 1960 г. в Египте пятилетний план экономического развития начинался с формулы "бисмилла.." ("во имя Аллаха.."). Ни в одном государстве ЦА подобного толкования экономического развития нет, и оно невозможно при жизни нынешней элиты.

И в-шестых, апелляция к исламу не способствует межгосударственной консолидации на региональном уровне. Тема религиозной общности центрально-азиатских государств в устах их первых лиц звучит крайне редко.

Тем не менее, несмотря на свою ограниченность, исламский фактор в государствах Центральной Азии является некой социальной и политической данностью, отрицать которую сегодня невозможно. В разных государствах значение его различно. Ислам оказывает постоянное влияние на происходящие там социально-политические процессы. Он формирует ценностные представления людей, регулирует отношения между ними. Ислам, безусловно, является орудием политики, и в этом своем качестве его роль будет возрастать, что может привести к обострению борьбы между различными партиями и группировками, в первую очередь, между властью и оппозицией.

С другой стороны, в Центральной Азии влиятельны силы, которые настаивают на ограничении роли религии, на выводе ее из политической сферы. Очевидно, наиболее оптимальным вариантом решения этой дихотомии является компромисс между чисто светским и исламским направлениями, без которого над центрально-азиатскими обществами будет висеть угроза обострения социальных, межэтнических и конфессиональных конфликтов.

1.3. Проблемные моменты, связанные с усилением исламского фактора в регионе

Все чаще встречаются такие сочетания, как "исламский экстремизм" и "исламский терроризм". Вопрос о том, насколько правомерно связывать такие понятия с религией, остается спорным, но растущая угроза терроризма в мире – неоспоримый факт. Несомненно также то, что существуют зоны, особенно подверженные данной угрозе. Таким местом можно считать и Центральную Азию. Но нельзя приравнивать экстремизм и терроризм. История показывает, однако, что два этих понятия часто неразрывно связаны друг с другом.

Можно привести множество примеров террористических актов. Обратимся к наиболее громким из них на территории Центральной Азии.

20 декабря 1994 г. в Республике Таджикистан террористы остановили автоколонну между Файзабадом и Гармом, захватив 23 заложника, включая семь военных наблюдателей ООН. В качестве условия освобождения заложников было выдвинуто требование освободить из тюрем ряд арестованных боевиков.

В августе 1999 г. произошло вторжение боевиков Исламского движения Узбекистана на территорию Киргизии (Баткенский район) с территории Таджикистана, из северо-восточных тренировочных лагерей, которые использовались для подготовки профессиональных боевиков. Они намеривались через территорию Киргизии проникнуть в Узбекистан. Отряды боевиков численностью до 400 (500) человек захватили несколько высокогорных сел, взяли в заложники командующего внутренними войсками Киргизии генерал-майора Шамкеева, нескольких сотрудников МВД и 4 японских геологов. Боевики потребовали освободить из тюрем Узбекистана нескольких тыс. своих единомышленников и признания ИДУ официальной оппозицией режиму Каримова.

27 декабря 2002 г. на рынке "Дордой" в Бишкеке (Киргизия) произошел взрыв, в результате которого на месте погибли 7 человек, более 20 получили ранения различной степени тяжести. Мощность взрывного устройства с часовым механизмом была эквивалентна 10 кг. тротила, общая площадь поражения составила около 6500 кв. м.

С 28 марта по 1 апреля 2004 г. произошла серия взрывов и бой в Ташкенте и в кишлаке Кахармон в Рамитанском районе Бухарской области Республики Узбекистан, в результате которых погибли 47 человек, из них 10 представителей правоохранительных органов, 4 гражданских лица и 33 боевика, и более 30 человек были ранены. В том же году в Ташкенте произошли взрывы, совершенные террористами-смертниками у посольства США, Израиля и в здании Генеральной прокуратуры Узбекистана.

2005 г. тоже не обошелся без террористических актов. 31 января, 13 июня, 9 декабря – взрывы у здания МЧС в Таджикистане. 24 марта – "Тюльпановая революция" в Киргизии. Только за первые сутки "революции" в результате происходящих на ее волне беспорядков и актов мародерства в стране, по данным Службы национальной безопасности, погибли 15 человек. 24 декабря 2005 г. в Оше на первом этаже Дома политпросвещения, расположенного возле здания областной администрации, произошел взрыв. Обошлось без жертв.

12 мая 2006 г. произошел серьезный инцидент на киргизско-таджикской границе. Группа боевиков в количестве 7 человек напала на таджикскую погранзаставу, застрелив троих и ранив одного пограничника. Нападавшие завладели арсеналом из 19 автоматов, одного пулемета и 4 тыс. единиц патронов. После этого боевики ворвались на территорию Киргизии и совершили нападение на погранично-таможенный пост "Ак-Турпак" в селе Пульгон Баткенской области КР, после чего скрылись в горах. С января по начало сентября этого же года в Киргизии

зарегистрировано 130 фактов проявления религиозного экстремизма. Тогда как в 2005 г. аналогичных случаев насчитывалось 73.

Этот список можно продолжать еще и еще. Встает логичный вопрос – в чем же причина "исламского терроризма" как проявления крайней степени экстремизма? Распространенное мнение заключается в том, что причины связи ислама и терроризма кроются в истоках самой религии. Однако, это ни на чем не основный вывод. Обратимся к главному источнику ислама, Корану. Согласно мусульманскому учению, верующий в Аллаха должен относиться к приверженцам других религий с уважением. "Нет принуждения в религии"²⁶. Современный исламский богослов Ю.Кардави пишет: "Поистине, заповедана нам любовь к людям Писания, рекомендовано предоставить им возможность ознакомиться с Последним Откровением Господа – Священным Кораном. Нам, мусульманам, разрешено делить трапезу с ними, брать в жены благонравных, благочестивых женщин из их числа, а также проявлять к ним благородство во всем. Все это делается во имя того, чтобы и христиане, и иудеи имели возможность полноценно и всесторонне ознакомиться с Исламом, понять, что Ислам есть религия истинного Единобожия, которому следовали их отцы, вера Авраама, Моисея, Иисуса"²⁷. Из этих цитат видно, что религия становится не причиной терроризма, а лишь его орудием. Смешно было бы предполагать, что лидеры террористических группировок не знают Корана. Напротив, зная его, им удастся трактовать текст священной книги в том контексте, который им необходим, а вследствие этого манипулировать людьми.

Причины популярности идей исламских экстремистов на территории Центральной Азии кроются в их актуальности, они появляются в нужное время в нужном месте.

²⁶ Коран, 2:256.

²⁷ <http://www.umma.ru/fetva/food1/>

Рассмотрим основные цели и принципы международных террористических организаций Ислама. Все они, так или иначе, связаны с "Аль-Каидой". Так, например, самая крупная организация на территории Центральной Азии "Исламское движение Узбекистана" (ИДУ) связана с "Аль-Каидой" мирным соглашением, заключенным во время гражданской войны 1992-1997 гг. в Таджикистане.

"Цели и методы "Аль-Каиды" – установление военными и террористическими методами радикальной формы исламистской идеологии в мусульманских странах, в первую очередь мусульманских странах Ближнего Востока и Средней Азии, а также сокращение или ликвидация влияния чуждой исламскому миру западной культуры в лице США и Израиля. "Аль-Каида" ставит своей целью нанесение максимально возможного ущерба Соединенным Штатам Америки и другим либеральным демократическим государствам, которые стоят на пути достижения целей Аль-Каиды по созданию единого исламского халифата на землях ислама". На поверхности лежит идея ислама уже не только как религии, но и как общественно-политической доктрины.

На базе этих идей и положений терроризм нашел свое место также в Центральной Азии.

На рубеже XIX – XX веков данный район находился в периоде становления национальных государств. Это означает, что после распада СССР Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан были предоставлены себе. Исследователи выделяют несколько областей, где государства Центральной Азии столкнулись с определенными сложностями. Среди них:

1. политическая система
2. экономика
3. социальные отношения
4. религия (ислам).

Начальный этап независимости показал, что политические системы новых республик можно назвать фасадными демократиями или тираническими фасадными демократиями. Внешне все режимы стабильны. Работа над созданием действительно демократического аппарата была проведена на крайне поверхностном уровне или вовсе отсутствовала.

Несмотря на заинтересованность США в демократизации этого района ничего реально для этого не делается, а та помощь, что поступает, например, в Узбекистан, способствует лишь укреплению правящего режима. Сам президент Каримов, прикрываясь обещаниями демократических реформ, проводит четкую политику формирования и укрепления авторитарного режима, а также усиления президентской власти. На практике это осуществлялось путем, во-первых, создания единоличной власти президента, во-вторых, подчинения Ташкенту всех регионов в централизованном государстве, в-третьих, поощрение узбекского национализма, в-четвертых, подавление всякой оппозиции.

В Туркмении не было ни малейших попыток создания даже видимости демократии.

В Таджикистане по итогам гражданской войны был достигнут мир, благодаря включению во власть исламской оппозиции. Однако для построения демократического общества надо сделать еще очень много.

В Киргизии начатые с энтузиазмом реформы сменились персонализированным президентским правлением, причем второй потерял власть в три раза быстрее первого.

Немного лучше дело обстоит в Казахстане. Несмотря на то, что власть президента Назарбаева неоспорима, здесь все-таки действует оппозиция и имеется некоторая свобода СМИ.

Присущие таким режимам коррупция, нарушения прав человека, отсутствие выбора и оппозиции питают экстремизм.

В 1991 г. новые независимые государства столкнулись с необходимостью перехода от централизованно-плановой командной системы к рыночной экономике. Необходимая стратегия для каждой из стран не была разработана, быстрое разрушение традиционных экономических связей и полное открытие экономики привели к стагнации реальных секторов экономики и гигантскому бегству капитала. Страны Центральной Азии старались двигаться от прежних автаркических зависимостей к большей открытости и новым внешним связям, региональным и мировым. Несмотря на несомненные улучшения в экономике с тех лет, страны в целом остаются бедными, изолированными и развиваются медленно.

На этой почве США сильно могли бы укрепить здесь свои позиции и добиться определенного влияния, профинансировав экономические проекты и поддержав в целом экономику региона. Но помощь странам Центральной Азии оказывается в ограниченных размерах.

Необходимость сотрудничества друг с другом очевидна. Это укрепит силы региона перед лицом угрозы исламского экстремизма и контрабанды наркотиков.

Экономика, хоть и в меньшей степени, но все же толкает людей против существующей власти, пополняя тем самым ряды радикально настроенной исламской оппозиции.

Исследователи отмечают две основные проблемы социального характера на территории Центральной Азии с 1991 г.: бедность и социально-экономическое неравенство общества. Потеря субсидий Москвы, разрыв межреспубликанских связей привели к спаду ВВП во всех республиках. Падение зарплат, инфляция, рост безработицы стали причинами резкого снижения уровня жизни населения. Еще один показатель бедности – высокая смертность.

Глубокое социальное неравенство вследствие неравномерного распределения доходов является еще одной социальной проблемой.

Социальная нестабильность, напряженность в обществе создают ощущение потерянности, незащищенности и одиночества у людей. В такой обстановке единственный, к кому может обратиться человек – это Бог.

С распадом СССР произошло крушение иллюзий. Независимые государства, грезившие свободным от кого бы то ни было светлым будущим, освободившись, столкнулись с рядом очень серьезных проблем, многие из которых они оказались так и неспособны решить.

В обстановке нестабильности и неуверенности, в которой оказался житель Центральной Азии после распада СССР, вновь начинает возрождаться ислам. Человек обращается к основам вероучения, к "чистой" мусульманской религии. Ислам признается частью культурного наследия и национальной идентичности.

В этот период появляется новая форма ислама. Возрождение его перестает носить культурный и религиозный характер. Встает проблема политического ислама и в более широком смысле использования религии в политике. Исламские экстремисты и террористы таким образом становятся выразителями именно этой формы мусульманской религии. Основным источником питания террористических организаций становится недовольство властью. Соответственно, они автоматически становятся оппозицией. Несут ли реально экстремисты какую-либо угрозу для власти, судить сложно, однако факт заключается в том, что все республики Центральной Азии провозглашены светскими государствами, и ни в одной из них официально не разрешена исламская оппозиция. Это может говорить лишь о том, что существование экстремистских группировок внушает некоторые опасения власти. Этим объясняется и тесное сотрудничество лидеров республик с США, основным борцом с исламским терроризмом.

Что касается работы радикально настроенных исламистов внутри региона, то надо сказать, что ведется активная пропаганда среди мирных мусульман. Осуществляется это по средствам массовой информации, через листовки и литературу соответствующего характера.

Не считая террористические группировки на территории Центральной Азии, для большинства людей ислам олицетворяет собой, прежде всего, религиозное учение. Так, например, 78% опрошенных в Таджикистане признали необходимость отделения религии от государства. Официальное исламское духовенство осуждает фундаментализм (политический ислам).

Однако существование на территории Центральной Азии исламских террористических группировок говорит о том, что политический ислам все-таки имеет потенциал. Вот что представляют собой основные террористические силы в данном регионе:

1. "Исламское движение Узбекистана" – оперирует в Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Узбекистане;
2. "Хизб ут-Тахрир аль-Ислами" ("Партия Исламского Освобождения") – оперирует в Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Узбекистане;
3. "Комитет мусульман Азии";
4. "Центр исламского развития" – действует в г. Ош, Киргизия;
5. "Акромиды" – религиозное исламское течение Узбекистана, действует в Ферганской долине;
6. "Адолат уюшмаси" ("Объединение Адолат") – религиозно-экстремистская организация, действующая в г. Наманган, Узбекистан;
7. "Ислом лашкарлари" ("Воины ислама") – действует в Узбекистане;
8. "Товба" ("Покаяние") – имеет сторонников и активистов в Киргизии и Узбекистане;

9. "Движение Восточного Туркестана" – действует в Синьцзяне, Китай; осуществила ряд терактов на территории государств Центральной Азии;

10. "Национальный революционный фронт Восточного Туркестана" – экстремистская организация, преследующая цель создания на территории государств Центральной Азии государства уйгуров;

11. "Организация освобождения Туркменистана";

12. "Восточно-Туркестанская исламская партия";

13. "Братья-мусульмане" – группировки этой организации представляют собой сеть автономных ячеек, действующих под различными названиями.

Наиболее крупными из перечисленных являются две первые организации: "Исламское движение Узбекистана" (ИДУ) и "Хизб ут-Тахир" (ХТИ). Неоспорима их связь с международными террористическими организациями, в том числе с Аль-Каидой. Зона распространения их влияния – почти вся Центральная Азия. Сильна связь данных группировок с Афганистаном, от которого поступает помощь исламским террористам.

ИДУ было основано в 1988 г. Его лидеры, Джумабаи Намангани и Тахир Юлдашев – уроженцы узбекской части Ферганской долины. Точных данных о численности организации нет. США включили ИДУ в список иностранных террористических организаций в 2000 г. Особенно тесное сотрудничество США и официальных властей Узбекистана с целью подавления группировки стало осуществляться после 11 сентября 2001 г. Основной идеей ИДУ является построение исламского государства на территории Центральной Азии. Тесное сотрудничество организации с "Аль-Каидой" и движением "Талибан" четко определяет векторы ее деятельности. Ответственность за многие террористические акты в республиках возлагают именно на эту террористическую группировку.

Одним из источников дохода ИДУ, как и других террористических организаций, является наркоторговля. Помощь приходила также от Аль-Каиды. Финансирование террористических организаций – отдельная серьезная тема. Отследить каналы, по которым деньги попадают к террористам, практически невозможно, данных об этом практически нет.

В 2001 г. ИДУ переименовала себя в Исламское движение Туркестана, но в прессе эта организации сохраняет свое прежнее название.

Организация "Хизб ут-Тахрир" была создана в 1953 г. в Иерусалиме. Сейчас существуют данные, что Исламская партия освобождения действует в 40 странах мира. Точное количество членов неизвестно, но счет идет на миллионы.

Основная идея – содействовать возвращению мусульман к исламскому образу жизни и к распространению ислама по всему миру. Достигнута эта цель может быть лишь посредством построения единого исламского государства. У партии существует своя конституция, состоящая из 187 статей об Исламском государстве.

Среди особо успешных методов достижения целей – распространение листовок и брошюр, а также агитация мирных жителей вступить в ряды партии. В Узбекистане "активисты ХТИ знакомились в мечетях с верующими молодыми людьми и предлагали им прочитать одну из брошюр организации, после прочтения четырех брошюр им предлагали вступить в ряды "Хизб ут-Тахрир". Если молодой человек соглашался, он давал клятву верности и получал статус послушника. По некоторым данным, вступающие также давали обязательство хранить партийную тайну"²⁸. Такая пропаганда осуждена официальным духовенством.

Эта партия запрещена во многих странах Центральной Азии и мира. В Узбекистане, где ее деятельность особенно успешна, официального запрета не существует, однако члены партии при аресте привлекаются к

²⁸ <http://www.memo.ru/hr/politpr/cntrasia/uzb3/index.htm>

уголовной ответственности. Официально партия запрещена в Казахстане, Таджикистане и России. Открыто действует в Индонезии, Малайзии, Ливане, ОАЭ и Йемене, в Палестинской Автономии.

Это лишь две террористические организации наряду со многими, действующими на территории Центральной Азии.

Надо сказать, что "исламский терроризм" – часть глобального конфликта между Западом и мусульманским Востоком, конфликта, имеющего длинную историю. Те радикальные формы, которые он носит сейчас, продиктованы временем и положением, в котором находятся мусульманские страны. Идея единого исламского государства привлекает в ситуации социальной, политической и экономической нестабильности общества.

Существующая ситуация – еще один прекрасный пример истории, когда религия используется людьми для достижения своих целей; это пример, когда, казалось бы, безобидные постулаты растолковываются и преподносятся совершенно в другом контексте и значении, нежели они есть на самом деле. Становится ясно, что словосочетание "исламский терроризм" имеет право на существование, хотя часто не правильно растолковывается средствами массовой информации.

ГЛАВА II. МУСУЛЬМАНСКИЕ СТРАНЫ, ЗАНИМАЮЩИЕ ПОЗИЦИИ ВЕДУЩИХ АКТОРОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

§ 2.1. Стратегия Ирана в Центральной Азии – основные направления и приоритеты

В современной внешнеполитической стратегии Ирана концептуальная установка на превращение в лидирующее государство Ближнего и Среднего Востока рассматривается как задача осуществления исторической миссии Исламской Республики Иран (ИРИ). Она является приоритетной, однако с течением времени происходит заметная эволюция средств и методов ее воплощения.

Иранские неоконсерваторы, пришедшие к власти в ИРИ в 2005 г., синтезировали в своей внешней политике сразу несколько парадигм предшествующего периода: достижение статуса региональной державы (доктрина последнего шаха М.Р.Пехлеви), максимум прагматизма в экономике (концепция президента А.А.Хашеми-Рафсанджани), последовательная интеграция в мировую экономику (идеи президента С.М.Хатами).

Применительно к странам Центральной Азии эти стратегии реализуются теперь уже с учетом неоднозначного имеющегося опыта постсоветского времени.

В начале 1990-х гг., сразу же после развала СССР, обнаружив только что образовавшееся огромное неосвоенное пространство, Иран стремительно активизировался в новых государствах Центральной Азии, в первую очередь – в Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане²⁹.

Многие наблюдатели региональных процессов нередко утверждают, что, активизируясь в регионе, Иран одновременно следовал и продолжает

²⁹ Князев А. А. Региональная стратегия Ирана в Центральной Азии: эволюция и приоритеты // Ислам в современном мире. 2009. № 1-2 (13-14).

следовать одному из важных идеологических концептов своей официальной внешней политики – идее "экспорта исламской революции" ("...возрождение ислама в Средней Азии стало органической составной частью устремлений нынешних правителей Ирана", – писал в 1990-х гг. З.Бжезинский³⁰). Подобная оценка уже превратилась в один из самых устойчивых стереотипов международной жизни. Однако применительно к странам Центральной Азии эти утверждения на поверку оказываются безосновательными. Постсоветская история стран Центральной Азии знает множество примеров влияния на религиозную сферу со стороны целого ряда других государств – Турции, Пакистана, Афганистана, Саудовской Аравии, Кувейта, но никак не Ирана с его шиитской доктриной, изначально неприемлемой в регионе преобладающего распространения суннитского мазхаба. В целом, в 1990-х гг. иранское влияние ограничилось некоторой экспансией на местные рынки иранских товаров (которая по своим масштабам не могла сравниться с китайской товарной экспансией или даже турецкой)³¹. Другим скромным успехом иранской политики в регионе можно считать создание сети культурных центров, вовлекших в сферу своего влияния весьма ограниченный круг деятелей культуры и незначительную часть населения.

Наращение антагонизмов в отношениях с США и непосредственное утверждение американцев в регионе в конце 2001 – начале 2002 гг. во многом предопределили характер иранской политики в регионе. Весь последующий период основные тактические установки иранской дипломатии в странах Центральной Азии были направлены на постепенное инсталлирование во все сферы, дающие возможность способствовать преодолению внешнеполитической и экономической изоляции Ирана.

³⁰ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2003. С. 166.

³¹ На долю Ирана в совокупном товарообороте всех стран Центральной Азии по итогам 2001г. приходилось лишь 4 %.

Определенным исключением для этих выводов изначально является *Таджикистан*. Этнокультурная близость таджиков и иранцев сразу обусловила более высокий уровень отношений Ирана с Таджикистаном, нежели с другими государствами региона. Эта специфика иранско-таджикских отношений стала одним из факторов прямого участия иранской дипломатии в мирном процессе по выходу республики из гражданской войны 1992-1997 гг. Иран уже в период перестройки оказывал повышенное внимание Таджикистану, но оно обуславливалось в первое время стремлением расширить сферу своего политического и специфического идеологического влияния. С конца 1992 г. в таджикско-иранских отношениях наметился спад, переходивший временами во вполне ощутимое взаимное отчуждение, в основе которого лежало возникшее в ходе гражданской войны в среде значительной части таджикского общества политическое и идеологическое предубеждение в отношении Ирана. Первоначальные претензии иранских политических кругов на доминирование в Таджикистане быстро оказались дезавуированы также со стороны России. Е.М. Примаков указывает, что уже на начальном этапе российско-иранских контактов по таджикостанской тематике, когда стала ясна бесперспективность усиления иранских позиций в Таджикистане, влияние Ирана и даже его "физическое присутствие" в Таджикистане пошли на убыль. В отношении общей стратегии был сделан вывод, что Иран стремится выйти из изоляции и "принять участие в позитивных процессах на международной арене"³². Опыт того времени во многом определил формат российско-иранского взаимодействия в Таджикистане в последующем, предотвратив вероятность возникновения прямой конфронтации интересов двух стран.

Тем не менее, определенные круги в иранском политическом истеблишменте продолжают рассматривать Таджикистан не просто как

³² О пребывании Е.М. Примакова в Кабуле и Тегеране // Дипломатический Вестник. М., 1993. № 15-16. С. 65.

важного политического партнера в регионе, но и как часть некоего "Большого Ирана". К настоящему времени Иран располагает некоторыми рычагами воздействия на правительственные круги, а также на Партию исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ)³³. Важное место в этом взаимодействии занимает преимущественно идеологический, в малой степени имеющий реальное политическое или иное наполнение, концепт "Арийского единства", подразумевающий интеграцию ираноязычных стран региона и создание в перспективе некой этноориентированной оси Тегеран-Кабул-Душанбе. В июле 2006 г. по итогам встречи президентов Афганистана, Ирана и Таджикистана в Душанбе было принято решение о создании трехсторонней комиссии по сотрудничеству с координационным центром в Кабуле. При подписании документов президент Ирана Махмуд Ахмадинежад отметил, что у них "все должно быть едино – экономика, культура и искусство; надо снять все преграды, которые их разделяют", заодно подчеркнув, что "безопасность Таджикистана и Афганистана зависит от Ирана, а безопасность Ирана зависит от безопасности в этих странах". Президент РТ Эмомали Рахмон в ответ подтвердил: "В дальнейшем комиссия будет уделять особое внимание региональной безопасности и военно-техническому сотрудничеству"³⁴. Впрочем, эта трехсторонняя коалиция пока остается в большей степени декларацией, на фоне которой реальное сотрудничество выглядит относительно скромно. В Таджикистане иранской стороной согласован вопрос о строительстве горного тоннеля, который соединит таджикскую столицу с юго-восточными районами страны стоимостью в 50-60 млн. долл., Иран завершает строительство второй очереди Сангтудинской ГЭС, вложив в

³³ Интересно отметить, что в южной, кулябской, группировке ПИВТ в последнее время идет рост, особенно среди молодых активистов, сторонников шиитского ислама. Этой группой руководит некий кори Иброхим, близкий к Саидумару Хусайни, заместителю председателя партии. В доме кори Иброхима проводится несвойственный суннитам-ханафитам обряд ашура, в котором принимают участие члены кулябской группировки ПИВТ.

³⁴ РИА "Новости". Душанбе, 2006. 26 июля.

этот проект 220 млн. долл., Иран инвестировал 31 млн. долл. (в том числе 10 млн. безвозмездно) в строительство Анзобского тоннеля на автотрассе Душанбе-Худжанд. При подобных масштабах экономического взаимодействия трудно предположить, что Иран станет главным геоэкономическим полюсом для Таджикистана (как, забегая вперед, и для всех стран Центральноазиатского региона)³⁵. Известно, что полюс превращается в геополитический центр силы лишь при условии проведения активной и агрессивной внешней политики, нацеленной на подчинение других акторов той или иной подсистемы международных отношений своим внешним и внутренним интересам. Субъект полюса превращается в центр силы, если объем его внешнеполитического потенциала превосходит внешнеполитический потенциал субъекта-конкурента как минимум в 4 раза. Закон геоэкономического "полюса" в формулировке О.Арина гласит: «В геоэкономическом пространстве глобальный или региональный полюс означает субъекта, отличающегося от других субъектов превосходством своей экономической мощи над экономическим потенциалом вслед идущего субъекта, как минимум, в 2 раза или более»³⁶. То есть, экономический потенциал не является синонимом мощи, – но именно явление мощи порождает явление полюса. К Ирану в контексте его политики в Таджикистане это вполне очевидно не применимо. Планы по сооружению 500-киловольтных линий электропередач из Таджикистана через Афганистан в Иран и Пакистан, как и строительство автомобильной и железной дорог Колхозабад – Нижний Пяндж – Кундуз – Мазари-Шариф – Герат – Мешхед немного меняют в

³⁵ Безусловным лидером по объему прямых инвестиций в экономику Таджикистана в 2007 г. по данным министерства экономического развития и торговли РТ является Россия (148,1 млн. долл., или около 43 %). Regnum. Душанбе, 2008. 8 января. Согласно данным заведующего отделом макроэкономических исследований Института экономических исследований МЭРТ РТ Х. Умарова, прямые поступления от трудовых мигрантов, работающих в России составили в 2007 г. 1,6 млрд. долл. Regnum. Душанбе, 2008. 13 февраля.

³⁶ Арин О.А. Движение – все, цель – ничто! Законы международных отношений и Россия// "Профи". - М., 2001. - № 1-2.

этой картине, тем более, что эти планы пребывают в стадии обсуждений и проработок уже около десятка лет.

Основными торговыми партнерами Таджикистана во внешнеторговом обороте в 2007 г. были Россия, Узбекистан, Казахстан, Нидерланды, Турция и Китай. Иран в этом перечне занимает далеко не ведущие позиции.

В разрезе отношений Ирана со странами Центральноазиатского региона *туркменистано-иранские* отношения могут быть с полным правом названы самыми стабильными и динамичными. За все время их существования они развиваются поступательно, что дало основание бывшему президенту С.Ниязову заявить: «У нас братские отношения с иранским народом, лишённые взаимной подозрительности»³⁷. Такая характеристика адекватно отражает сегодняшние реалии региона Центральной Азии. Действительно, туркменистано-иранские отношения практически не отягощены раздражающими какую-либо из сторон моментами.

Главная особенность отношений между Туркменистаном и Ираном заключается в том, что взаимное влечение двух стран обусловлено отсутствием другого выбора. Обе страны «обречены» иметь активные двусторонние связи. Их объединяют наличие протяженной общей границы, многовековая историческая, конфессиональная и цивилизационная близость. Территория нынешнего Туркменистана неоднократно была частью исторического Ирана, а столица легендарной ираноязычной Парфии – Ниса – располагалась по соседству с нынешней туркменской столицей.

Развивая отношения с Туркменистаном, Иран преследует прагматические цели – укрепить свои позиции в регионе, извлечь максимальную выгоду как из наличия в соседней стране громадных

³⁷ Месамед В.И. Иран-Туркменистан: что впереди. <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/09-02-07.htm>

запасов углеводородов, так и из ее удобного геополитического положения на перекрестке транзитных путей. Цементирующим фактором добрососедства является также наличие на севере Ирана значительного массива туркменского населения. Важно и то, что обе страны в равной мере могут считаться изгоями. Для Ирана это обусловлено конфронтационной политикой религиозного руководства страны, восстановившей против себя много стран как на соседнем геополитическом пространстве, так и повсюду в мире. Изоляция Туркменистана в современном мире стала результатом проявления беспрецедентных тоталитарных тенденций, утвердившихся и последовательно углублявшихся покойным президентом С.Ниязовым.

Туркменистано-иранские отношения все время показывают значительный потенциал Ирана в деле оказания всесторонней помощи новым независимым государствам постсоветского ареала. Отработана и эффективно действует договорно-правовая база сотрудничества, включающая порядка 150 договоров и соглашений по широкому спектру направлений. Стабильная внутренняя ситуация в каждой из двух стран благоприятствует развитию транзитных операций через территории как Ирана, так и Туркменистана. Иран стал одним из важнейших экономических партнеров Туркменистана и занимает ныне второе после России место в товарообороте страны. За истекшие 15 лет взаимный товарооборот вырос с 52 тыс. долл. в 1992 г. до 1,4 млрд. долл. в 2006 г. В Туркменистане открыты представительства 200 иранских фирм. При помощи со стороны Ирана в Туркменистане реализовано или находится на стадии реализации около сотни промышленных объектов, имеющих приоритетное значение для национальной экономики. Объекты технико-экономического сотрудничества с Ираном позволили Туркменистану обзавестись самыми современными технологиями, в частности, в сфере

волоконно-оптических линий коммуникаций, стройматериалов, медицинских препаратов, комплексов химической водоочистки и др.

В Туркменистане высоко оценивают иранскую помощь в создании транспортной инфраструктуры. Введенная в эксплуатацию в мае 1996 г. железная дорога Теджен-Серахс-Мешхед открыла для страны кратчайший путь в регион Ближнего Востока и на деле восстановила Великий шелковый путь. С 1998 г. по дороге перевезено 14 млн. т грузов, что пополнило казну страны на 218 млн. долларов. Успех этого проекта обусловил продолжение сотрудничества двух стран в транспортной сфере.

Приоритетным направлением сотрудничества двух стран стала нефтегазовая сфера. Иран стал основным импортером туркменистанской нефти. Его доля уже в 1997 г. достигла 52% и продолжает ежегодно повышаться. В июле 1998 г. было подписано первое соглашение о транспортировке туркменистанской нефти в иранские порты Персидского залива. Иранские фирмы, выигравшие несколько международных тендеров, участвуют в разведке и бурении скважин в Туркменистане. Сотрудничество с Ираном в газовой сфере открыло Туркменистану широкие возможности экспорта газа как в эту страну, так и – транзитом через иранскую территорию – в страны Средиземноморья, Европу, а через иранские порты в Персидском заливе – в регионы Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Иранский коридор позволил покончить с монополией России в транзите туркменистанского газа и выйти на газовый рынок вне постсоветского пространства. Для газовой отрасли Туркменистана крайне важна помощь Ирана в строительстве газопровода Корпедже – Курдкуй длиной 200 км, пущенного в эксплуатацию в 1998 г. Главное политическое значение этой магистрали в том, что она создала альтернативный российским экспортный газопровод. Первоначально он пропускал 6 млрд. кубометров в год, а в 2006 г. его пропускная способность возросла до 12 млрд. кубометров. Иран на 80% обеспечил

финансирование строительства газопровода и обязался покупать транспортируемый газ в течение 25 лет.

Страны сотрудничают и в создании общей энергосистемы. В 2003 г. начата эксплуатация совместно построенной ЛЭП между г. Балканабат в Туркменистане и иранским г. Алиабат. Соглашение о поставках электроэнергии в Иран подписано на 25 лет и приносит Туркменистану ежегодный доход в сумме 120 млн. долл. Начато строительство еще одной ЛЭП из г. Мары в иранский Мешхед. После ее пуска в эксплуатацию Иран сможет ежегодно получать из соседней страны 2,4 млрд. киловатт-часов электроэнергии. По итогам 2006 г. Иран стал крупнейшим импортером электроэнергии из Туркменистана: его доля составила 55%.

В Иране двустороннему сотрудничеству с Туркменистаном придают большое значение и характеризуют их как образцовые. Укрепление дружественных отношений с северным соседом стало одним из приоритетных направлений иранской внешней политики. Широко практикуется обмен визитами лидеров двух стран. А.А. Хашеми-Рафсанджани за годы своего президентства (1989-1997 гг.) встречался с С.Ниязовым 16 раз. Сменивший его на этом посту С.М. Хатами (1997-2005 гг.) нанес в Ашхабад свой первый зарубежный визит. Эту же линию продолжает и нынешний (с августа 2005 г.) президент ИРИ М.Ахмадинежад, консервативная идеология которого остается в Ашхабаде практически незамеченной. Находясь в Туркменистане во время своего центрально-азиатского турне в июле 2006 г., М.Ахмадинежад заявил, что его страна не ставит никаких ограничений при развитии отношений с Туркменистаном.

Для Ирана немалый рациональный интерес представляет такая особенность международного статуса Туркменистана, как беспрецедентное в мировой практике объявление постоянного нейтралитета основой своей внешней политики. Чисто прагматически нейтральный статус

Туркменистана давал ее лидеру возможность успешно лавировать между полюсами силы современного мира, «не боясь вызвать раздражение сильной и авторитетной Америки»³⁸. Ирану важно и то, что декларируемый Туркменистаном нейтралитет служит сдерживающим фактором, позволяющим Ашхабаду дистанцироваться от участия в международных блоковых структурах. В материалах прошедшего в Тегеране симпозиума «Туркменистан после Сапармурада Ниязова», на котором выступили много иранских политологов, была выражена надежда, что эта специфичность внешней политики Туркменистана не будет пересмотрена, ибо это отвечает национальным интересам Ирана.

С.Ниязов аргументировал необходимость статуса постоянного нейтралитета тем, что такая политика эффективно способствует экономическому прогрессу страны, ее динамичному вхождению в ряды развитых государств мира. Реализация политики постоянного нейтралитета давала ему большие возможности избежать критики извне по поводу его абсолютной личной власти, подавления минимального проявления инакомыслия. В этой связи туркменскому лидеру удалось практически закрыть страну от внешнего мира, ограничив въезд в нее лишь высшими руководителями и бизнесменами и сведя к минимуму обсуждение вопросов внутривнутриполитической ситуации в стране. В Иране, однако, приветствовали такой международный статус Туркменистана, считая, что именно реализация политики нейтралитета сделала возможной эффективность проведенных в Ашхабаде переговоров между участниками таджикского мирного процесса, позволивших подписать Соглашения 1997 г., и переговоров с лидерами фундаменталистского движения афганских талибов, существенно продвинувших внутриафганское урегулирование.

Вместе с тем, именно по отношению к режиму талибов у Ирана имелись существенные политические разногласия с Ашхабадом. Поначалу

³⁸ Turkish Newsletter: vol. 98-2:005, 12 January 1998, No 1.

С.Ниязов поддерживал противостоявший талибам Северный альянс. В этом он находил полное взаимопонимание с иранским руководством, видевшем в талибах своих конкурентов в борьбе за региональное лидерство. Однако уже осенью 1996 г., когда талибы реально стали наиболее влиятельной военно-политической силой в Афганистане, С.Ниязов пошел с ними на сближение. Вплоть до 2001 г., пока мировое сообщество занимало по отношению к движению талибов позицию осуждения, президент Туркменистана поддерживал с ними конструктивные деловые отношения и даже открыл Генеральное консульство в Герате – важнейшем центре северо-западного Афганистана. Это объяснялось экономическими причинами – в декабре 1997 г. Туркменистан подписал договор по формированию консорциума на строительство газопровода из Туркменистана в Пакистан через афганскую территорию.

Игнорируя инициированный Ираном и Россией саммит по противодействию угрозе экспансии талибов в Центральноазиатский регион, проходивший в г.Алматы в октябре 1996 г., Туркменистан противопоставил себя согласованной линии этих стран, рассматривавших талибов как угрозу безопасности региона. С.Ниязов оправдывал свою позицию тем, что, на его взгляд, талибы являлись той интегрирующей и стабилизирующей силой, которая была способна преодолеть раскол Афганистана по этническому принципу. Взяв за основу экономические приоритеты, Туркменистан придерживался политики построения диалога с талибами. В 1998 г. была образована трехсторонняя комиссия с участием талибов, Туркменистана и Пакистана для реализации проекта газопровода от туркменского месторождения Довлетабад до пакистанского города Мултана через афганскую территорию. С прокладкой газопровода Туркменистан получил бы емкий рынок Пакистана, Афганистану достались бы серьезные доходы от транзита и частичное решение

проблемы занятости во время сооружения магистрали. Пакистан приобрел бы возможность гарантированного обеспечения энергоносителями на длительный срок. Естественно, Иран отнесся к этому проекту отрицательно: с его потенциальной реализацией возникла бы альтернативная транспортная артерия, не отвечавшая иранским интересам в свете начинавшегося в те годы сотрудничества по строительству магистрального газопровода в Индию. Однако существует еще одно объяснение, оправдывавшее тесные связи Туркменистана с талибами: стране было невыгодно противостоять силам талибов, ибо это могло дестабилизировать внутреннюю ситуацию. Тогдашнее сближение с талибами, тем не менее, сказалось на отношениях между Ираном и Туркменистаном: произошло временное снижение темпов сотрудничества, а в 1998 г. был даже временно отозван иранский посол в Ашхабаде.

Иран ни в коей мере не хотел бы ухудшения отношений с Туркменистаном, который он рассматривает в качестве своего стратегического партнера. При жизни Туркменбаши его явно недемократические методы руководства, авторитарный стиль принятия решений приводили к неустойчивости и некоторой нестабильности отношений между двумя странами, на что обращала внимание и иранская пресса³⁹. В Тегеране рассчитывают на то, что в случае успешного развития туркменистанского нефтегазового комплекса иранская территория может стать основным транзитным маршрутом его экспорта на мировые рынки. В то же время в Туркменистане вряд ли склонны переоценивать перспективы своего сотрудничества с Ираном. Набирающий силу процесс развития отношений Туркменистана с Западом будет неизбежно играть роль сдерживающей силы в туркменистано-иранском диалоге. Запад в обозримом будущем будет стремиться ограничить конкурирующее российское и иранское влияние в этой стране. В нефтегазовой сфере –

³⁹ «Салам» (Иран), 24 апреля 1999 г.

основе туркменистанской экономики – это может выражаться в широком инвестиционном участии Запада в масштабных проектах, в реализации проектов экспортных трубопроводов из Туркменистана в обход иранской территории.

Таким образом, развивая отношения с Туркменистаном, Иран преследует прагматические цели – укрепить свои позиции в регионе, извлечь максимальную выгоду как из наличия в соседней стране громадных запасов углеводородов, так и из ее удобного геополитического положения на перекрестке транзитных путей. Цементирующим фактором добрососедства является и наличие на севере Ирана значительного массива туркменского населения. Можно предположить, что существующий характер двусторонних отношений вряд ли претерпит какие-либо кардинальные изменения в связи со сменой высшего руководства Туркменистана и определенными изменениями во внешней политике официального Ашхабада, хотя потенциальное сближение Туркменистана с Западом, конечно, способно внести определенные новации в характер двусторонних отношений⁴⁰.

Отношения Ирана с *Узбекистаном* на протяжении всего их существования остаются относительно дружественными, не проявляя

⁴⁰ Маловероятно, что на взаимодействие двух стран окажет какое-то кардинальное воздействие кризис декабря 2007 – января 2008 гг., когда Туркменистан, продававший Ирану до 23 миллионов кубометров (или 5% газа, потребляемого Ираном в сутки), остановил поставки, сославшись на технические проблемы. Экспорт был возобновлен уже по 140 долл. за 1 тыс. кубометров против прежних 65 долл. МИД Туркменистана тогда выпустил заявление, в котором, в частности, указывалось: "Туркменская сторона ранее сообщала, что речь идет о приостановке подачи газа в Иран по техническим причинам, связанным с необходимостью проведения ремонтных и профилактических работ на соответствующем газопроводе. Такие работы осуществляются согласно принятым технологическим нормам и стандартам и требуют определенного времени. Наряду с этим завершение ремонтных работ также связано с решением вопросов их финансирования. В этой связи необходимо отметить, что невыполнение иранской стороной обязательств по оплате ранее поставленного из Туркменистана газа сдерживает своевременное окончание ремонтно-профилактических работ". В свою очередь, из Тегерана поступило резкое заявление иранского министра нефти Нозари: "Туркменистан должен сначала возобновить поставки газа, а затем проводить дискуссию (о цене). Иначе мы заявим, что не нуждаемся в туркменском газе". Прайм-ТАСС. 2008. 23 января. В то же время, именно Иран инвестировал в Туркменистан примерно полмиллиарда долларов, иранцы проложили газопровод по маршруту Корпедже – Курт-Куи, построили терминалы по хранению сжиженного газа. Буквально ежемесячно Иран наращивает закупки туркменского газа для своих северных областей, существуют и проекты сооружения нового магистрального газопровода до Тегерана.

тенденции к активизации либо принципиальному изменению в своем качестве. Среди факторов, не способствующих сближению двух стран, можно отметить также откровенно проамериканский характер внешней политики Узбекистана до 2005 г.⁴¹ и определенную исламофобию в узбекистанском руководстве⁴². В то же время, в Тегеране, похоже, присутствует вполне адекватное понимание значимости этой страны в региональном контексте.

Можно сказать, что на протяжении всего постсоветского времени повышенное внимание в своей политике Иран придает узбекистанскому направлению. Из суммы отношений Ирана со странами региона более половины всех визитов, усилий и инициатив приходится на Узбекистан, но реальной отдачи ни в сфере экономического сотрудничества, ни в политическом взаимодействии эта активность не дает. Реальной несущей конструкцией торгово-экономических отношений двух стран является лишь развитие транспортной инфраструктуры, начало которому положил ввод в эксплуатацию в 1996 г. железнодорожной ветки Теджен-Серахс-Мешхед, соединившей железнодорожные системы Ирана и государств Центральной Азии, и в 2006 г. – ветки Бафк-Бандар-Аббас, что позволило существенно сократить расстояние между Ташкентом и иранским портом Бандар-Аббас в Персидском заливе. Приоритетом развития транспортной инфраструктуры остается реализация положений трехстороннего ирано-узбекско-афганского соглашения 2003 г. о международных автомобильных перевозках и создании трансафганского коридора Термез-Мазари-Шариф-

⁴¹ В 2001-2003 гг. американскими политиками и СМИ усиленно муссировалась тема поддержки, оказывавшейся "Исламскому движению Узбекистана" со стороны Iranian Revolutionary Guard Corps (IRGC - Pasdaran-e Inqilab). - Terrorists trained by Iran tracked from Uzbekistan // The Washington Times. 2002, April, 09. Дав прибежище группе участников ИДУ на своей территории, иранская сторона пыталась размежевать ИДУ с Саудовской Аравией и идеологией ваххабизма. И достигла определенных успехов: ряд лидеров ИДУ официально заявили (по иранскому радио) о своем дистанцировании от ваххабитов. Таким своеобразным способом снижая радикализм ИДУ, Иран пытается обеспечить себе платформу для диалога с правящим режимом РУ. Тем не менее, Узбекистан был единственной страной региона, которая присоединилась к американскому эмбарго против Ирана.

⁴² Некоторый отпечаток на иранско-узбекистанские отношения накладывают, возможно, и сложности в двусторонних отношениях между Узбекистаном и Таджикистаном.

Герат с последующим выходом к портам Бендер-Аббас и Чахбахар, однако его реализация тормозится большим рядом факторов, включая и военно-политическую ситуацию в Афганистане.

Отношения *Ирана с Казахстаном* имеют также дружественный характер, но ограничиваются стремлением Казахстана активизировать евроатлантический вектор своей внешней политики. Российское и в последние годы китайское направления внешнеполитической активности Казахстана объективно не могут быть препятствием для поступательного развития отношений с Ираном. Активизация же сотрудничества с США в значительной степени является фактором торможения для этих двусторонних отношений. Россия и Турция больше других республик стремились к экономическому и стратегическому сотрудничеству с Казахстаном. "Путем воздействия на военную и стратегическую отрасли Казахстана, они стремятся расширить свое влияние в этой республике. В связи с этим, между США и Казахстаном были заключены несколько соглашений по обороне и безопасности. На очередной конференции Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе в Стамбуле в 1999 г. была подготовлена основа для повышения роли Казахстана среди стран Совета Евроатлантического партнерства", – отмечается иранскими политическими экспертами⁴³. Подчеркнутая многовекторность внешнеполитического курса Казахстана и его относительная экономическая состоятельность создают менее благоприятные условия для продвижения Ираном своих интересов в этой республике. Однако среди иранского политического истеблишмента присутствует четкое понимание того, что в региональной расстановке сил Казахстан имеет огромное

⁴³ Доктрина конструктивной интеракции. Часть третья. Центр по изучению России, Центральной Азии и Кавказа (IRAS). "За последние годы постепенно Израиль расширил свое присутствие в регионе Центральной Азии, особенно в Казахстане. Это положение привело к стратегическому сотрудничеству Израиля со странами региона. Таким образом, с 2001 по 2005 гг. в Казахстане подготовлены условия для доведения до максимума многосторонних отношений этой страны, с такими странами как: Россия, Израиль, Турция и США... Руководители Казахстана стремятся к проамериканским принципам".

значение, уступая, может быть, лишь Узбекистану. В этих условиях в Тегеране ревностно воспринимаются любые признаки стремления Казахстана к стратегическому сотрудничеству с западными странами. Основным инструментом противодействия этому стремлению являются экономическое сотрудничество и попытки его наращивания. Казахстан ежегодно экспортирует 1 млн. т нефти через Иран по схеме SWAP: нефть доставляется танкерами по Каспию в иранские порты, а затем отправляется на иранские нефтеперерабатывающие заводы. Взамен Казахстан получает аналогичное количество высококачественной иранской нефти в Персидском заливе и экспортирует ее своим торговым партнерам. Кроме того, ведется подготовка проекта нефтепровода Казахстан – Туркменистан – Иран, по которому в перспективе Казахстан сможет экспортировать нефть в страны Юго-Восточной Азии. Для этого будут использоваться иранские нефтяные экспортные терминалы на побережье Персидского залива⁴⁴. Стремление к региональному партнерству Ирана со странами региона (и с Казахстаном в том числе) осуществляется также в рамках Организации регионального сотрудничества (ЭКО).

"Насколько расширятся взаимные отношения между Ираном и Казахстаном, настолько будут ограничены объемы отношений Казахстана с западными странами. В связи с этим, внешнее поведение Ирана с Казахстаном нужно наладить таким образом, чтобы процессы взаимных отношений привели бы к обеспечению скрытых потребностей и восстановлению экономических и культурных ограничений этой страны. Подобный процесс может постепенно повысить уровень отношений и взаимного сотрудничества Ирана и Казахстана", – считают в Тегеране⁴⁵.

Иранско-киргизские отношения никогда не отличались особой динамикой. Политическое взаимодействие Киргизии и ИРИ

⁴⁴ IRNA. - Tehran, 2005. - February, 15.

⁴⁵ Доктрина конструктивной интеракции. Часть третья. Центр по изучению России, Центральной Азии и Кавказа (IRAS).

осуществляется преимущественно в рамках участия обеих стран в ряде международных организаций. Экономическое и культурное присутствие Ирана в республике находится на довольно высоком уровне, но, в любом случае, заметно уступает российскому, китайскому и даже турецкому. Между двумя странами подписан ряд соглашений в области транспорта, таможенной деятельности, торгово-экономической сфере, налажено взаимодействие в области образования, культуры, туризма, таможенного дела, финансов, борьбы с наркотиками и оргпреступностью, стороны обеспечивают друг друга промышленными товарами и сельхозпродукцией ряда наименований. Тегеран время от времени выделяет Бишкеку миллионные гранты и инвестиции. К примеру, в конце 2008 г. Иран пообещал выделить Киргизии в качестве финансовой помощи до 200 млн. евро для реализации экономических проектов. Иранские дорожно-строительные компании приняли участие в реализации проекта стратегической автомагистрали «Бишкек – Ош». Страны планируют увеличить ежегодный объем двусторонней торговли до 100 млн. долл.

Большое значение в Тегеране и Бишкеке придается развитию межрегиональных контактов. Так, установлены побратимские связи и налаживается торгово-экономическое сотрудничество между Ошской областью Киргизии и иранской провинцией Хорасан, Джалалабадской областью и провинцией Казвин, Чуйской областью и провинцией Хамадан.

С каждым годом растет число государственных стипендий, выделяемых иранским правительством для граждан Киргизии, желающих обучаться в вузах ИРИ. В некоторых киргизских вузах функционируют центры исламоведения и иранистики, налажены прямые связи между крупнейшими университетами двух стран. Иранская сторона добилась участия в создании учебников для средних учебных заведений Киргизии.

Важным моментом, обуславливающим ограниченность взаимосвязей Ирана и Киргизии в политической сфере, является присутствие на

территории Киргизии американской военной авиабазы. С этим присутствием связан и ряд кризисных одномоментных ситуаций в двусторонних отношениях последних лет. Так, в мае 2006 г. в контексте американских угроз о начале военных действий против Ирана прозвучали сообщения о вероятности использования американской авиабазы, расположенной в бишкекском аэропорту "Манас", для нанесения авиаударов по иранской территории⁴⁶. Данный тезис получил столь широкое распространение и резонанс, что парламентский комитет по обороне и безопасности Киргизии принял решение вынести на рассмотрение палаты вопрос о денонсации соглашения с США о нахождении авиабазы на территории Киргизии, а затем тогдашний премьер-министр Киргизии Алмазбек Атамбаев сделал специальное заявление о том, что Киргизия ни при каких условиях не позволит использовать авиабазу США, находящуюся на территории республики, для ведения боевых действий против Ирана или Ирака⁴⁷. С аналогичным опровержением выступила тогда и посол США в Киргизии М.Йованович⁴⁸. Можно предположить, что само появление данной информации могло представлять собой зондаж мнений в политическом истеблишменте как самой Киргизии, так и широкого круга причастных и заинтересованных стран в регионе и за его пределами. В любом случае, в итоге эта ситуация продемонстрировала лояльность киргизского руководства в отношении Ирана, невзирая на его конфронтацию с США.

⁴⁶ Источники в дипломатических кругах сообщали, что американские военные поддерживают присутствие США в Киргизии, бывшей советской республике, так как это может помочь в подготовке воздушных ударов по Ирану. Также сообщалось, что американские военно-воздушные силы резко активизировали свои действия, особенно на базе "Манас" возле Бишкека. Использование Киргизии имеет смысл, так как Ирак, Турция и страны Персидского залива уже нельзя рассматривать в качестве вариантов для нанесения удара по Ирану", – сказал дипломатический источник. "Это не значит, что удар будет нанесен, но кроме Киргизии другого выбора нет". – U.S. quietly sees C. Asia as Iran option// Middle East News Line, [http://www.menewslines.com/stories/2007/may/05_09_3.html]"

⁴⁷ Соглашение, которое было подписано между Киргизией и США в 2001 году и которое было одобрено парламентом Киргизии, определяет задачи этой авиабазы – она будет использоваться только для операции в Афганистане, которая направлена на борьбу с терроризмом". АКИпресс. - Бишкек, 2007. - 22 мая.

⁴⁸ ИА "24.кг". Бишкек, 2007. 24 мая.

Подобная лояльность присуща, пожалуй, правящим элитам всех государств региона и является устойчивым компонентом в общей для всех "многовекторной политике", с которой вынуждены считаться и внерегиональные партнеры, включая США.

Несомненно, что объявление в феврале 2009 г. киргизским руководством о решении вывести из страны авиабазу сил антитеррористической коалиции «Манас» было весьма положительно воспринято Тегераном. Ведь присутствие в регионе военных сил НАТО причиняет Ирану массу беспокойств, особенно в свете пронесшегося слуха о намерении США атаковать иранскую территорию именно с этой авиабазы. Впрочем, Киргизия сразу же заявила о неприемлемости использования военной базы «Манас» против Ирана в случае военной операции, тем более что Тегеран заявил, что ответит ударами по точкам, откуда будут запущены ракеты, нацеленные на иранскую территорию.

В целом, политика Ирана в отношении Киргизии является частью более глобальной иранской стратегии в Центральноазиатском регионе, которая нацелена на нейтрализацию усилий США по экономической и политической изоляции Ирана в его ближайшем окружении.

...

После осени 2001 г. политика Ирана в Центральной Азии проводится с учетом американского военного присутствия в регионе. Это обуславливает необходимость наращивания сотрудничества Ирана с Россией, Китаем и Индией, чьи позиции, хотя и в различной степени, близки или совпадают с иранскими в вопросе нежелательного расширения влияния США в этой части мира. "Иран с пониманием относится к сохранению лидерства России в регионе, исходя из того, что только

сильная Россия может быть гарантом обеспечения баланса интересов разных стран в Центральной Азии"⁴⁹.

В целом, иранскую центрально-азиатскую политику всего постсоветского времени можно охарактеризовать как в достаточно высокой степени сбалансированную. Определенным этапом, позволяющим предполагать вероятность ее плавной коррекции, можно считать 2005 г. – смену руководства в самом Иране. Прошедшая в ноябре 2005 г. в Тегеране 13-я международная конференция по Центральной Азии и Кавказу "Региональное развитие: взаимодействие и столкновение стратегий" стала своеобразной трибуной для программных выступлений представителей пришедшего к власти неоконсервативного руководства. Анализ ее материалов позволяет если не расставить, то хотя бы контурно наметить некоторые новые акценты в стратегии ИРИ в регионе Центральной Азии на последующий период. Выступая на конференции в Тегеране, Мохсен Резаи, бывший главнокомандующий КСИР, являющийся также руководителем Комитета по разработке "Двадцатилетней перспективы", заявил, что, согласно этому документу, через двадцать лет Иран должен стать развитой страной и занять первое место в регионе по экономическому, научному и культурному развитию. В документе также говорится, что "Иран станет вдохновителем исламского мира и цивилизациеобразующим государством с революционной и иранской идентичностью, реализующим конструктивное и эффективное взаимодействие в международных отношениях"⁵⁰. Впрочем, риторика иранских руководителей далеко не во всем совпадает как с политическими реалиями, так и с собственными их планами.

Пока приходится лишь констатировать отсутствие каких-либо окончательно сформулированных новых приоритетов иранской

⁴⁹ Мехди Санаи. Отношения Ирана с центрально-азиатскими странами СНГ. Социально-политические и экономические аспекты". - М., 2002. - С. 128.

⁵⁰ IRNA. - Tehran, 2005. - December, 13.

центрально-азиатской политики. Де-факто, руководство ИРИ оставило в некоем "вакууме" отношения с соседними государствами СНГ, не подвергая, тем не менее, сомнению важность этих государств для региональной политики⁵¹. Конкретные механизмы сотрудничества на этом векторе находятся в разработке, внешняя политика ИРИ не дает однозначных ответов на целый ряд вопросов. Впрочем, линия на приоритетное усиление экономических позиций в регионе обозначилась еще в последние годы реформаторского правления, хотя основными инициаторами этой новой экономической дипломатии были не столько представители реформаторского крыла, сколько лидеры умеренно-консервативной части правящего духовенства и неоконсерваторы во главе с М.Ахмадинежадом. Это позволяет предположить, что данная линия в любом случае будет продолжена. Это в том числе лишний раз подчеркивает склонность иранского руководства к проведению обычной «Realpolitik», а не некоего религиозно окрашенного мессианства. Конференция 2005 г. в Тегеране также подтвердила озабоченность иранского руководства распространением "цветных революций" на пространстве СНГ – особенно в контексте их влияния на региональную обстановку. Очевидно, что эта тематика будет в обозримом будущем значиться в числе актуальных тем повестки дня внешнеполитического руководства ИРИ, включая и серьезные усилия по фундаментальному изучению социальных элементов и политического базиса данного феномена для разработки эффективных рычагов противодействия. С этой тематикой тесно связана и еще одна из фундаментальных линий внешнеполитической стратегии ИРИ в Закавказье и Центральной Азии, заметно усилившаяся во второй половине 2000-х гг. – противодействие вмешательству внешних по отношению к региону игроков (прежде всего

⁵¹ Вартанян А.М. Новые аспекты региональной стратегии Тегерана в регионах Центральной Азии и Закавказья. Институт Ближнего Востока. http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html

США) во внутренние дела региона. В наибольшей степени это относится к региону Каспийского бассейна. При этом иранская сторона заведомо исходит из того, что любые внешние решения и действия, предлагаемые со стороны внерегиональных игроков, неизбежно приведут к отрицательным последствиям, а именно: нанесут вред региональному сотрудничеству, подорвут взаимное доверие, создадут дополнительные проблемы народам региона⁵².

Знаковым событием на этом направлении региональной политики ИРИ стал второй саммит прикаспийских государств в октябре 2007 г., где лидеры России, Ирана, Казахстана, Туркмении и Азербайджана так и не смогли урегулировать спор вокруг правового статуса Каспийского моря, но, тем не менее, была принята итоговая декларация, в которой были зафиксированы важнейшие договоренности. В частности, прикаспийские страны взяли на себя обязательство не предоставлять другим странам свою территорию для начала военной агрессии против одного из них – другими словами, в случае военной операции США против Ирана. Тем не менее, следует отметить, что на протяжении всего постсоветского периода все прикаспийские страны стремятся к увеличению своей военной мощи, что автоматически увеличивает вероятность возможных силовых сценариев, связанных с борьбой за геополитическое и экономическое превосходство. Примерно за 10 лет суммарное количество военных кораблей увеличилось на Каспии почти вдвое, наращивается береговая оборонная инфраструктура. Азербайджан и Казахстан осуществляют милитаризацию своих секторов Прикаспия при активном участии США, в частности в рамках программы "Инициатива по охране Каспия" и проекта по созданию специального оперативного соединения "Каспийский страж", основу которого, по замыслу американской стороны, должны составить

⁵² Вартамян А.М. Новые аспекты региональной стратегии Тегерана в регионах Центральной Азии и Закавказья. Институт Ближнего Востока. http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html

американские мобильные силы и подразделения армий стран-участниц каспийских энергетических проектов, инициированных США⁵³. Угрозы военной операции США против Ирана сделали свое дело: северные соседи ИРИ, движимые инстинктом самосохранения, оказались вынуждены согласиться с принципиальной позицией России о недопустимости применения силы в регионе. Другой тезис декларации – о недопустимости односторонних действий на Каспии – не стал чем-то принципиально новым для России⁵⁴. И хотя он напрямую не был включен в итоговую декларацию, тем не менее, он получил поддержку как Ирана, так и Туркменистана⁵⁵ при отсутствии возражений со стороны других участников саммита, отразившись косвенно в пункте декларации, гласящем, что будущая Конвенция о правовом статусе Каспийского моря как базовый документ может быть принята только на основе общего согласия прибрежных государств. Тем самым, Иран и Россия консолидировано заставили других участников саммита взять на себя также определенные обязательства по ограничению сотрудничества на Каспии с внерегиональными геополитическими и геоэкономическими центрами и, прежде всего, с США.

До определенного времени Иран рассматривал переговорный процесс по Каспию и сам вопрос о его правовом статусе как политические инструменты для сдерживания экономической экспансии со стороны

⁵³ Мухин В. Военные вызовы Каспийского региона// Независимое военное обозрение. 2004. 16 января. С. 2; Мухин В. Россия меняет свою военно-техническую политику в отношениях с Туркменией // Независимая газета. 2003. 12 ноября; IWPR. Ашхабад, 2004. 12 января.

⁵⁴ О готовности России не только дипломатическими мерами отстаивать свои интересы на Каспии свидетельствует документ "Позиция Российской Федерации в отношении правового режима Каспийского моря": "Односторонние действия в отношении Каспия являются незаконными и не будут признаваться Российской Федерацией, которая оставляет за собой право принять такие меры, которые будут необходимы, и в то время, которое она сочтет подходящим, для восстановления нарушенного правопорядка и ликвидации последствий, возникших в результате односторонних действий". – Письмо Постоянного представителя Российской Федерации при Организации Объединенных Наций от 5 октября 1994 года на имя Генерального Секретаря. А/49/475.

⁵⁵ Президент Туркменистана Г.Бердымухамедов отметил, что для его страны "остаётся неприемлемой практика односторонних действий на Каспийском море, в первую очередь в проведении нефтяных работ на тех участках, где отсутствует договоренность сторон". Кузьмин Н. Каспий а la carte// Эксперт Казахстан. - Алматы, 2007. - № 39(141), 22 октября.

нефтяных компаний, рвущихся к каспийскому шельфу. Его собственные нефтяные ресурсы (одни из крупнейших в мире) лежат в Персидском заливе, а не на Каспии – этого положения не изменил бы даже самый выгодный для Ирана статус Каспийского моря. Для Ирана саммит стал, в первую очередь, способом продемонстрировать США, что говорить о какой-то международной изоляции Ирана не приходится. Иранский президент М.Ахмадинежад получил единодушную поддержку со стороны всех прочих прикаспийских государств, включая и вполне проамерикански настроенный Азербайджан, причем тон единодушной поддержке Ирана был задан казахстанским президентом Н. Назарбаевым⁵⁶. Хотя, конечно, смысл тегеранских договоренностей по Каспию не лежит только лишь в сфере PR-демонстраций.

Переговоры по Каспию являются не единственным местом, где Иран взаимодействует со странами региона в многостороннем формате. Тегеран стремится наращивать взаимодействие в рамках нескольких многосторонних структур, таких как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), в которой Иран имеет статус наблюдателя и через которую получает возможность взаимодействовать с многосторонними объединениями СНГ (ОДКБ, ЕврАзЭС). Претендуя на роль одного из лидеров в регионе, Иран также стал рассматривать возможность участия в ШОС для усиления своего влияния в ЦА, а также для расширения сотрудничества с Китаем, все более усиливающим свое экономическое присутствие в Иране. В связи с получением Ираном статуса наблюдателя ШОС в Астане в июле 2005 г. вице-президент Ирана Реза Ареф заявлял: "В последние годы одним из приоритетных направлений внешнеполитической деятельности Ирана было взаимодействие на региональном уровне. Особое место в налаживании таких контактов занимает ШОС. В последнее время мы пришли к выводу, что членство

⁵⁶ Кузьмин Н. Указ. соч.

Ирана в этой организации будет отвечать национальным интересам ИРИ, способствовать укреплению стабильности в регионе"⁵⁷. Россия и государства-члены ШОС безусловно заинтересованы в наиболее тесном сотрудничестве с Ираном, так как это дает возможность влиять на происходящие в нем политические процессы, поддерживая наиболее предсказуемые политические силы⁵⁸. Страны-участницы ШОС заинтересованы и в том, чтобы не допустить военного вмешательства в Иран. Ведь с весьма большой долей вероятности такой вариант развития событий приведет к эскалации сепаратистских движений, в том числе в Синьцзяне. Наряду с напряженной ситуацией в Афганистане и Ираке, это может привести к попытке создания новых государственных образований. В свою очередь, это может оказаться катализатором подобных движений практически во всех странах ШОС.

Политика администрации США в отношении Ирана может привести к тому, о чем когда-то предупреждал З.Бжезинский: "коалиция России одновременно с Китаем и Ираном может возникнуть только в том случае, если Соединенные Штаты окажутся настолько недалекими, чтобы вызвать антагонизм в Китае и Иране одновременно"⁵⁹. Альянс, о котором рассуждает Бжезинский, становится вполне вероятным в рамках ШОС. США, проводя по отношению к Ирану агрессивную политику, создают идеальные условия для дальнейшего сплочения Ирана и России по важнейшим вопросам их политики в Центральной Азии и на Кавказе. Изменение геополитической ситуации на Ближнем Востоке и в

⁵⁷ IRNA - Tehran, 2005 - July, 5

⁵⁸ Киргизия положительно смотрит на вопрос о постоянном членстве Ирана в ШОС, такое заявление сделал 15 июля 2006 г заместитель главы МИД Киргизии К Сарбаев на встрече с главой парламентского комитета Ирана по международным отношениям и национальной безопасности А Боружерди - АКИпресс со ссылкой на IRNA - Бишкек, 2006 - 16 июля Иран может стать полноправным членом ШОС – эта позиция таджикской стороны содержится в совместном заявлении президентов Таджикистана и Ирана Эмомали Рахмона и Махмуда Ахмадинежада по итогам официального визита президента РТ в Тегеран 9-10 февраля 2008 г Regnum Душанбе, 2008 10 февраля

⁵⁹ Бжезинский З Великая шахматная доска М Международные отношения, 1999 С 140

Центральной Азии побуждает Иран к расширению политического и экономического сотрудничества также с Китаем.

Запасы энергетических ресурсов и географическое положение делают Иран одним из главных объектов современных геэкономических войн, но перманентно происходящее усиление позиций ИРИ в мире ислама превращает ее в один из субъектных центров мировой и региональной геополитики. Соответственно, Иран одновременно использует и геополитический, и геэкономический инструментарий, чтобы ответить на вызовы конкурентов. В условиях дестабилизации соседних стран (Афганистан и Ирак) ИРИ поставлена в ситуацию, когда руководителям страны приходится думать о безопасности одновременно на национальном, региональном и глобальном уровнях.

Центрально-азиатский фактор в вопросе обеспечения безопасности Ирана, не являясь доминантным, все же относится к числу достаточно приоритетных⁶⁰. Ужесточение в среднесрочной или долгосрочной перспективе курса М.Ахмадинежада в отношении государств Центральной Азии не исключено, но это будет зависеть от определенных обстоятельств, связанных с дальнейшим развитием ситуации в регионе и вокруг него, а конкретно – от последующих шагов американской администрации в этом секторе пространства СНГ. При этом очевидно, что негативная реакция Ирана может носить "точечный характер" применительно к "провинившемуся" государству региона, позволившему себе "лишнее" в сотрудничестве с американцами. До тех пор, пока интеграция стран региона в натовские структуры будет носить вялотекущий характер, Тегеран не собирается проявлять на этом треке большой активности и намерен сконцентрироваться на получении максимальных экономических

⁶⁰ Наибольший потенциал конфликтности для Ирана сосредоточен на южном и юго-западном направлениях, особенно в районе Персидского залива и Ормузского пролива, что никаким образом не связано с интересами стран Центральной Азии. Князев А.А. Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX – начало XXI в.). Душанбе: Дониш, 2004. С. 527.

дивидендов от взаимодействия со странами Центральной Азии и Закавказья. О том, что коррекция курса центрально-азиатской политики (пусть даже несущественная) последует, свидетельствует Президентская программа 2005 г., или "Программа девятого правительства"⁶¹. Усложнение внешнеполитического положения ИРИ, связанное как с конфликтами в странах-соседях, так и, особенно, с давлением со стороны США и евроатлантического сообщества в целом, естественным образом вызывает у консервативного руководства страны стремление как к ужесточению внешней политики, так и к наращиванию ее активности. Именно эта тенденция и проявилась в приходе на президентский пост ИРИ креатуры радикальных консерваторов М.Ахмадинежада. Иран озабочен дестабилизацией ситуации в регионе, присутствием многотысячных американских войск в соседних странах, особенно в Ираке и Афганистане. Он опасается, что ему не на кого будет рассчитывать в критической ситуации, так как он находится в окружении проамерикански настроенных стран либо государств, на территории которых расположены американские войска или базы. Сегодня военной мощи ИРИ недостаточно, чтобы эффективно противостоять потенциальным противникам в лице Израиля и США. Все это обуславливает стремление Тегерана к обладанию ядерным оружием, что на практике означает озабоченность ИРИ приобретением своеобразного фактора сдерживания потенциального агрессора в условиях отсутствия явных и надежных союзников в регионе⁶².

Впрочем, в любом случае, пока можно говорить о сохранении преемственности региональной стратегии Ирана на центрально-азиатском направлении (не исключая, конечно, подготовки и реализации в перспективе новой стратегии). Свой антиамериканский и антиизраильский

⁶¹ Программа девятого Правительства. Секретариат Совета по информации Правительства, 23.07-22.08.2005 (Барнаме-йе доулат-е нохом. Дабирхане-йе шоура-йе эттеларасани-йе доулат. - Мордад 1384). По URL: <http://www.president.ir/fa/>

⁶² Кулагина Л.М. Внешняя политика Ирана после президентских выборов 2005 г. Институт Ближнего Востока. <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/22-01-06.htm>

курс президент ИРИ М.Ахмадинежад уравнивает активизацией деятельности в региональных и международных организациях, и в этом плане центрально-азиатское направление играет во внешней политике Ирана весьма заметную роль. При этом необходимо уверенно констатировать, что идеологическая составляющая, пресловутая идея "экспорта исламской революции", не является сколько-нибудь значимой в региональной политике Ирана и не грозит стать таковой в обозримом будущем, означая лишь попытку реинтеграции региона в исторический контекст. Как существующие, так и нарождающиеся противоречия, связанные с усилением стратегического соперничества в центрально-азиатском регионе, имеют далеко не идеологические, а геополитические и геоэкономические основы. Скажем, Россия предпочла бы иметь дело с более предсказуемым Ираном в вопросах ядерной тематики или в таком регионе, как Ближний Восток, что вызывает соответствующие разногласия, но в том, что касается Средней Азии и Каспия, то здесь совпадение интересов России и Ирана можно назвать почти идеальным.

§ 2.2. Взаимоотношения Турции со странами Центральноазиатского региона

Во внешнеполитической деятельности Турции в настоящее время основное место занимает западное направление и стремление Турции стать полноправным членом Европейского союза. В этом плане, усиление политики Турции в Центральной Азии можно рассматривать как дополнительный фактор европейской политики в регионе. Турецкие аналитики отмечают, что, по крайней мере, в ближайшие годы основным союзником для Турции в Центральноазиатском регионе остаются США.

После распада СССР в 1991 г. и последующих событий, Турция выступила одним из первых государств, признавших независимость

бывших советских стран. В 1991-1992 гг. Турция в числе первых государств официально установила дипломатические отношения и открыла посольства во всех центрально-азиатских странах. Появились государства, близкие ей с точки зрения исторической и религиозной традиции, в этническом и языковом отношении. Перед Анкарой вдруг открылась заманчивая перспектива возглавить целый конгломерат этнически родственных стран. Турция приступила к формированию своей новой идентичности как лидера тюркского сообщества⁶³.

Так, в структуре МИД Турции в 1992 г. было создано Агентство тюркского сотрудничества и развития (ТИКА, от англ. TICA), которое занимается вопросами экономического, культурного и технического сотрудничества, и Центр культуры и искусств. Основным направлением деятельности ТИКА является оказание экономической помощи, развитие совместных проектов и программ, регулирование правовых, технико-экономических, социальных и экологических вопросов сотрудничества. В число приоритетных задач ТИКА входит содействие структурным и рыночным преобразованиям, быстрой интеграции тюркских государств в мировое хозяйство. При выполнении этих функций представители ТИКА привлекают к участию в отдельных проектах национальные министерства, предприятия и банки, сотрудничают с международными организациями, включая ООН, и структурами зарубежных стран.

Одной из основных идей политики Турции в регионе первоначально было создание «Великого Турана» под эгидой Анкары. Однако, это предложение не нашло одобрения среди лидеров центрально-азиатских стран. Более того, оно вызвало резкое противодействие со стороны всех стран региона. Так, на этой волне в мае 1995 г. по предложению президента Узбекистана И.Каримова возникло этнокультурное

⁶³ Дружиловский С.Б. Турция: привычка управлять // Россия в глобальной политике". № 6, Ноябрь - Декабрь 2005.

объединение под названием «Туркестан – наш общий дом», в соответствии с которым культурное и экономическое единство представлялось на основе единого этноса, и никак не религии.

С 1992 г. началась трансляция программ турецкого телевидения на страны Центральной Азии. В турецких вузах обучаются тысячи студентов из Казахстана, Киргизии. Общая сумма технической и гуманитарной помощи Турции странам Центральной Азии превысила 1,2 млрд. долл.

Турция открыла в Центральной Азии свои банки, создала много совместных предприятий по производству текстиля (джинсовых тканей), швейных изделий, сборке грузовиков, автобусов и так далее. Тем не менее, о широкомасштабном турецком присутствии в регионе говорить рано.

В первые годы независимости центрально-азиатские страны контактировали с внешним миром через Турцию. Лидеры новых государств рассматривали Анкару в качестве посредника, способного, благодаря давним отношениям с Брюсселем и Вашингтоном, помочь им как можно скорее интегрироваться в мировую политическую и экономическую систему. При содействии Анкары произошло включение тюркских республик в состав региональных экономических и политических объединений: ОБСЕ, Организацию экономического сотрудничества, Черноморское экономическое сотрудничество, Организацию исламская конференция. Турция сыграла важную роль в присоединении республик Центральной Азии к программе НАТО «Партнерство ради мира». Анкара также способствовала проникновению в эти государства международных финансовых организаций (МВФ, Всемирный банк, Азиатский банк развития). На международном экономическом форуме в Давосе стало традицией проводить встречи лидеров Турции и центрально-азиатских государств.

Турецкое руководство было уверено, что тесные связи с новыми республиками не только повысят региональное значение Турции, но и

обеспечат новые возможности для развития ее экспортно-ориентированной экономики. Наряду с деятельностью официальных правительственных турецких организаций, в расширение зоны влияния Турции активно включился частный торгово-промышленный капитал. Турецкий бизнес завоевывал рынки молодых государств, используя демпинговые цены и механизм бартерных сделок. Турецкая сторона учредила специальный турецко-среднеазиатский банк для финансирования своего экономического проникновения на рынки региона. При этом в Центральной Азии турецкие предприниматели имели культурное и лингвистическое преимущество перед западными конкурентами. На территории этих государств при поддержке турецкой стороны стали создаваться совместные образовательные учреждения, например, университет в Казахстане, лицеи в Узбекистане и Таджикистане⁶⁴.

Первоначально Турция воспринималась как модель социально-экономической и политической трансформации стран региона. Ряд государств региона проявлял интерес к турецкому варианту экономического развития.

С одной стороны, Турции удалось обозначить свое присутствие в тюркоязычных государствах и заметно усилить экономические и культурные связи с ними. Однако надежды на то, что Турция станет их главным политическим и экономическим партнером, не оправдались. Среди основных причин можно назвать отсутствие общих границ, российское присутствие в этом регионе, нежелание лидеров новых независимых государств вновь попасть в зависимость от кого бы то ни было.

В обоснование регионального лидерства от Анкары требовалось безвозмездное финансирование братских народов. В Турции отсутствовали

⁶⁴ Куртов А. Турция и республики Центральной Азии: любовь по расчету // Обозреватель – Observer. http://www.rau.su/observer/N08_96/8_08.htm

необходимые средства для массированного инвестирования. В этом проявилась ограниченность турецких ресурсов, их технологическая слабость, которая неспособна удовлетворить потребности национальных экономик тюркских государств. Турецкая экономика, которая зависит от западных заимствований, не в состоянии обеспечить потребности центрально-азиатских государств в экономических ресурсах. Более того, качество большинства турецких товаров намного уступает европейским изделиям, а подлинная интеграция не может быть основана на одной сельхозпродукции. В результате снизился объем турецкого экспорта в центрально-азиатские республики⁶⁵.

В политическом аспекте пантюркистская тематика для тюркоязычных народов также недостаточно актуальна: первоочередными для них являются задачи национально-государственного строительства. Со временем снисходительно-опекуное отношение Турции пусть к «братскому», но все же третьему «тюркскому миру» сменилось признанием культурно-образовательных, а также ментальных различий турок и жителей азиатских постсоветских республик. Данный факт под прессом пропаганды языкового, культурного и этнического родства поначалу сбрасывался со счетов. Уверенность Анкары в том, что она лучше своих восточных партнеров знает их проблемы и потребности, привела к ряду политических кризисов во взаимоотношениях сторон. В частности, неожиданностью стал для турецких властей отказ тюркоязычных стран от предложенного Анкарой участия в Тюркских саммитах Турецкой Республики Северного Кипра. Кроме того, со временем центрально-азиатские государства перестали нуждаться в посредничестве Анкары в отношениях с Западом.

⁶⁵ Кудряшова Ю. Взаимодействие Турции со странами Центральной Азии. 2009. 27 октября. <http://www.mgimo.ru/news/experts/document124764.phtml>

Турция постепенно отказалась от создания собственной зоны влияния на территории проживания тюркских народов, ограничившись, в основном, образовательными программами в рамках деятельности ТИКА, что позволяет говорить о создании гуманитарной сферы влияния Анкары. Для осуществления лоббистской деятельности в интересах Турции используются возможности турецкой диаспоры, тюркских этнических групп и их информационных центров: органов печати, радио и телевидения. Экономическое проникновение Анкары в регион ограничивается предоставлением время от времени определенной финансовой помощи в виде грантов, кредитов и технической поддержки.

Турция имеет во всех столицах государств Центральной Азии военных атташе, довольно сильную агентуру, пытается создать протурецкие политические партии и группы, которые работают на укрепление военно-политического сотрудничества своих стран с Анкарой. Турция сотрудничает с центрально-азиатскими республиками в устранении таких угроз региональной безопасности и стабильности, как радикальные религиозные движения, терроризм, наркотрафик и торговля оружием. В рамках соглашений о борьбе с терроризмом, подписанных с этими странами, Турция предоставляет им необходимую технику и финансовую помощь. Начиная с 2001 г. Анкара значительно увеличила военную помощь Узбекистану и Казахстану, в меньшей степени Киргизии, предоставляя вооружение и военное обмундирование, проводя учения с целью модернизации армий этих стран. Участие Турции в операции в Афганистане заметно повысило ее авторитет среди центрально-азиатских государств.

Среди крупных политических событий следует отметить прошедший 3 октября 2009 г. в г.Нахичевани (Азербайджан) саммит глав государств тюркоязычных стран. В нём приняли участие президенты Азербайджана, Турции, Казахстана, Киргизии, вице-премьер Туркмении. Саммиту

предшествовало учреждение Парламентской ассамблеи тюркоязычных стран (Азербайджана, Казахстана, Киргизии и Турции). В саммите не приняли участия ни президент Узбекистана Ислам Каримов, ни даже его представитель. На саммите Нурсултан Назарбаев, отметив, что Гейдар Алиев и Мустафа Кемаль Ататюрк мечтали о единстве тюркоязычных народов, подчеркнул, что Казахстан также выступает за воплощение в жизнь этой идеи. Тюркский саммит в Нахичевани завершился созданием Совета сотрудничества тюркоязычных стран (Тюркского совета), в 2010 г. его возглавил Казахстан⁶⁶.

Сегодняшняя политика Турции в Центральноазиатском регионе безусловно отмечена, в первую очередь, активным внедрением своей, особой образовательной системы. Через сеть образовательных систем Турции в настоящее время ведется религиозно-пропагандистская деятельность, однако это не мешает им спокойно работать и развиваться. Начиная с 1992 г., группа Фетхуллах Гюлена создала сеть школ в Центральной Азии, основной целью которых была подготовка кадров госаппарата, обеспечивающих в будущем их симпатии к Турции. В 1999-2000 гг. в турецких СМИ сообщалось, что Ф.Гюленом в Центральной Азии открыто примерно 250 хорошо оборудованных школ, которые активное поддерживались США. Сам Ф.Гюлен предполагает при участии хорошо подготовленных и обученных в принадлежащих ему школах и интернатах кадров ликвидировать светскую республику и создать государство, базирующееся на основах исламского шариата. Вместе с тем, по мнению ряда экспертов, подобные школы за границей стали причиной относительного ухудшения отношений Турции со странами региона и особенно с Узбекистаном. Известно, что правительство Узбекистана

⁶⁶ Белинский В. Возвращение Тюркского каганата. 2010. 16 марта. <http://kub.info/article.php?sid=22855>

закрыло все школы Ф. Гюлена на его территории и прекратило сотрудничество с Турцией в образовательной сфере⁶⁷.

Из группы стран Центральноазиатского региона самое пристальное внимание Турция уделяет Казахстану. Отношения между Анкарой и Астаной развиваются поступательно и находятся на хорошем уровне. Однако существенную конкуренцию для турецких предпринимателей составляют бизнесмены из Китая, США и стран Европейского союза. В 2007 г. Казахстан подписал соглашение о присоединении к трубопроводной сети Баку-Тбилиси-Джейхан, что является важным моментом для реализации энергетической политики Турции в регионе.

Турция, обеспечив возможность экспорта азербайджанских энергоресурсов в Европу, естественно, заинтересована в подключении Казахстана и Туркменистана к транскаспийским проектам. Астану устраивает вариант дальнейшего развития диалога с Евросоюзом при активном участии Турции, в том числе в разработке и реализации совместных проектов транспортировки нефтегазового сырья в Европу. Однако с новыми туркменскими властями у турецкого бизнеса возникли напряженные отношения.

Турецко-киргизское сотрудничество динамично развивается. Оживилось сотрудничество в сфере культуры, образования, в сфере политических отношений и военно-технической сфере. Объем торговли за пятилетний период вырос больше чем в три раза: с 80 млн. до 256 млн. долл. В Киргизию идет текстиль, строительные материалы и оборудование, изделия химической промышленности, а из Киргизии в Турцию – сельхозпродукция.

Между странами проходят государственные, рабочие визиты высокопоставленных лиц двух стран, регулярно заседали

⁶⁷ Джусупов Б. Турция и страны Центральной Азии. 2007. 9 ноября. <http://www.easttime.ru/analitic/2/6/346.html>

межправительственная экономическая комиссия. Произошла интеграция на межпарламентском уровне: Киргизия стала одним из учредителей Межпарламентской Ассамблеи тюркоязычных государств.

Хотя в современных отношениях Киргизии и Турции были некоторые проблемные вопросы, их удалось снять. Так, в марте 2005 г. во время революции в Бишкеке свирепствовали мародеры, которые разворовали много турецких магазинов и фирм. Тем более, что все знали – турецкий бизнес во многом был связан с семейным бизнесом Акаевых, и магазины громили, что называется, «с пристрастием». После революции, когда стабильность восстановилась, турецкая сторона потребовала возместить ущерб, причем была названа довольно значительная сумма. Вопрос был решен следующим образом – компенсация предоставлялась не деньгами, а освобождением этих фирм от налогов – на то время, пока им не будет возмещен ущерб⁶⁸.

С другой стороны, из последних обращает на себя внимание такой факт – Турция заявила о выделении 21 млн. долл. Киргизской Республике в качестве поддержки стране после вооруженных столкновений на юге. 10 млн. долл. турецкого гранта правительство Киргизии решило направить на поддержку бюджета республики. 11 млн. долл. Турция выдает строительными материалами или направляет на восстановление разрушенных домов пострадавшим в Ошской и Джалал-Абадской областях в ходе массовых беспорядков.

Конечно, в целом, Киргизия и Турция еще не достигли потенциально возможного уровня взаимопониманий, и еще многое им предстоит сделать, но картина развития двусторонних отношений представляется позитивной.

С Таджикистаном отношения Турции получили наименее заметное развитие. Это государство с недостаточно развитой экономической

⁶⁸ Яновская М. Бывший посол Кыргызстана в Турции Мамбетжунус Абылов: «Не нужно считать киргизов турклерами!» // Фергана.ру. 2009. 17 ноября. <http://www.ferghana.ru/article.php?id=6375>

системой пока не способно самостоятельно играть существенной роли. Заметное давление на него оказывает Китай, как в рамках ШОС, так и на уровне двусторонних отношений.

Узбекистан после обвинений в адрес Турции по поводу поддержки узбекских оппозиционных движений и их лидеров сохраняет прохладное отношение к Турции. Ташкент считает, что Анкара поддерживает исламскую оппозицию через деятельность турецких коммерческих и строительных фирм. Представитель Узбекистана даже не присутствовал 17-19 ноября 2007 г. в Баку на 11-ом съезде организации Дружбы, братства и сотрудничества тюркоязычных стран и общин. Однако в реальности Турции нет смысла поддерживать экстремистские религиозные движения за рубежом, так как турецкие власти сами борются с ними внутри страны. Тем не менее, Турция и Узбекистан продолжают сотрудничество в сфере предотвращения и устранения таких угроз, как экстремизм, терроризм и контрабанда наркотиков, с которыми сталкивается Ташкент и которые представляют опасность для стабильности всего региона.

С Узбекистаном Турции не удастся наладить даже нормальные отношения, не говоря уже о стратегическом партнерстве. Отношения Турции и Узбекистана, пережив настоящий разрыв в середине 1990-х гг., вроде бы стали вставать на новые рельсы, однако о явном или очевидном налаживании сотрудничества говорить не приходится. Сегодня Узбекистан – самое крупное государство Центральной Азии по численности населения, однако он не стремится искать какого-либо стратегического партнерства сверх того, которое страна уже имеет с государствами ШОС.

В связи с последними внутривосточными событиями в странах ЦА, заметного укрепления позиций ШОС, правительство Турции пока не решается вмешиваться в этот регион, чтобы не испортить отношения с такими странами как Россия, Китай, США и т.д.

Одним из приоритетных направлений в Центральноазиатском регионе для Турции является развитие транспортной инфраструктуры. В среднесрочной перспективе она планирует создать по возможности большее количество энергетических магистралей на собственные порты и тем самым укрепить свои экономические отношения со странами региона.

Кроме того, особое внимание Турция уделяет проектам в области добычи, переработки и транспортировки энергоносителей, нефти, газа и т.д. Турция является активным участником трубопроводного проекта Баку-Тбилиси-Джейхан, к которому в мае 2006 г. присоединился и Казахстан⁶⁹.

Казахстан и Турция также договорились о строительстве нефтеперерабатывающего завода на берегу Черного моря, куда будет поставляться казахстанская нефть. Это позволяет транспортировать сырую нефть из Новороссийска в Турцию и там продавать уже переработанный продукт. По словам Н. Назарбаева, строительство НПЗ позволит решить проблему, связанную с недостаточной пропускной способностью пролива Босфор.

Турция также сильно заинтересована в создании транскаспийского трубопровода. В 1998 г. заинтересованными странами было принято соглашение о строительстве газопровода протяженностью 2 тыс. км. по дну Каспийского моря (на глубине 200-300 м) до Баку, далее через Азербайджан и Грузию до Эрзурума (Турция). Пропускная способность газопровода должна была составить 30 млрд. куб. м. в год. Завершить строительство планировалось в 2002 г. Однако, несмотря на подписание многочисленных межправительственных соглашений и создание консорциума по строительству и эксплуатации Транскаспийского газопровода, проект так и остался лишь на бумаге.

⁶⁹ Джусупов Б. Турция и страны Центральной Азии. 2007. 9 ноября. <http://www.easttime.ru/analitic/2/6/346.html>

Вместе с тем, в 2006 г. проект реанимировали в модифицированном варианте «Тенгиз-Туркменбаши-Баку-Тбилиси-Эрзрум» с планом его исполнения до 2010 г. Но и на этот раз возникли определенные проблемы, в настоящее время трудно сказать, будет ли он реализован. Во-первых, существуют географические и экономические трудности при его прокладке. Во-вторых, Иран и Россия выступают против проекта, указывая на отсутствие юридического статуса Каспийского моря. Азербайджан же в свою очередь при определении правового поля на Каспии волнует судьба спорных с Туркменистаном месторождений Азери и Чираг, поэтому он не спешит с решением этого вопроса.

Примечательным является то, что на сегодняшний день уже функционирует конкретный газопровод из стран ЦА в Турцию, проектную мощность которого предложено увеличить с 16 млрд. до 24 млрд. куб. м. в год с целью направить этот газ транзитом через Турцию в Грецию, Южную Италию и Центральную Европу.

Также необходимо отметить, что, по мнению Анкары, для экономического сотрудничества в регионе необходима более эффективная и целенаправленная деятельность Организации экономического сотрудничества (ОЭС). В этом плане Турция даже предпринимала ряд конкретных шагов. Так, в марте 1995 г. было подписано Соглашение о создании Банка торговли и развития ОЭС с участием Турции, Ирана и Пакистана, а также об образовании Научного фонда, Института культуры и совместных компаний по морским и воздушным перевозкам.

В целом, на сегодняшний день очевидно, что Турция как один из акторов в современной системе международных отношений играет определенную роль в Центральноазиатском регионе. И это вполне закономерно, с учетом того, что народы практически всех стран региона имеют общие языковые, культурные и этнические корни с народом Турции.

Роль Турции в Центральной Азии подчас носит двойственный характер. С одной стороны, страна отстаивает геостратегию Запада, стремясь наглядно показать ему свою лояльность и целесообразность своей посреднической роли в Центральной Азии, а с другой – Турция продвигает на этом пространстве собственные, замешанные на пантюркизме интересы. Основная цель Турции – обустройство своей экономической «ниши» как транзитера энергетических ресурсов из Центральной Азии на Запад, а также реализация своих интересов, связанных с разработкой нефтяных проектов в Каспийском бассейне. Превращение Турции в энергетический перекресток Азии, Европы и Ближнего Востока объективно увеличивает политико-экономический вес страны. Историческая, культурная и языковая близость к тюркоязычному населению центрально-азиатских стран и «прозападный» имидж Турции как светской державы с мусульманским прошлым, добившейся значительных экономических успехов, безусловно, способствуют расширению турецкого влияния в регионе. При этом географическая удаленность Турции от центрально-азиатских государств, претензии Турции на лидерство среди них, а также игнорирование интересов России в регионе не будут способствовать поступательному развитию сотрудничества со странами ЦА и его выходу на новый уровень, который бы еще больше влиял на интересы России. Несмотря на это, Турция продолжает оставаться важным и влиятельным актором в Центральной Азии, что Россия, безусловно, должна учитывать.

...

Таким образом, политические амбиции Турции в Евразии были подкреплены бурным развитием ее экономики в начале 1990-х годов, то есть в период распада советской системы и экономического упадка бывших советских республик. Рост ВВП Турции привел к приближению

реальной покупательной способности национального продукта к 6 тыс. долл. на душу населения. Займы государствам Центральной Азии составили к 2007 г. 1,5 млрд. долл. Стоимость экономических проектов Турции в этом регионе составила 4,5 млрд. долл. Для активизации турецкого политического, экономического и культурного присутствия в Центральной Азии созданы Турецкое агентство международного развития и Центр культуры и искусств⁷⁰.

Турция не проявила большой активности в ходе проведения выборов и других политических процессов в государствах ЦА. Это обусловлено, главным образом, значительными внутри- и внешнеполитическими проблемами Турции. Однако отсутствие активности не означало отсутствия позиции. Турция весьма озабочена происходящими в ЦА процессами. Прежде всего, Турцию беспокоит перспектива снижения ее роли в стратегии США, поиск Вашингтоном новых «опорных» точек и региональных партнеров, которые могли бы вытеснить Турцию из американской внешней политики. В связи с этим, Турция в настоящее время несколько иначе рассматривает цели США по утверждению своего военного присутствия в ЦА.

Очевидно, что неудачные попытки осуществить политическое и экономическое внедрение в регионы Центральной Азии будут учтены Турцией, и ее политика в этих регионах станет более многосложной и разносторонней. Турция переживает небывалый в ее современной истории экономический, политический и государственный кризис и не способна одновременно проводить активную политику в нескольких геополитических направлениях. По оценкам экспертов, данное положение в Турции продлится от пяти до семи лет. Называются сроки в 12 – 15 лет, что также возможно, если в стране усилится социальная нестабильность.

⁷⁰ Турция на Южном Кавказе и Центральной Азии.
http://analitika.at.ua/news/turcija_na_juzhnom_kavkaze_i_centralnoj_azii/2009-10-10-15301

По представлениям многих американских аналитиков, политическая и военная элита Турции не стремится к расширению территории страны и придерживается принципов Мустафы Кемаля о территориально компактном государстве. Однако сами реплики американских экспертов на этот счет подчеркивают наличие территориальных проблем в неформальных доктринах турецкой элиты.

Турция семь десятилетий ожидала распада СССР и готовилась к осуществлению геополитического броска на Восток, то есть, у нее есть опыт выигрывать время и она готова пережить неблагоприятный период и подготовиться к новому этапу экспансии. Нет никаких признаков того, что Турция отказалась от экспансии на Восток. Однако, Турция, изучив условия Центральной Азии, поняла, что без военного присутствия ни одна держава, в том числе США и Россия, не могут рассчитывать на серьезные позиции. В Турции понимают, что необходимо разработать различные подходы в части военного присутствия в государствах региона, с учетом их отношений с другими державами, внутреннего политического режима и социально-экономических условий. Турция способна осуществить эти планы исключительно в режиме тесного сотрудничества с США и при одобрении НАТО.

США и Турция в практическом смысле никогда не планировали организации военного присутствия Турции в ЦА, даже в период проведения военной операции в Афганистане. У центрального командования США были некоторые замыслы по использованию ограниченных военных контингентов Турции в Киргизии и Узбекистане в период агрессии исламских радикалов против правящих режимов этих стран. В этот период Турция не была расположена к участию в данных операциях против исламских радикалов, прежде всего потому, что не желала выступать в Центральной Азии против какого либо политического движения, тем более религиозно-политического. Кроме того, эти проблемы

были в целом решены государствами Центральной Азии при поддержке России и отчасти Китая. США вполне устраивали результаты этих процессов. США и Турция, возможно, были заинтересованы в увязании России в новой войне в этом регионе. Тем не менее, Турция имеет во всех столицах государств Центральной Азии военных атташе, довольно сильную агентуру, пытается создать протурецкие лоббистские группы и политические партии, которые работают на укрепление военно-политического сотрудничества своих стран с Турцией. В Казахстане и Узбекистане присутствовали в разное время военные инструкторы Турции.

Военное сотрудничество Турции с государствами Центральной Азии не может успешно осуществляться без полной материальной и политической поддержки США. Турция не располагает средствами для предоставления существенной помощи данным государствам, чья безопасность предполагает глобальные мероприятия по усилению защиты государственной границы, ПВО и специальных сил безопасности. Турция не уверена, что значительные ее затраты в сфере оказания военно-технической помощи государствам Центральной Азии будут сопровождаться усилением ее политического и экономического влияния.

Тем не менее, можно сделать определенные прогнозы в отношении турецкого военного присутствия в Центральной Азии. Эти оценки даны военно-политическими аналитиками США. Учитывая реальные экономические и политические условия в Турции, Анкара может ограничиться только оказанием помощи в военно-образовательной сфере. Однако и это направление военного сотрудничества может привести к усилению влияния турецких военных в Центральной Азии. Участие Турции в операции в Афганистане заметно повысило ее авторитет и привлекательность для данных государств. В связи с этим, Турция рассматривается США, как пример и модель секулярного государства и общества для государств Центральной Азии и Ближнего Востока, что

более важно для США, нежели усиление ее военного присутствия в центральноазиатском регионе.

Наряду с тесным сотрудничеством с Турцией, США весьма серьезно относятся к задачам контроля над ее политикой, что предполагает постоянную корректировку турецкой политики, прежде всего, в регионах. США, продолжая делать ставку на военную элиту Турции, вместе с тем, понимают, что турецкие военные характеризуются большими внешнеполитическими амбициями и способны на неожиданные и непрогнозируемые шаги. Поэтому США всегда дают понять Турции, что ее амбиции не могут быть удовлетворены со стороны США.

Политика Турции в Центральной Азии не может не учитывать всего комплекса европейской политики в данном регионе. Хотя Европейское сообщество не обладает операционной системой управления в Центральной Азии, европейцы оказывают усиливающееся влияние на процессы, происходящие в регионе.

Переосмысление Турцией своих позиций особенно ясно видно на примере ЦА. Турция не просто стремится зарекомендовать себя светским и толерантным мусульманским государством, но и пытается найти способы влияния на ситуацию в регионе. Однако, наблюдая за налаживанием тесных личных отношений между президентами США и России, в Анкаре должны понять, что в достижении своих целей Россия и США могут обойтись и без Турции.

Турция очень надеялась, что новые независимые страны Центральной Азии воспользуются ее моделью государственного устройства и она установит над ними политический и идеологический патронаж. Ведь Запад смотрел на Турцию как на щит против исламского фундаментализма. Светский путь развития, избранный Турцией не без влияния Европы, в странах которой после 1945 г. постоянно работали миллионы турок, доказал свою жизнеспособность. По аналогии с Турцией,

страны Центральной Азии избрали светскую форму правления и законодательно (конституционно) отделили религию от государства. Но жизнь, практика являют нам другие картины, и пока рано говорить об отсутствии влияния религиозных общин и организаций на внутреннюю и внешнюю политику новых независимых государств, какими стали бывшие союзные республики с мусульманским населением.

Этническая, языковая и культурная близость Турции и Центральной Азии также создавала благоприятные предпосылки для утверждения геополитических интересов Анкары в этом регионе. Надежды Турции на лидирующее положение в тюркоязычном мире вскоре, однако, развеялись, и на первое место выступил прагматизм, связи обрели привычную для них меркантильную окраску.

Присутствие Турции, как и Ирана, в центрально-азиатских странах (особенно на их рынках) достаточно заметно. Сфера турецкого проникновения в регион – прежде всего легкая (текстильная и швейная) промышленность, в которой создано много совместных предприятий, а также транспортные коммуникации и туризм – Турция является страной, через которую Великий шелковый путь выходит на просторы южной Европы (проект транспортного коридора Европа – Кавказ – Азия (ТРАСЕКА)).

Турецко-иранское соперничество в регионе протекает достаточно остро, ведь у этих стран-соседей противоположные модели государственного устройства. Всю вторую половину XX в. Турция выполняет роль опорной точки США, помогая им осуществлять на Ближнем и Среднем Востоке свои жизненные интересы.

ГЛАВА III. ОТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ С ДРУГИМИ МУСУЛЬМАНСКИМИ СТРАНАМИ

Помимо отношений с Турцией и Ираном, государства Центральной Азии поддерживают связи различной степени интенсивности и с другими мусульманскими странами. Следует отметить, что, как и в случае с Турцией и Ираном – основными внешними акторами данной категории в Центральноазиатском регионе, термин "мусульманская страна" следует употреблять условно. Он всего лишь подразумевает, что абсолютное большинство населения соответствующей страны исповедует ислам, а отнюдь не то, что ислам является в ней государственной религией. Например, так же как и Иран, Пакистан и Афганистан официально именуется "исламскими республиками". С другой стороны, полные официальные названия таких стран как Индонезия, Египет или Сирия не содержат этих слов. У последних двух в названии указано, что они являются "арабскими республиками". Наконец, наименования вполне мусульманских Иорданского Хашимитского Королевства и Королевства Саудовской Аравии недвусмысленно отсылают не к религии или этничности, а к фамилиям правящих династий.

Разумеется, все мусульманские страны являются членами Организации исламская конференция. Однако следует учитывать, что таких государств-членов ОИК в настоящее время насчитывается 57⁷¹, включая и все пять государств ЦА. Анализ отношений центрально-азиатских государств со всеми остальными – кроме Турции и Ирана – членами ОИК выходит далеко за пределы объема данного исследования.

⁷¹ Азербайджан, Алжир, Албания, Афганистан, Бангладеш, Бахрейн, Бенин, Бруней, Буркина Фасо, Габон, Гайана, Гамбия, Гвинея, Гвинея-Бисау, Джибути, Египет, Индонезия, Иордания, Ирак, Иран, Йемен, Камерун, Казахстан, Катар, Киргизия, Коморы, Кот-д'Ивуар, Кувейт, Ливан, Ливия, Мавритания, Малайзия, Мали, Мальдивы, Марокко, Мозамбик, Нигер, Нигерия, ОАЭ, Оман, Пакистан, Палестинская автономия, Саудовская Аравия, Сенегал, Сирия, Сомали, Судан, Суринам, Сьерра-Леоне, Таджикистан, Того, Тунис, Туркмения, Турция, Уганда, Узбекистан, Чад *Прим авт – С М*

Кроме того, он невозможен и просто в силу того, что государства ЦА не имеют ни официальных диппредставительств, ни представительств своих хозяйственных структур в подавляющем большинстве этих стран. Даже Россия, обладая гораздо большими возможностями, не имеет посольств в ряде указанных стран и поддерживает дипотношения через своих послов в соседних, более крупных странах. Соответственно, большая часть остальных 52 государств-членов ОИК также имеют лишь дипотношения с центрально-азиатскими государствами, а остальные связи, в т.ч. экономические, культурные и т.п., а также визиты официальных представителей просто отсутствуют. Вышесказанное особенно относится к мусульманским странам Африки. Встречи на высшем и министерском уровне имеют место лишь в ходе заседаний Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций или той же ОИК⁷².

Разумеется, все эти другие мусульманские страны не могут соперничать с Турцией и Ираном в плане интенсивности связей с государствами Центральной Азии, роли и геополитических амбиций. Это обусловлено историческим контекстом в том смысле, что на протяжении столетий, предшествовавших присоединению ЦА к Российской империи, Турция и Иран, а точнее Османская империя и Персия были единственными мусульманскими государствами, обладавшими не только реальным суверенитетом, но и мощной государственностью, позволявшей им проводить активную внешнюю политику, которая в т.ч. выражалась и в остром турецко-персидском соперничестве и ряде войн между турецкими султанами и персидскими шахами.

Причина этого также в том, что и в современном мире эти две страны являются "гигантами" мусульманского мира. Конечно, по финансовым ресурсам Саудовская Аравия, вероятно, превосходит их,

⁷² Джангабаева К. Экономическое сотрудничество стран ОИК с государствами Центральной Азии и Казахстан. 27 января 2001. Сайт Института мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан <http://iwep.kz/index.php?newsid=232>

однако по населению уступает в разы. Пакистан и Индонезия обладают гораздо более многочисленным населением, чем Турция и Иран, но уступают им по финансово-экономическим возможностям. Наконец, несмотря на бурное развитие транспортных коммуникаций в эпоху глобализации, фактор географической удаленности все же играет свою роль, особенно применительно к таким мусульманским странам, как Индонезия, Малайзия или, например, Марокко⁷³.

3.1. Казахстан

В наибольшей степени отношения с другими мусульманскими странами получили место во внешней политике и внешнеэкономических связях двух крупнейших стран Центральной Азии – Казахстана и Узбекистана. Одно время, в 1990-е гг. на роль центра притяжения по такому критерию как частота проведения международных мероприятий и наличие представительств международных организаций претендовала – и небезуспешно – Киргизия, которая тогда же сумела стать пионером по вступлению во Всемирную торговую организацию. Однако две прошедшие с пятилетним перерывом – в 2005 и 2010 гг. – насильственные смены верховной власти в стране, вероятно, надолго сделали невозможным повторное ее превращение в "центрально-азиатскую Швейцарию".

В настоящее время, как представляется, относительным лидером среди стран Центральной Азии по части насыщенности внешних связей в общем плане является **Казахстан**. Это относится как в целом к его отношениям с другими государствами мира и участию в международных организациях (можно напомнить, что в 2010 г. он председательствовал в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе), так и к

⁷³ Хохлышева О.О. Ислам и международное публичное право // Ислам в современном мире. 2008. №11.

"мусульманскому измерению" казахстанской внешней политики. Так, например, в Астане наряду с Турцией, Ираном и остальными четырьмя странами ЦА имеют свои дипломатические и консульские представительства такие государства-члены ОИК как Азербайджан, Афганистан, Египет, Иордания, Ирак, Йемен, Катар, Ливия, Ливан, Малайзия, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Государство Палестина и Саудовская Аравия. Показательно и то, что именно в Казахстане расположено Региональное представительство Исламского банка развития⁷⁴.

Дипломатические, а затем и иные отношения Республики Казахстан с другими мусульманскими странами начали устанавливать практически сразу после обретения им независимости. Так, дипломатические отношения между Казахстаном и Афганистаном установлены 12 февраля 1992 г. Следует, однако, отметить, что если посольство Афганистана функционирует в РК с 1993 г., то дипломатическая миссия Республики Казахстан открылась в Кабуле лишь в 2002 г., т.е. лишь после того, как правительство талибов было свергнуто в результате международной военной операции осенью 2001 г.

Важными этапами в истории двусторонних отношений Казахстана и Афганистана явились официальные контакты на высшем уровне: встреча президента РК Н.Назарбаева с президентом Афганистана Б.Раббани в Стамбуле (1993 г.), официальный визит заместителя министра иностранных дел РК К.Абусейтова в Кабул (12-15 января 2002 г.), рабочий визит министра иностранных дел РК К.Токаева в Афганистан (31 марта – 1 апреля 2006 г.), рабочий визит заместителя министра иностранных дел РК К.Абдрахманова в ИРА (24-28 сентября 2006 г.), визит заместителя министра иностранных дел РК Н.Ермекбаева в ИРА (2-3 апреля 2007 г.),

⁷⁴ Министерств иностранных дел Республики Казахстан - <http://portal.mfa.kz/portal/page/portal/mfa/ru/content>

визит делегации мажилиса парламента РК в ИРА (12-14 мая 2007 г.), участие президента Б.Раббани в 5-саммите ОЭС в Алматы (май 1998 г.), рабочий визит и.о. министра иностранных дел Афганистана А.Абдуллы в Астану (29 июня 2001 г.), участие главы Переходного Исламского Государства Афганистан (ПИГА) Х.Карзая в саммите СВМДА в Алматы (июнь 2002 г.), официальный визит президента ПИГА Х.Карзая в РК (15-16 апреля 2004 г.), участие президента ИРА на церемонии инаугурации президента РК (11 января 2006 г.), визит старшего экономического советника президента ИРА И.Надери в Астану (4-5 сентября 2006 г.), визит первого вице-президента ИРА А.Масуда в РК (13-15 июня 2007 г.), участие первого вице-президента ИРА А.Масуда в седьмом совещании глав правительств стран-участниц ШОС в Астане (30 октября 2008 г.).

Нетрудно заметить определенный провал в отношениях двух стран, приходящийся на период правления талибов в Афганистане.

17-18 сентября 2007 г. в г.Астане состоялось первое заседание Казахстанско-афганской межправительственной комиссии (МПК) по торгово-экономическому сотрудничеству, в ходе которого сторонами был рассмотрен широкий спектр направлений двустороннего взаимодействия, таких как: сельское хозяйство, энергетика и минеральные ресурсы, транспорт, здравоохранение, образование.

Далее, 13 декабря 2008 г. в Кабуле состоялось второе заседание МПК, в ходе которого были рассмотрены вопросы торгово-экономического сотрудничества, поставки казахстанского зерна и нефтепродуктов в Афганистан, проект плана мероприятий правительства РК по содействию ИРА на 2009-2011 гг.

Сопредседателем казахстанской части МПК является вице-министр индустрии и торговли РК Мамытбеков Е.К., от афганской стороны – заместитель министра торговли и индустрии Шариф Шарифи.

В 2007 г. правительством РК был утвержден план мероприятий по содействию Афганистану на 2007-2008 гг. В рамках указанного плана на счет министерства финансов ИРА была перечислена сумма в размере 2 млн. 380 тыс. долл. США для реализации проектов по строительству школы в провинции Саманган, больницы в провинции Бамиан, ремонту асфальтированной дороги Кундуз-Талукан. Также предусмотрены меры по подготовке афганских кадров различных специальностей, поставкам семян, активизации взаимодействия между представителями частного сектора⁷⁵.

Кроме этого Казахстан в качестве первоочередной гуманитарной помощи осуществил поставку в Афганистан около 2 тыс. тонн продовольственной пшеницы, в апреле 2009 г. направлено сухое молоко в объеме 1,3 тыс. тонн. Общий объем товарооборота между Казахстаном и Афганистаном в 2008 г. составил 623,8 млн. долл. (экспорт – 617,1 млн., импорт – 6,7 млн.). За январь – май 2009 г. он достиг 177,6 млн. (экспорт – 176,6 млн., импорт – 1 млн.)⁷⁶.

Между Казахстаном и Афганистаном был подписан договор об основах взаимоотношений и сотрудничества и соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве. В настоящее время на рассмотрении сторон находятся проекты соглашений о сотрудничестве в сферах поощрения и взаимной защиты инвестиций, борьбы с незаконным оборотом наркотиков, предупреждения чрезвычайных ситуаций, международных автомобильных сообщений, в области образования.

Исламская Республика Пакистан признала государственную независимость Республики Казахстан 20 декабря 1991 г. Соглашение об установлении дипломатических и консульских отношений между РК и ИРП было подписано 24 февраля 1992 г. в ходе государственного визита

⁷⁵ Сайт министерства иностранных дел Республики Казахстан.
<http://portal.mfa.kz/portal/page/portal/mfa/ru/content/policy/security/afghanistan>

⁷⁶ Там же.

президента РК Н.Назарбаева в Пакистан. Официальное открытие посольства Республики Казахстан в Исламской Республике Пакистан состоялось 27 ноября 1994 г. Посольство Исламской Республики Пакистан в Казахстане функционирует с 1996 г.

24 февраля 1992 г. состоялся государственный визит президента РК Н.Назарбаева в ИРП, во время которого были подписаны основополагающие документы об установлении двусторонних отношений между РК и ИРП. 23-25 августа 1995 г. состоялся первый официальный визит в Казахстан премьер-министра ИРП Б.Бхутто. По итогам переговоров стороны приняли совместное заявление о перспективах двусторонних отношений.

Товарооборот между Казахстаном и Пакистаном по итогам 2007 г. превысил 25,5 млн. долл. (экспорт – 13,7 млн. долл., импорт - 11,8 млн. долл.). Объем взаимной торговли в январе – сентябре 2008 г. составил 29,5 млн. долл. (экспорт – 24,2 млн. долл., импорт – 5,3 млн. долл.)⁷⁷.

Казахстан оказал Пакистану гуманитарную помощь в связи с сильным землетрясением в ИРП (8 октября 2005 г.). Пакистанской стороне специальными авиарейсами было передано в общей сложности 52 тонны гуманитарного груза.

Из других крупных мусульманских стран, с которыми Казахстан поддерживает активные отношения, следует выделить Королевство Саудовской Аравии, где, как известно, расположены главные святыни ислама. В город Мекку каждый правоверный мусульманин должен хотя бы один раз в жизни совершить паломничество. Дипломатические отношения между Республикой Казахстан и Саудовской Аравией были установлены 30 апреля 1994 г. Посольство РК в Эр-Рияде открыто в мае 1996 г. Посольство КСА в РК функционирует с марта 1997 г.

⁷⁷ Сотрудничество Республики Казахстан с Исламской Республикой Пакистан. http://portal.mfa.kz/portal/page/portal/mfa/ru/content/policy/cooperation/asia_africa/07

Основы сотрудничества между РК и КСА были заложены в ходе официального визита президента РК Н.Назарбаева в Королевство в 1994 г. По итогам визита было подписано генеральное соглашение о сотрудничестве в торгово-экономической, инвестиционной, технической и культурной областях, а также в области спорта и по делам молодежи.

Дальнейшему укреплению дружеских отношений между двумя странами способствовали визиты второго заместителя премьер-министра, министра обороны и авиации, генерального инспектора КСА принца Султана бен Абдель Азиза (с 1 августа 2005 г. наследный принц) в Казахстан в 2000 г. и второй официальный визит президента РК в Саудовскую Аравию в марте 2004 г. В ходе данного визита наследному принцу Абдалле бен Абдель Азизу (нынешний король) был вручен орден «Достык» 1-й степени за личный вклад в развитие всесторонних связей между двумя государствами. В свою очередь, принц Абдалла удостоил президента РК Н.Назарбаева высшей награды Королевства – орденом «Великого Бадра»⁷⁸.

За прошедший период между двумя странами осуществлен ряд взаимных визитов на различных уровнях. КСА посетили с визитом председатель верховного суда РК К.Мами (март 2001 г.), министр обороны РК С.Токпакбаев (апрель 2002 г.), министр юстиции РК О.Жумабеков (2004 г.), делегация сената парламента РК (2004 и 2006 гг.), заместители министра иностранных дел РК А.Шакиров и Н.Ермекбаев (2005 и 2008 гг.), заместитель руководителя аппарата сената парламента РК М.Касымов (февраль 2006 г.), председатель сената парламента РК Н.Абыкаев (июнь 2006 г.), вице-министр индустрии и торговли Ж.Айтжанова (март 2006 г. и март 2009 г.), председатель комитета социально-культурного развития сената парламента РК А.Бижанов (март 2008 г.), вице-спикер сената

⁷⁸ Назарбаев стал "Великим героем" Аравии и готовится к обряду малого хаджа в Мекке. Казинформ. 3 марта 2004 г. <http://din-islam.ru/publ/6-1-0-228>

парламента М.Копей (июнь 2008 г.), вице-министр энергетики и минеральных ресурсов Б.Акчулаков (июнь 2008 г.), заместитель председателя Ассамблеи народа Казахстана Е.Тогжанов (октябрь 2008 г.), специальный посланник президента РК – депутат сената парламента РК А.Ахметов (апрель 2009 г.)⁷⁹.

В Казахстане с визитами находились министр юстиции КСА, а затем в качестве председателя совета шуры шейх Абдалла Аль аш-Шейх (2002, 2008 и 2009 гг.), делегация саудовских предпринимателей во главе с председателем совета торгово-промышленных палат КСА (июнь 2004 г.), государственный министр по делам консультативного совета КСА Саад аль-Мадхами (январь 2006 г.), председатель консультативного совета КСА шейх Салех бен Абдалла бен Хумейд (сентябрь 2006 г.), министр торговли и индустрии Хашим аль-Ямани (октябрь 2006 г.), министр по делам религии, вакуфов и исламского призыва Шейх Салех бен Мухаммад бен Ибрахим Аль Аш-Шейх (ноябрь 2007 г.) и государственный министр по иностранным делам Низар Мадани (октябрь 2008 г.), министр экономики и планирования Х.аль-Кусейби (март, 2009 г.)⁸⁰.

По данным Агентства РК по статистике, товарооборот между РК и КСА в 2008 г. составил 68,52 млн. долл. США, из них экспорт – 65,87 млн. долл., импорт – 2,65 млн. долл. Королевство также принимало активное участие в развитии инфраструктуры Казахстана, выделяя гранты для реализации таких проектов, как кардиоцентр в г.Астане – 12 млн. долл., военная школа – 1 млн. долл., автомобильная дорога Осакаровка-Вишневка – 12 млн. долл., строительство мечети в г.Петропавловск – 2 млн. долл., строительство и оснащение здания сената парламента РК – более 15 млн. долл. США. В настоящее время в университетах Саудовской Аравии проходят обучение 71 граждан РК. Ежегодно около 4 тысяч

⁷⁹ Министерство иностранных дел республики Казахстан. Сотрудничество со странами Азии и Африки - http://portal.mfa.kz/portal/page/portal/mfa/ru/content/policy/cooperation/asia_africa

⁸⁰ Там же.

казахстанцев приезжают в города Мекка и Медина для совершения Хаджа и Умры.

Дипломатические отношения между Республикой Казахстан и другим лидером арабского мира – Арабской Республикой Египет – были установлены 6 марта 1992 г. Посольство РК в АРЕ открылось в апреле 1993 г., а посольство АРЕ в РК функционирует с августа 1992 г.

Важнейшим событием в истории казахстанско-египетских отношений явился первый официальный визит президента РК Н.Назарбаева в феврале 1993 г. в АРЕ, определивший характер взаимодействия двух стран по всему спектру двустороннего сотрудничества.

Состоявшиеся в марте 2007 г. официальный визит президента РК Н.Назарбаева в Египет и первый официальный визит президента АРЕ Х.Мубарака в ноябре 2006 г. в Астану придали мощный импульс дальнейшему укреплению и развитию сотрудничества между Казахстаном и Египтом во всех сферах.

За прошедшие годы стороны обменялись многочисленными взаимными визитами на различных уровнях, главными из которых являются визиты в АРЕ председателей сената и мажилиса парламента РК, министров иностранных дел, культуры и информации; сельского хозяйства; индустрии и торговли; акимов Астаны, Алматы, Кокшетауской и Жамбылской областей, председателя верховного суда, главного муфтия, председателя торгово-промышленной палаты РК и т.д. Казахстан посетили министр по делам вакуфов (трижды), министр планирования и международного сотрудничества, заместители министра иностранных дел и др. Проведено пять раундов политических консультаций между МИДами двух стран.

Между Казахстаном и Египтом проводятся заседания совместной межправительственной комиссии. Был проведен ряд встреч – два

заседания в Каире (май 1995 г., декабрь 2003 г.) и два заседания в Астане (июнь 2001 г., февраль 2007г.). Пятое заседание Казахстанско-египетской МПК прошло в г.Каире в 2009 г.

Товарооборот между РК и АРЕ в 2008 г. составил 253,8 млн. долл. США, из которых экспорт – 239,6 млн. долл., а импорт – 14,1 млн. долл. За период с января по май 2009 г. объем взаимной торговли достиг 10 млн. 795,2 тыс. долл. (экспорт – 5 млн. 911,0 тыс. долл., импорт – 4 млн. 884,2 тыс. долл.)⁸¹.

Договорно-правовая база казахстанско-египетских отношений представлена более 30 двусторонними документами.

Важное значение придает Казахстан отношениям с небольшими, но являющимися крупными экспортерами нефти арабскими государствами Персидского залива. С Государством Кувейт дипломатические отношения КР установила 11 января 1993 года. Основы сотрудничества между двумя странами были заложены во время официального визита президента РК Н.Назарбаева в Государство Кувейт 31 августа – 1 сентября 1997 г. По итогам визита были подписаны соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций, а также меморандум о консультациях между министерствами иностранных дел двух стран.

Между двумя странами осуществлен ряд взаимных визитов на различных уровнях: министра иностранных дел РК К.Токаева (май 1997 г.), акима г.Астаны О.Шукеева (март 2005 г.), заместителя министра иностранных дел Н.Ермекбаева (февраль 2008 г.), председателя счетного комитета по контролю за исполнением республиканского бюджета РК О.Оксикбаева (май 2008 г.), министра туризма и спорта Т.Досмухамбетова (март 2009 г.).

⁸¹ <http://www.iimp.kz/Lists/articles/DispForm.aspx?ID=1017>

В Казахстане с визитами находились вице-премьер Кувейта (1992 г.), делегация Кувейтского фонда арабского экономического развития (1997 – 1999 гг.), делегация Кувейтской национальной ассамблеи (парламента) (октябрь 2002 г.), руководитель администрации эмира Кувейта шейх Насер Сабах аль-Ахмед ас-Сабах (март 2008 г.). В мае 2007 г. Астану посетил министр национальной безопасности Государства Кувейт, президент олимпийского совета Азии (ОСА) шейх Ахмед аль-Фахд ас-Сабах, который вручил президенту Н.Назарбаеву высшую награду ОСА за поддержку развития спорта на Азиатском континенте путем проведения в 2011 году в гг. Астана и Алматы VII зимних Азиатских игр.

29 апреля – 1 мая 2008 г. состоялся визит министра энергетики и минеральных ресурсов РК С.Мынбаева в Кувейт для участия в работе 4-го Исламского экономического форума под названием «Исламские страны как партнеры в международном развитии».

В октябре 2008 г. кувейтская делегация во главе с заместителем премьер-министра – министром иностранных дел шейхом Мухаммедом ас-Сабахом посетила Астану для участия в конференции министров иностранных дел мусульманских и западных стран «Общий мир: прогресс через разнообразие», а также 7-ой министерской встречи стран-членов Диалога по сотрудничеству в Азии. 3-5 ноября 2008 г. в Астане состоялось 1-е заседание совместной Казахстанско-кувейтской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и культурно-гуманитарному сотрудничеству. За счет финансовых средств Кувейтского фонда арабского экономического развития было построено здание Акимата г.Астаны (в настоящее время министерства сельского хозяйства). Товарооборот между Республикой Казахстан и Государством Кувейт в 2008 г. составил 92,8 тыс. долл. США., из них экспорт – 4,3 тыс. долл., импорт – 88,5 тыс. долл.

Другим крупным арабским экспортером нефти, с которым у Казахстана сложились активные отношения, являются Объединенные

Арабские Эмираты, дипломатические отношения с которыми Казахстан установил 1 сентября 1992 года. Посольство Республики Казахстан в ОАЭ открылось в сентябре 2006 г. Генеральное консульство РК в Дубае функционирует с 1997 года. Открытие Посольства ОАЭ в г.Астане состоялось в октябре 2005 года.

Прочный фундамент двусторонних отношений был заложен в результате официальных и рабочих визитов президента РК Н.Назарбаева в ОАЭ в 1998, 2000, 2004, 2005 и 2006 гг., а также визита наследного принца Абу Даби шейха Халифы бен Заида Аль Нахаяна (с ноября 2004 г. президент ОАЭ) в Казахстан в 2002 г.

В ходе визита президента РК Н.Назарбаева в ОАЭ (13-19 февраля 2006 г.) стороны подписали план действий «Республика Казахстан – Объединенные Арабские Эмираты». План действий предусматривает строительство алюминиевого и фармацевтических заводов, нефтехимического комплекса, медицинских центров, развитие золоторудной промышленности, транспортной сети в Казахстане, инфраструктуры г.Астаны. За прошедший период между двумя странами осуществлен ряд взаимных визитов на различных уровнях. ОАЭ посетил с визитом заместитель премьер-министра РК К.Масимов (сентябрь 2006 г.)⁸².

В Казахстане с частным визитом находился президент ОАЭ шейх Халифа бен Заидом Аль Нахаян (октябрь 2006 г.). В период 11-13 декабря 2004 г. в Абу Даби под председательством заместителя премьер-министра РК А.Есимова и заместителя премьер-министра, государственного министра по иностранным делам ОАЭ шейха Хамдана бен Заид Аль Нахаяна состоялось первое заседание Межправительственной казахстанско-эмиратской совместной комиссии. В период 24-25 апреля 2007 г. в Астане состоялось второе заседание Межправительственной

⁸² Состоялся рабочий визит Премьер-Министра Республики Казахстан Карима Масимова в Объединённые Арабские Эмираты. <http://ru.government.kz/site/news/2008/02/58>

казахстанско-эмиратской совместной комиссии. Казахскую часть комиссии возглавил министр туризма и спорта РК Т.Досмухамбетов, эмиратскую часть – министр культуры, молодежи и развития общества ОАЭ Абдурахман аль-Уейс. По итогам работы Комиссий были подписаны соответствующие протоколы.

Из других арабских государств Персидского залива, с которыми у Казахстана успешно развиваются отношения, следует отметить Катар, Бахрейн и Оман.

Дипломатические отношения между Республикой Казахстан и Государством Катар (ГК) были установлены 1 июля 1993 г. Прочный фундамент двусторонних отношений был заложен во время официального визита президента РК Н.Назарбаева в Катар (май 1998 г.) в рамках турне по странам Персидского залива и ответного визита эмира Катара шейха Хамада бен Халифы аль-Тани в Астану (апрель 1999 г.). Второй официальный визит президента РК Н.Назарбаева в Государство Катар 10-11 марта 2007 г. придал дополнительный импульс дальнейшему развитию отношений во всех сферах, включая нефть и газ, образование, здравоохранение, сельское хозяйство, туризм и спорт.

За прошедший период между двумя странами осуществлен ряд взаимных визитов на различных уровнях: визит министра иностранных дел РК К.Токаева в Катар (май 1997 г.), участие министра иностранных дел РК К.Токаева в 25-ой Конференции министров иностранных дел стран-членов ОИК в Дохе (март 1998 г.), участие министра иностранных дел Е.Идрисова в работе IX саммита глав государств-членов ОИК в Дохе (ноябрь 2000 г.), участие вице-министра культуры, информации и общественного согласия РК А.Досжана в работе 3-ей Конференции министров культуры стран-членов ОИК в Дохе (декабрь 2001 г.), участие министра иностранных дел РК К.Токаева в 5-ом заседании министров иностранных дел стран-членов АДС в Дохе (май 2006 г.), участие министра энергетики и минеральных

ресурсов РК Б.Измухамбетова в 10-ой министерской встрече Международного энергетического форума в Дохе (апрель 2006 г.), участие министра туризма и спорта РК Т.Досмуханбетова в церемонии открытия 15-х Азиатских игр в Дохе (декабрь 2006 г.)⁸³.

Товарооборот между Республикой Казахстан и Государством Катар за январь-май 2007 г. составил 669,5 тыс. долл. США, в т.ч. экспорт – 13,2 тыс. долл. США, а импорт – 656,3 тыс. долл. США.

В марте 2002 г. были успешно проведены Дни культуры Казахстана в Катаре. Государство Катар предоставило Казахстану безвозмездную финансовую помощь для строительства исламского культурного центра «НурАстана». В марте 2005 г. состоялась церемония инаугурации исламского культурного центра «НурАстана». В церемонии приняли участие президент Республики Казахстан и специальный посланник эмира Катара.

Договорно-правовая база казахстанско-катарских отношений основана на 5 двусторонних документах.

Дипломатические отношения между Республикой Казахстан и Королевством Бахрейн (до 14 февраля 2002 года Государство Бахрейн) установлены 28 мая 1992 г. 2 марта 2009 г. указом главы государства посол Республики Казахстан в КСА К. Лама Шариф назначен послом Республики Казахстан в Королевстве Бахрейн по совместительству.

Значительным событием в казахстанско-бахрейнских отношениях стал официальный визит президента РК Н.Назарбаева в Бахрейн, состоявшийся в сентябре 1997 г., в ходе которого были парафированы соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве, а также о поощрении и взаимной поддержке инвестиций между РК и Королевством Бахрейн. В мае 2007 г. делегация Казахстана в составе представителей различных министерств и органов РК провела встречи с руководством

⁸³ Информационный портал www.zakon.kz

министерств иностранных дел, индустрии и торговли, центрального банка, ТПП Бахрейна, в ходе которых были обсуждены сроки осуществления официальных визитов в РК короля и главы внешнеполитического ведомства КБ, возможность подписания протокола о проведении межмидовских консультаций и соглашения между ТПП КБ и НЭП «Союз «Атамекен» о создании Казахстанско-бахрейнского делового совета.

Бахрейнская делегация во главе с государственным министром по иностранным делам д-ром Низаром аль-Бахарна участвовала в 7-ом заседании министров иностранных дел Диалога сотрудничества в Азии и Конференции министров иностранных дел мусульманских и западных стран «Общий мир: прогресс через разнообразие», которые состоялись 16-17 октября 2008 г. в Астане⁸⁴. Необходимо отметить, что в настоящее время ведется работа по созданию совместного инфраструктурного фонда «Ithmaar Kazyna CIS Regional Energy Fund».

По данным Агентства РК по статистике, товарооборот между РК и КБ за январь-июль 2009 г. достиг 1 млн.76 тыс.долл. (только импорт).

Договорно-правовая база двух государств представлена только подписанным в 1992 г. совместным коммюнике об установлении дипломатических отношений.

Дипломатические отношения между Республикой Казахстан и Султанатом Оман были установлены 27 апреля 1992 г. Посольство Омана в Астане открыто в августе 2006 г. Официальные контакты между Казахстаном и Оманом начались с интенсивного обмена визитами на высоком уровне. В начале 1992 г. глава правительства РК С.Терещенко совершил визит в Маскат, в том же году в Омане побывал заместитель премьер-министра РК К.Абдуллаев⁸⁵.

⁸⁴ Сотрудничество Республики Казахстан с Королевством Бахрейн. Министерство иностранных дел РК. http://portal.mfa.kz/portal/page/portal/mfa/ru/content/policy/cooperation/asia_africa/20

⁸⁵ <http://portal.mfa.kz>

Султанат Оман является одним из первых зарубежных государств, установивших с Казахстаном сотрудничество по проекту Каспийского трубопроводного консорциума.

В июне 1992 г. было подписано межправительственное соглашение между Республикой Казахстан и Султанатом Оман о создании консорциума по строительству нефтепровода от Каспийского моря до Черного моря (Каспийский трубопроводный консорциум). В апреле 1993 г. по приглашению правительства РК Алматы посетила правительственная делегация Султаната Оман во главе с заместителем премьер-министра по экономическим и финансовым вопросам Кейсом бен Абдель Муни аль-Завави. В ходе визита было подписано соглашение «О геологоразведке и разделе добычи в Атырауской области»⁸⁶.

Значительным событием в двухсторонних отношениях стал первый официальный визит Н.Назарбаева в Оман в сентябре 1997 г. В ходе визита глава государства провел переговоры с султаном Кабусом бен Саидом. Были подписаны основополагающие соглашения – совместный меморандум о взаимопонимании между Султанатом Оман и Республикой Казахстан и протокол о консультациях между министерствами иностранных дел.

24-27 сентября 1998 г. в Алматы находился с визитом министр национальной экономики, заместитель председателя Совета по делам финансов и энергетических ресурсов Омана Ахмад бен Абдель Наби Макки. Он был принят президентом РК Н.Назарбаевым, премьер-министром РК Н.Балгимбаевым. 4-6 сентября 2004 г. состоялся визит государственного министра Султаната Оман по иностранным делам Юсефа бен Алауи в Астану. Оманский министр был принят президентом Н.Назарбаевым, провел переговоры с министром иностранных дел К.Токаевым, встретился с акимом г.Астаны О.Шукеевым. 14 декабря 2005

⁸⁶ Там же.

г. во время визита министра нефти и газа Омана М.ар-Румхи в Астану было подписано соглашение между правительством РК и правительством Султаната Оман о разделе продукции. Оманский министр был принят президентом РК Н.Назарбаевым, провел переговоры в МЭМР РК⁸⁷.

15-16 марта 2008 г. состоялся второй официальный визит президента РК Н.Назарбаева в Маскат, в ходе которого были подписаны: совместный меморандум об освобождении владельцев дипломатических паспортов от визовых требований между Султанатом Оман и Республикой Казахстан, меморандум о сотрудничестве в области образования и науки между Султанатом Оман и Республикой Казахстан и соглашение о сотрудничестве между Торгово-промышленной палатой Республики Казахстан и Оманской торгово-промышленной палатой. На средства Султаната Оман в размере 10 млн. долл. был построен дворец «Салтанат Сарайы» в Астане.

По данным Агентства РК по статистике, товарооборот между Республикой Казахстан и Султанатом Оман в 2008 г. составил 32,5 млн. долл., из них экспорт - 17 млн. долл., импорт – 15,5 млн. долл.

Арабской мусульманской страной, которая не только являлась одним из ведущих мировых экспортеров нефти, но и претендовала на лидерские позиции в арабском мире, является Ливия. Дипломатические отношения между Республикой Казахстан и Ливией были установлены 13 марта 1992 г. Народное бюро Ливии (посольство) открылось в Казахстане в 1992 г. Дипломатическая миссия РК в Ливии функционирует с июля 2003 г.

Значительный импульс расширению двусторонних отношений придал визит первого заместителя министра иностранных дел Ливии Саада Мустафы Мужбира в РК 7-10 ноября 2000 г. В рамках визита ливийский дипломат был принят президентом РК Н.Назарбаевым, в ходе которой он

⁸⁷ Там же.

вручил послание ливийского лидера Муаммара Каддафи, выражавшее стремление к развитию двустороннего сотрудничества во всех сферах.

За прошедшие годы стороны обменялись визитами на различных уровнях, такими как визит парламентской делегации во главе с заместителем председателя мажлиса М.Копеем в Ливию (ноябрь 2002 г.), делегации МИД Ливии в Астану, принимавшей участие в церемонии инаугурации президента РК Н.Назарбаева (январь 2006 г.), делегации АО «КазМунайГаз», посетившей Ливию в целях налаживания и активизации сотрудничества между двумя странами в области нефтегазовой промышленности (июня 2004 г.) и др. Ливия является постоянным участником Съездов лидеров мировых и традиционных религий (2003 и 2006 гг.). В работе конференции «Общий мир: Прогресс через разнообразие», состоявшейся 17 октября 2008 г. принял участие секретарь (министр) Всенародного комитета внешних связей и международного сотрудничества Ливии Абдурахман Мухаммад Шалкам.

В 1992 г. состоялся визит в Казахстан министра финансов Ливии, в ходе которого было подписано соглашение о создании Совместной казахстанско-ливийской межправительственной комиссии. Проведены два заседания Совместной казахстанско-ливийской межправительственной комиссии, в Триполи (январь 2003 г.) и Астане (ноябрь 2007 г.).

Объем двустороннего товарооборота в 2008 г. составил 2 млн. 752,6 тыс. долл. За период с января по май 2009 г. объем взаимной торговли достиг 3 млн. 714,7 тыс. долл. США (в основном, экспорт из Казахстана)⁸⁸.

Дипломатические отношения между Республикой Казахстан и Королевством Марокко установлены 28 мая 1992 г. Взаимоотношения Казахстана с Марокко в настоящее время курирует посольство РК в Египте. В ноябре 2006 г. посол Марокко в России Нуреддин Сефиани вручил верительные грамоты в качестве посла Марокко в Казахстане по

⁸⁸ Там же.

совместительству. Первые политические контакты между двумя странами начались с визита делегации МИД Марокко во главе с заместителем министра иностранных дел Королевства Абдель Латифом Мулином в период с 26 по 28 мая 1992 г.

За прошедшие годы Марокко посетили делегация во главе с вице-президентом РК Е.Асанбаевым, принявшая участие в работе 7-го саммита глав государств-членов Организации исламская конференция в г.Касабланка (декабрь 1994 г.), делегация МИД РК для участия в работе VII международной конференции по проблемам изменения климата, проходившей в г.Мараккеш (октябрь 2001 г.), делегация во главе с вице-министром индустрии и торговли РК А.Баталовым (июль 2007 г.) и др.

Состоялись визиты в Казахстан специального посланника короля Марокко – министра сельского хозяйства, сельского развития и рыбного промысла Марокко Муханнада Лаэнсера (август 2006 г.), а также министра энергетики и горнорудной промышленности Королевства Марокко М.Буталеба (июнь 2007 г.).

В ходе указанных визитов были обсуждены вопросы дальнейшего развития двустороннего сотрудничества в различных областях, в частности, активизации взаимной торговли между двумя странами, взаимного привлечения инвестиций, углубления культурно-гуманитарных связей, расширения договорно-правовой базы между двумя странами, а также возможность поставки казахстанского зерна в Марокко.

По информации Агентства РК по статистике, в 2008 г. объем торговли между Казахстаном и Марокко существенно вырос и достиг 59 млн. 708,5 тыс. долл. США (в основном, экспорт из Казахстана). За январь-май 2009 г. этот показатель достиг 1 млн. 500 тыс. долл. США.

Сравнительно активные отношения установились между Казахстаном и сравнительно небольшими арабскими государствами

Ближнего Востока, которые объединяет то, что они соседствуют с Израилем – Иорданией, Сирией и Ливаном.

Дипломатические отношения между Республикой Казахстан и Иорданским Хашимитским Королевством установлены 8 февраля 1993 г. Посольство РК в ИХК открыто в июле 2007 г. Посольство ИХК в РК функционирует с апреля 2007 г.

Основа двусторонних политических контактов была заложена в ходе официального визита в Казахстан 8-10 февраля 1993 г. правительственной делегации Иордании во главе с главным камергером, принцем Раадом бен Зейдом.

Важную роль в развитии казахстанско-иорданских двусторонних отношений сыграли тесные дружеские отношения, сложившиеся между лидерами двух стран. Частые политические контакты на высшем уровне между Казахстаном и Иорданией придали мощный импульс расширению и укреплению казахстанско-иорданского взаимодействия во всех сферах.

Первый официальный визит президента РК Н.Назарбаева в Иорданию состоялся 29-30 ноября 2006 г., иорданский король Абдалла II посетил Казахстан с официальным визитом дважды – в ноябре 2005 г. и августе 2007 г., а также участвовал в качестве почетного гостя в торжественных мероприятиях празднования 10-летия Астаны 5-6 июля 2008 г.

25-26 августа 2008 г. в целях участия в третьей встрече министров иностранных дел СВМДА Казахстан посетил министр иностранных дел Иордании С. аль-Башир. В рамках данного визита состоялась церемония вступления Иордании в СВМДА в качестве полноправного члена, а также был проведен 1-й раунд Казахстанско-иорданских межмидовских консультаций, в ходе которых стороны обсудили перспективы расширения отношений между двумя странами во всех сферах и обменялись мнениями по наиболее актуальным проблемам современности.

17 октября 2008 г. в целях участия в конференции министров иностранных дел мусульманских и западных стран «Общий мир: Прогресс через разнообразие» Казахстан посетил министр политического развития – государственный министр по делам законодательства Иордании К.Насер.

В целях активизации экономического взаимодействия двух стран в ноябре 2006 г. Казахстан с официальным визитом посетил премьер-министр, министр обороны Иордании М.аль-Бахит, которого сопровождали 5 ключевых членов иорданского правительства. Визит позволил определить наиболее перспективные и взаимовыгодные направления казахстанско-иорданского торгово-экономического сотрудничества. 21-22 февраля 2009 г. состоялся рабочий визит премьер-министра РК К.Масимова в Амман. В ходе визита глава правительства РК встретился с королем Иордании Абдаллой II и премьер-министром ИХК Надером аль-Дахаби.

Состоялось четыре заседания Казахстанско-иорданской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и культурно гуманитарному сотрудничеству (МПК): два заседания в Аммане (2006 и 2009 гг.), два – в Астане (2007 и 2010 гг.).

По данным Агентства РК по статистике, в 2008 г. товарооборот между Казахстаном и Иорданией составил 75,0 млн. долл. (экспорт – 74,1 млн., импорт – 0,9 млн. долл.). За период с января по май 2009 г. объем взаимной торговли достиг 13 млн. 806,7 тыс. долл. (экспорт – 13 млн. 616,6 тыс. долл., импорт – 190,2 тыс. долл.). Казахстан и Иордания подписали 11 межправительственных и 2 межведомственных соглашения.

Дипломатические отношения между Республикой Казахстан и Сирийской Арабской Республикой установлены 26 марта 1992 г. Взаимоотношения Казахстана с Сирией в настоящее время курирует посольство РК в Египте. С апреля 2007 г. в г.Дамаске функционирует консульство Казахстана.

В ноябре 2007 г. состоялся первый визит президента РК Н.Назарбаева в Дамаск, придавший значительный импульс активизации сотрудничества между двумя странами во всех сферах. По итогам визита были подписаны декларация о политических консультациях между МИД РК и МИД САР, соглашение между правительствами РК и САР о сотрудничестве в области образования и науки, меморандумы о взаимопонимании между министерствами сельского хозяйства РК и САР, а также об установлении партнерских отношений между столицей Республики Казахстан – Астаной и столицей САР – Дамаском. В рамках данного визита также состоялось первое заседание Казахстанско-сирийского делового совета.

За прошедшие годы Сирию посетили председатель мажилиса парламента РК Ж.Туякбай (июнь 2004 г.), министр культуры, информации и общественного согласия РК М.Кул-Мухаммед (май 2003 г.), министр культуры и информации РК Е.Ертысбаев (июнь 2006 г.), министр индустрии и торговли РК Г.Оразбаков (июль 2007 г.) и др.

Особое место во взаимодействии двух стран в культурной сфере занимает тема исторического наследия выдающихся сынов казахской степи – ученого и мыслителя Абу Насра Аль-Фараби и правителя Египта и Сирии в XIII веке Султана Захера Бейбарса, захороненных в Дамаске.

В октябре 2007 г. правительства РК и САР подписали соглашение между правительством РК и правительством САР о сотрудничестве в строительстве историко-культурного центра и мавзолея Аль-Фараби и реставрации мавзолея Султана Аз-Захера Бейбарса в городе Дамаске, согласно которому правительство РК выделило сумму в размере 29,6 млн. тенге на строительство историко-культурного центра и мавзолея Аль-Фараби, а также 54,2 млн. тенге на реставрацию мавзолея Султана Аз-Захир Бейбарса в Дамаске.

Товарооборот между двумя странами в 2008 г. составил 33 млн. 308,2 тыс. долл. США. За период с января по май 2009 г. объем взаимной торговли достиг 5,435 млн. долл. (в основном, казахстанский экспорт).

Дипломатические отношения Казахстана с Ливанской Республикой были установлены 20 апреля 1993 г. Дипломатическая миссия РК в Бейруте функционирует с июня 2003 г.

В сентябре 1997 г. Казахстан посетила делегация ливанской ассоциации промышленников и представители компании «Ал-Мабани». В июне 1998 г. Казахстан посетила делегация ливанских бизнесменов, которая провела встречи в государственном комитете по инвестициям, министерствах энергетики, индустрии и торговли; транспорта и коммуникаций; сельского хозяйства, а также ННК «Казахойл», агентстве по поддержке малого и среднего предпринимательства, акиматах Астаны и Алматы, торгово-промышленной палате, союзе промышленников и предпринимателей РК.

27-28 августа 2003 г. состоялся официальный визит премьер-министра Ливана Р. аль-Харири в Казахстан, который был принят президентом РК Н.Назарбаевым, а также провел переговоры с председателем мажилиса парламента, премьер-министром и министром иностранных дел РК. По итогам визита премьер-министры двух стран подписали декларацию о взаимопонимании между Казахстаном и Ливаном. Данный документ закрепил намерение сторон развивать двусторонние политические отношения, а также сотрудничество в социально-экономической и гуманитарно-культурной сферах. Декларация также предусматривает создание Совместной казахстанско-ливанской межправительственной комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурно-гуманитарному сотрудничеству, расширение контактов в области образования путем обмена студентами и преподавателями высших учебных заведений.

В июне 2004 г. Ливан посетила парламентская делегация РК во главе с председателем мажилиса парламента РК. В ходе визита спикер мажилиса провел встречи с президентом Ливана Э.Лахудом, премьер-министром Р.аль-Харири, председателем парламента Н.Берри и министром иностранных дел Ж.Обейдом.

На казахстанском рынке на данный момент успешно работает ряд ливанских компаний. Товарооборот между Казахстаном и Ливаном за 2007г. был отмечен на уровне 12,86 млн. долл. США, в основном экспорт из Казахстана. В 2008г. объем взаимной торговли между двумя странами достиг 19,8 млн. долл. США (казахский экспорт – 18,9 млн. долл., казахский импорт – 992 тыс. долл.).

Из мусульманских стран в других регионах выделяются казахстанско-малайзийские отношения. Дипломатические отношения между Республикой Казахстан и Малайзией были установлены 16 марта 1992 г. С 1996 г. в г.Куала-Лумпуре функционирует посольство Республики Казахстан. Посольство Малайзии в Казахстане учреждено в декабре 1996 года.

25-29 мая 1996 г. состоялся официальный визит президента РК Н.Назарбаева в Малайзию, по итогам которого были подписаны межправительственные соглашения о торговом сотрудничестве, о поощрении и взаимной защите инвестиций, об экономическом, научном и техническом сотрудничестве. 18-20 июля 1996 г. состоялся ответный визит премьер-министра Малайзии М.Мохамеда в Казахстан. Были подписаны соглашения о воздушном сообщении и о сотрудничестве между национальными банками, а также принято итоговое совместное заявление.

В феврале 2001 г. в ходе частного визита в Малайзию президент РК Н.Назарбаев провел встречу с премьер-министром М.Мохамедом.

11-14 сентября 2003 г. Казахстан с государственным визитом посетил верховный правитель Малайзии Туанку Саид Сираджуддин. Малайзийский

монарх провел переговоры с руководством республики. Королю было присвоено звание почетного профессора Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилева.

17-21 мая 2006 г. состоялся ответный официальный визит в Казахстан спикера палаты представителей парламента Малайзии Рамли бин Нгах Талибом. В ходе визита малайзийский спикер встретился с руководителями обеих палат казахстанского парламента, акимами городов Астана и Алматы, а также совершил ознакомительную поездку по южно-казахстанской области.

Прорывным этапом в истории казахстанско-малайзийских отношений стал состоявшийся 25-29 июня 2006 г. государственный визит президента РК Н.А.Назарбаева в Малайзию. По итогам визита было подписано межправительственное соглашение об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал, а также пакет бизнес-соглашений в сфере информационных технологий, финансов и строительства.

В рамках расширения договорно-правовой базы двусторонних отношений в настоящее время на рассмотрении сторон находится ряд проектов межправительственных документов: соглашение о сотрудничестве в области образования; меморандум (протокол) о сотрудничестве в области туризма; соглашение (меморандум) о сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и прекурсоров, терроризмом и иными видами преступлений, соглашение о частичной отмене визовых требований.

Говоря об отношениях Казахстана с исламским миром, нельзя обойти вниманием многосторонний формат таких отношений. Помимо вышеупомянутого взаимодействия в рамках Организации исламская конференция, в которую Казахстан вступил вместе с остальными

центрально-азиатскими государствами вскоре после обретения государственной независимости, он выступил инициатором еще одного многостороннего форума. Строго говоря, он не является исключительно мусульманским, но, тем не менее, служит хорошей платформой для контактов и обсуждения актуальных вопросов и между Казахстаном и другими государствами ЦА, с одной стороны, и другими мусульманскими странами – с другой. Речь идет о Съезде лидеров мировых и традиционных религий. Первый Съезд лидеров мировых и традиционных религий состоялся по инициативе президента РК Н.А.Назарбаева в Астане 23-24 сентября 2003 г. В его работе приняли участие наиболее авторитетные представители ислама, христианства, иудаизма, синтоизма, индуизма и буддизма. В качестве почетных гостей в работе форума приняли участие известные политики, такие как министр юстиции – спецпредставитель короля Саудовской Аравии А.Аль Аш-Шейх, Министр вакуфов – спецпредставитель президента Египта М.Закзук, экс-премьер-министр Японии Ц.Хата, специальный представитель Генерального Секретаря ООН В.Сотиров⁸⁹.

Ислам представляли делегации во главе с высшими деятелями мусульманского духовенства: генеральный секретарь Всемирной исламской лиги шейх Абдалла бен Абдель Мухсин Ат-Турки (Саудовская Аравия), верховный имам университета «Аль-Азхар» шейх Мухаммад Саид Аль-Тантауи (Египет), президент индийской мусульманской организации «Джамаат-у-Шабаб-е-Ислам» Салман Аль-Хусайни Аль-Надви, председатель Комитета по исламской юриспруденции и праву Исламской Республики Иран Мехди Могаддам, вице-президент международного исламского университета Исламской Республики

⁸⁹ См. подробнее: Министерство иностранных дел Республики Казахстан. Съезд лидеров мировых религий - <http://portal.mfa.kz/portal/page/portal/mfa/ru/content/policy/issues/congress>

Пакистан Махмуд Ахмад Гази, председатель Духовного управления мусульман Казахстана главный муфтий Абсаттар Дербисали.

12-13 сентября 2006 г. в Астане состоялся II Съезд лидеров мировых и традиционных религий под председательством президента Республики Казахстан Н.Назарбаева. Съезд проходил в новом, специально построенном к проведению форума здании «Дворца мира и согласия». В адрес Съезда поступили приветственные послания от различных глав государств и международных организаций.

Ислам на Съезде был представлен делегациями во главе с высшими деятелями духовенства: верховным имамом Аль-Азхара Мухаммадом Саид Тантауи (Египет), генеральным секретарем Всемирной исламской лиги Абдаллой бен Абдел Мохсен Ат-Турки (Саудовская Аравия), президентом мусульманской организации «Джамаат-у-Шабаб-е-Ислам» Салманом Аль-Хусайни Аль-Надви (Индия), экс-президентом международного исламского университета Пакистана Махмудом Ахмад Гази (Пакистан), членом Высшего культурного совета ИРИ Али Акбар Садики Рашадом (Иран), советником генерального секретаря Всемирной ассоциации исламского призыва Агели Фархат Альмери (Ливия), верховным муфтием Казахстана Абсаттаром кажы Дербисали⁹⁰.

3.2. Узбекистан

Другой региональный лидер Центральноазиатского региона – **Узбекистан** – также проводит активную внешнюю политику, в т.ч. и политику развития отношений с мусульманскими странами. Общая конфигурация его отношений с ними практически сходна с той, которая сложилась у Казахстана.

⁹⁰ Там же.

Узбекистан с первых лет независимости провозгласил сотрудничество со странами Среднего и Ближнего Востока в качестве одного из приоритетов своей внешней политики. В Ташкенте осуществляют свою деятельность 13 диппредставительств стран Среднего и Ближнего Востока. Узбекистан поддерживает довольно активные отношения с такими странами как ОАЭ, КСА, Кувейт, Египет, Бахрейн, Оман, Катар и Иордания, а из неарабских мусульманских стран – с Пакистаном⁹¹. Кабинетом министров Республики Узбекистан утвержден «План мероприятий по дальнейшему развитию сотрудничества между Узбекистаном и арабскими странами на ближайшую перспективу».

Политический диалог между странами поддерживается на различных уровнях, в том числе на высшем. Состоялись официальные визиты президента РУ И.Каримова в КСА (11-14 апрель 1992г.), ОАЭ (17-18 март 2008г.), Государство Кувейт (19-20 январь 2004г.), Султанат Оман (4-5 октября 2009г.), Египет (15-17 декабря 1992г., 17-19 апреля 2007г.) и Пакистан (август 1992г., май 2006г.).

За годы независимости в Республику Узбекистан состоялись визиты на высшем уровне делегаций Пакистана (март 2005г.), Афганистана (март 2002г.), Кувейта (июль 2008г.) и ОАЭ (октябрь 2007г.). Кроме того, Узбекистан посещали с официальными визитами министры финансов и экономики Саудовской Аравии (июнь 2009г.), ОАЭ (июнь 2009г.), Бахрейна (июнь 2009г.), Омана (апрель 2009г.) и некоторых других мусульманских стран.

Узбекистан активно развивает свои отношения со странами арабского и мусульманского мира в рамках международных и региональных организаций, таких как Организация исламская

⁹¹ Официальный вебсайт Министерства иностранных дел Республики Узбекистан - http://mfa.uz/rus/mej_sotr/uzbekistan_i_strani_mira/uzbekistan_strani_azii_i_afriki/

конференция (ОИК) и ее структурные подразделения и Лига арабских государств (ЛАГ).

Проводится постоянная работа по привлечению мусульманских стран к участию в реализации мероприятий, предусмотренных указами и постановлениями президента Республики Узбекистан, в т.ч. государственной программы «Год развития и благоустройства села», программы мероприятий, посвященных подготовке и проведению празднования 2200-летия города Ташкента, музыкального фестиваля «Шарк тароналари», а также по доведению внешнеполитических инициатив Узбекистана до политических, деловых, научных кругов и общественности стран Среднего и Ближнего Востока.

На постоянной основе проводятся межмидовские политконсультации с Пакистаном, Египтом и Кувейтом⁹².

Значительные усилия приложены для интенсификации двухстороннего торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества со странами Среднего и Ближнего Востока. На сегодняшний день созданы межправительственные комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству с 8 странами данного региона.

Товарооборот со странами Среднего и Ближнего Востока и Африки в 2007 г. составил 1150,9 млн. долл., в 2008г. – 1390,7 млн. долл. Положительный рост составил 239,8 млн. долл.

Из неарабских мусульманских стран, не относящихся к региону Ближнего и Среднего Востока, с которыми у Узбекистана установились довольно прочные отношения, следует отметить Республику Индонезию. Республика Индонезия признала независимость Республики Узбекистан 28 декабря 1991 г., а дипломатические отношения между двумя странами были установлены через полгода – 23 июня 1992 г. В мае 1994 г.

⁹² Там же.

Индонезия открыла свое посольство в Ташкенте. С декабря 1996 г. в Джакарте функционирует дипломатическая миссия Узбекистана.

В июне 1992 г. состоялся государственный визит в Индонезию президента РУ И.Каримова, в апреле 1995 г. Узбекистан с ответным государственным визитом посетил тогдашний президент РИ Сухарто.

В декабре 2005 г. в Ташкенте был подписан меморандум о взаимопонимании между МИД Узбекистана и МИД Индонезии и учрежден комитет по двусторонним консультациям, состоялся первый раунд политконсультаций. К настоящему времени проведены уже 4 раунда таких консультаций. В декабре 2007 г. Узбекистан посетила с визитом делегация индонезийского парламента во главе со спикером совета народных представителей А.Лаксоно. В мае 2008 г. по его приглашению Индонезию посетила делегация олий мажлиса Узбекистана во главе с заместителем спикера законодательной палаты А.Шадмановым.

В мае 2008 г. осуществлен рабочий визит в Узбекистан министра иностранных дел Индонезии Х.Вираюды, а в феврале 2009 г. для проведения двусторонних переговоров и I заседания межправительственной комиссии по двустороннему сотрудничеству Индонезию посетила делегация РУ во главе с министром ИД В.Норовым. В августе 2008 г. была расширена дипмиссия РУ в Джакарте.

В настоящее время между Республикой Узбекистан и Республикой Индонезия подписан 21 документ двустороннего характера. Основные принципы двусторонних отношений между двумя государствами зафиксированы в узбекско-индонезийском совместном заявлении от 23 июня 1992 г. и совместной декларации о принципах отношений и сотрудничества от 8 апреля 1995 г.

В то же время, в экономической сфере активность не столь велика. Взаимная торговля ограничена небольшим перечнем товаров и услуг и не

отвечает имеющимся экономическим возможностям обеих стран. Товарооборот за 10 месяцев 2008г. составил 2,8 млн. долл.

В августе 1996г. в Джакарте в ходе состоявшегося бизнес-семинара «как делать бизнес в Узбекистане» был подписан ряд двусторонних соглашений для стимулирования сотрудничества в области экономики, науки и техники.

На сегодняшний день в республике действуют 2 предприятия с участием индонезийского капитала: СП «Uzbekistan International» в форме ООО (предоставление маркетинговых услуг в сфере телекоммуникаций) и предприятие со 100% индонезийским капиталом «РТ Hikman Albros» (гостиничные услуги). В целях дальнейшего продвижения торгово-экономических связей между двумя странами в марте 2007 г. правительством Узбекистана сформирован организационный комитет по расширению торгово-экономического и делового сотрудничества с Индонезией. В апреле 2007 г. оргкомитет провел в Джакарте узбекско-индонезийский инвестиционный бизнес-семинар.

Узбекистан и Индонезию сближает тот факт, что почти полностью все их население исповедует ислам суннитского направления. В то же время понятно, что культурно-цивилизационные традиции весьма различны. В целях развития культурно-просветительских связей между народами двух стран в сентябре 2002 г. было учреждено общество дружбы «Узбекистан-Индонезия», председателем которого стал вице-президент АН РУ академик С.Гулямов. В сентябре 1997г. между г. Самарканд и г. Банда-Ачех был подписан протокол о намерениях по установлению побратимских связей. При самаркандском институте экономики и сервиса с 2001г. действует центр изучения индонезийского языка, где ежегодно обучаются более 20 студентов. Профессор данного института Н.Намозов, специалист по изучению истории и культуры Индонезии, составил учебный узбекско-индонезийский словарь на 3000 слов. В самаркандском

государственном институте мировых языков открыт кабинет индонезийского языка и культуры, индонезийский язык также изучается в качестве факультативного предмета.

Позитивно развиваются отношения Узбекистана со второй мусульманской страной Юго-Восточной Азии – Малайзией. Она признала Республику Узбекистан 1 января 1992 г. Дипломатические отношения установлены 21 февраля 1992г. В июне 1993г. открыто посольство Малайзии в Ташкенте. С декабря 1999г. функционирует посольство Республики Узбекистан в Малайзии.

Линия на развитие отношений дружбы и взаимовыгодного сотрудничества заложена в ходе обмена официальными визитами президента Республики Узбекистан И.Каримова в 1992г. и премьер-министра Малайзии М.Мохаммада в 1993г. и продолжена во время визита верховного правителя Малайзии Туанку Сайеда Сираджуддина Сайеда Джамалуллайла в Узбекистан в 2003 г. Основным событием в дальнейшем развитии двусторонних отношений на современном этапе стал государственный визит президента Республики Узбекистан И.Каримова в Малайзию в октябре 2005 г. 16-19 ноября 2008 г. Узбекистан с официальным визитом посетил премьер-министр Малайзии А.Бадави. В ходе визита проведены встречи с руководством РУ, подписано 3 межправительственных документа в сферах высшего образования, науки и технологий, нефтегазовой отрасли.

Между двумя странами создана договорно-правовая база, состоящая из 47 подписанных документов и охватывающая различные сферы, в т.ч. торговлю, инвестиции, налогообложение, воздушное сообщение, науку, культуру, туризм, безопасность и борьбу с терроризмом, освоение природных ресурсов и др. Последовательно развиваются двусторонние связи по межпарламентской линии. В 2006 и 2009 гг. Узбекистан посетили две делегации во главе со спикерами палаты представителей парламента

Малайзии, которые провели встречи со спикерами законодательной палаты олий мажлиса, председателем сената, премьер-министром.

Наблюдается также заметный интерес сторон к сотрудничеству в рамках меморандума о взаимопонимании в сфере обеспечения безопасности и борьбе против терроризма, подписанного в октябре 2005 г.

Позиции Узбекистана и Малайзии по большинству международных и региональных проблем, таких, как борьба с терроризмом, незаконный оборот и распространение наркотиков, нераспространение ядерного оружия и запрещение ядерных испытаний, – близки или совпадают.

В рамках ООН сотрудничество между Узбекистаном и Малайзией осуществляется путем взаимной поддержки инициатив и резолюций, вносимых сторонами в рамках Генеральной Ассамблеи, поддержки кандидатур в различные органы ООН.

В целях дальнейшего продвижения двусторонних отношений с Малайзией 14-15 августа 2008г. в Куала-Лумпуре состоялся первый раунд межмидовских политических консультаций, в рамках которого также проведен бизнес-форум с презентацией торгово-экономического и инвестиционного потенциала Узбекистана.

В последние годы стабильно растет товарооборот, уровень которого, по данным узбекских статистических органов, в 2008 г. превысил показатель 2007 г. на 45% и составил более 48,3 млн. долл. На сегодняшний день в Республике Узбекистан осуществляют свою деятельность 22 предприятия с участием малайзийских инвестиций, из которых 3 предприятия со стопроцентным малайзийским капиталом. Основной сферой деятельности указанных предприятий являются нефтегазовый сектор, производство текстильных изделий, мебели, электротехнической продукции, предоставление финансовых услуг. Предприятиями с участием малайзийского капитала был сформирован уставной фонд в размере 36,8 млн.долл. В сфере разведки, разработки и

переработки углеводородного сырья совместно с ведущей малайзийской корпорацией «Петронас» реализуется ряд проектов на миллиарды долларов.

Что касается сферы образования и науки, то, например, правительство Малайзии организует обучение специалистов различного профиля из Узбекистана в рамках малайзийской программы технического сотрудничества (МПТС). По состоянию на первое полугодие 2009 г. число узбекских представителей, принявших участие в различных курсах и семинарах по линии МПТС, составило 375 специалистов. В последние годы наблюдается значительная активизация двусторонних связей в сфере образования. Ширятся также межвузовские обмены в рамках меморандумов о взаимопонимании, подписанных между фондом «Истьедод» и малайзийским открытым университетом, ташкентским университетом информационных технологий и малайзийским университетом мультимедиа.

В целях развития гуманитарных связей между общественными кругами двух стран в 1998 г. в Ташкенте было учреждено общество дружбы «Узбекистан-Малайзия». В 2007, 2008 и 2009 гг. в Ташкенте проведены образовательные ярмарки Малайзии, в работе которых были представлены около двадцати малайзийских ВУЗов.

Очевидно, что, находясь в "весовой категории", отличной от Казахстана и Узбекистана, три другие страны Центральной Азии – Киргизия, Туркменистан и Таджикистан – не обладают достаточными возможностями для обеспечения контактов с таким же кругом мусульманских стран и поддержания отношений на похожем уровне. Тем не менее, усилия в этом направлении предпринимаются, поскольку руководители этих государств осознают, что в современном глобализирующемся мире оптимальными для обеспечения безопасности и развития являются именно многовекторная внешняя политика и диверсифицированные внешнеэкономические связи.

3.3. Киргизия, Туркменистан и Таджикистан

Первые контакты между **Киргизией** и Пакистаном произошли уже 20 декабря 1991 г., а дипломатические отношения были официально установлены 10 мая 1992 г.⁹³

Пакистан и Киргизия сотрудничают в различных сферах, наиболее успешно в сфере торговли. Некоторые пакистанские бизнесмены создали фирмы в Киргизии, действующие в области гостиничного бизнеса, фармацевтики и туризма. Еще в ходе визита пакистанского государственного министра по экономическим вопросам в Бишкек в декабре 1991 г. Киргизии был предоставлен кредит в размере 10 млн. долл. США на создание фармацевтической фабрики в киргизской столице. Соглашение на этот счет было подписано в мае 1993 г. По просьбе Киргизии – "принимая во внимание дружеские и братские отношения"⁹⁴ между двумя странами – пакистанское правительство положительно решило вопрос о продлении срока его погашения на шесть лет.

Одним из достижений в области экономического сотрудничества стало открытие в Бишкеке филиала Национального банка Пакистана с официально заявленной целью содействия торговле и экономическим связям. Национальный банк Киргизии принял решение выдать этому филиалу лицензию на открытие счетов для местных граждан с 1 января 2002 г. До этого филиал имел право обслуживать лишь юридические лица. Кроме того, Национальный банк Пакистана организовал на регулярной основе учебные программы для работников банковского бизнеса Киргизии. Пакистан также осуществляет программу технической помощи для киргизских граждан в области образования, дипломатии, английского

⁹³ 10th Anniversary of Pak-Kyrgyz Relations.

⁹⁴ Там же

языка и почтовых услуг. С другой стороны, в различных вузах Киргизии, в частности медицинских, обучаются свыше 200 пакистанских студентов.

Руководство Киргизии проявило большой интерес к развитию двусторонних отношений в области культуры и контактов между людьми, в т.ч. посредством установления побратимских отношений между такими городами как Бишкек и Кветта, а также Ош и Сиалкот.

Правительство Пакистана согласилось предоставить типографские услуги муфтияту Киргизии для печатания религиозной литературы.

Интересно отметить, что указанные отношения опираются на некоторые довольно давние традиции. Киргизы в прошлом селились и работали в землях, которые после 1947 г. стали Пакистаном, в качестве торговцев, учителей, воинов и богословов-суфиев. До сих пор в Пакистане находится немало святынь, посвященных аристократам киргизского происхождения. До сих пор немало пакистанцев утверждают, что их предки были киргизами.

Следует отметить, что Киргизия постоянно находится в поле зрения многих государств. Не стали исключением и арабские страны, в том числе и Саудовская Аравия, которая уже на протяжении нескольких лет проводит мониторинг проектов по добыче и транспортировке энергоресурсов с территории Казахстана, Туркменистана и Узбекистана в дальнее и ближнее зарубежье. В этом случае становится очевидным, что Киргизия может стать «плацдармом» для экономического закрепления в Центральной Азии «арабского» интереса⁹⁵.

Пока еще неизвестно, будет ли отличаться специфика арабского «капитала» от казахстанского или российского. Но ясно одно – в отличие от других иностранных инвестиций, саудовские капиталовложения и

⁹⁵ Арабский «прорыв» Кыргызстана: ожидания и перспективы // Аналитика-Узбекистан. 14.03.2008 - <http://www.easttime.ru/analytic/1/1/421.html>

займы на межгосударственном уровне являются беспроцентными. Это и привлекает Киргизию.

За годы своей независимости, вплоть до настоящего времени, Киргизия пыталась развивать арабское направление своей внешней политики, однако это ограничивалось в большинстве своем только вопросами сотрудничества в области образования или развития туризма.

Развитие взаимовыгодного сотрудничества с арабскими странами Персидского Залива, является на сегодняшний день одной из приоритетных задач, от успешного решения которой отчасти может зависеть и прорыв Киргизии в сфере экономики.

Саудовская Аравия на сегодняшний день – не только крупнейший экспортер нефти, но и обладатель самой большой доли неиспользуемых ресурсов ее добычи (все недра и ресурсы страны национализированы), а также не до конца использованного инвестиционного капитала.

Это делает КСА, а также Кувейт и ОАЭ, привлекательными для Киргизии с точки зрения источников крупных инвестиций и многомиллионных грантов на более выгодных условиях в сравнении с другими странами.

Конечно же, готовность арабских инвесторов прийти в Киргизию напрямую зависит от внутривнутриполитической стабильности в стране, уровня государственной коррупции, реализации на деле принимаемых законов и поправок в сфере экономической деятельности, льгот и т.д.

Не исключено также, что арабская религиозная элита Персидского залива заинтересована в развитии сотрудничества с Киргизией с целью будущего закрепления своих идейно-политических позиций как противовес растущему влиянию шиитского Ирана в Центральной Азии. Идеи мусульманского братства между арабами и киргизами могли бы стать основой для роста политического авторитета Саудовской Аравии среди неарабских стран как авторитетного центра «суннитского мира».

Киргизия могла бы со своей стороны заинтересовать страны арабского мира, в особенности КСА, через активизацию более тесного сотрудничества в вопросах укрепления позиций умеренного ислама, а также утверждения исламских ценностей, которые должны стать идейной альтернативой экстремизму, выступающему под лозунгами ислама.

По сути дела, арабские страны как авторитетные центры «официального» ислама могут выступить главным партнером Киргизии в идейно-теоретическом противостоянии радикальным силам. При этом КСА и Кувейт на примере такого сотрудничества с Киргизией имеют возможность изменить закрепившийся за ними ярлык ваххабитских государств среди других мусульманских государств ЦА.

В декабре 2010 г., как сообщили в государственной комиссии по делам религий Киргизии, было принято решение о визите большой группы исламских богословов из ряда арабских стран. Ученые мужи готовы подействовать в примирении сторон, участвовавших в июньском конфликте 2010 г. в Ошской и Джалал-Абадской областях⁹⁶.

Что касается отношений с мусульманскими странами других регионов, то можно отметить контакты Киргизии с Индонезией. Такие контакты в последнее время имели место, в частности, по линии т.н. Балийского демократического форума. Балийский демократический форум создан в 2008 году по инициативе президента Республики Индонезия в целях объединения усилий стран Азиатско-тихоокеанского региона по продвижению вопросов демократического развития и процветания. Постоянным председателем форума является Республика Индонезия.

В декабре 2010 г. в работе заседания 3-го Балийского «демократического форума в Индонезии Демократия – содействие миру и стабильности» приняла участие киргизская делегация. На заседании выступил заместитель министра иностранных дел Киргизии Н.Айтмурзаев,

⁹⁶ <http://www.msn.kg/ru/news/32882/>

возглавляющий делегацию Киргизии. Он кратко проинформировал участников о внутривнутриполитической ситуации в стране, об итогах прошедших парламентских выборов, а также подчеркнул приверженность Киргизии демократическому развитию и продвижению мира. В рамках форума состоялись двусторонние встречи с министром иностранных дел Республики Индонезия М. Наталегава. Стороны обсудили вопросы углубления двустороннего сотрудничества Киргизии и Индонезии в области образования, науки и культуры и согласились, что весьма перспективным представляется их сотрудничество в многостороннем формате в свете взаимной поддержки инициатив при выдвижении кандидатур стран в различные выборные органы и на посты международных организаций⁹⁷.

Туркменистан также поддерживает отношения с другими, помимо Турции и Ирана, мусульманскими странами. Так, 24 августа 2008 года по приглашению президента Туркменистана Г.Бердымухамедова состоялся официальный визит короля Иорданского Хашимитского Королевства Абдаллы II ибн аль-Хуссейна в Туркменистан.

В ходе визита между главами государств состоялись обстоятельные переговоры о туркмено-иорданских отношениях, их будущем развитии в целом ряде областей: экономической, социальной и культурной. Также в ходе переговоров были обсуждены региональные и международные вопросы, представляющие взаимный интерес.

По итогам визита главами двух государств было подписано совместное коммюнике. В документе говорится, что главы государств, подтвердив значимость взаимодействия в экономической сфере, выразили стремление наращивать усилия с целью укрепления двусторонних отношений в таких сферах, как энергетика, транспорт, связь и

⁹⁷ Вебсайт Кыргызского национального информационного агентства - http://kabar.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=11281&Itemid=46

телекоммуникации, производство строительных материалов, текстильная отрасль, сельское хозяйство, образование, наука, здравоохранение.

Главы государств отметили важность усиления гуманитарного сотрудничества как важнейшего средства сближения народов, углубления взаимопонимания между ними, взаимообогащения культур, дальнейшего развития отношений дружбы между ними, а также согласились поощрять обмены культурными делегациями и расширять сотрудничество в области туризма, спорта и научных исследований.

Стороны подтвердили, что терроризм и транснациональная преступность являются главными угрозами международному миру и безопасности, отметив готовность к развитию сотрудничества в борьбе с этими опасными явлениями и выразив свое стремление к укреплению центральной роли Организации Объединённых Наций в решении глобальных вопросов международной безопасности и мира, устойчивого развития. При этом они особо подчеркнули обоюдное стремление Туркменистана и Иордании к установлению климата доверия и взаимопонимания и укреплению стабильности на региональном и международном уровнях, а также необходимость решения международных конфликтов только мирными дипломатическими средствами и методами.

Стороны выявили сходство позиций по ряду вопросов мировой и региональной политики, а также выразили стремление к проведению консультаций по актуальным вопросам международных отношений.

В рамках развития договорной базы между государствами стороны выразили готовность подготовить к подписанию в ходе следующей встречи глав государств соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве, сотрудничестве в области транспорта, сотрудничестве в области образования, науки, здравоохранения и культуры, а также меморандума о взаимопонимании между министерствами иностранных дел Туркменистана и Иордании.

В целях дальнейшего укрепления и развития дружественных отношений и сотрудничества между Туркменистаном и Иорданским Хашимитским Королевством главы государств выразили заинтересованность в открытии посольства Туркменистана в Иордании и посольства Иордании в Туркменистане⁹⁸.

27-28 февраля 2008 г. по приглашению президента Туркменистана Г.Бердымухамедова Ашхабад с официальным визитом посетил президент Объединенных Арабских Эмиратов шейх Халифа бин Зайед аль-Нахайян.

В ходе визита были обсуждены вопросы отношений между двумя государствами, пути развития и укрепления взаимного сотрудничества в политической, экономической, социальной сферах, а также региональные и международные вопросы, представляющие взаимный интерес.

Главы государств провели переговоры по двусторонним отношениям и согласились в оценке значимости их дальнейшего развития в целях осуществления интересов двух дружественных народов. Стороны призвали государственный и частный секторы двух стран рассмотреть имеющиеся возможности инвестирования, а также подчеркнули важность реализации совместных проектов и программ, особенно в нефтегазовой, нефтеперерабатывающей, нефтехимической и транспортной сферах.

Главы государств констатировали важность осуществления совместных проектов и отметили, что для выполнения этой задачи будут рассмотрены вопросы создания специализированных торгово-экономических компаний, обеспечения соответствующих договорно-правовых условий и оказания им необходимой поддержки.

Руководители двух стран также подчеркнули важность укрепления взаимного сотрудничества в вопросах культуры, средств массовой информации, науки, образования и спорта, а также необходимость

⁹⁸ Туркменистан. Золотой век. Информационный сайт - http://turkmenistan.gov.tm/_rus/2008/08/24/k_itogam_oficialnogo_vizita_v_turkmenistan_korolja_iordanii.html

реализации соглашений и меморандумов о взаимопонимании, подписанных между двумя государствами.

Касаясь актуальных международных вопросов, главы государств подчеркнули обоюдное стремление Туркменистана и ОАЭ содействовать укреплению мира, стабильности и безопасности в международном сообществе и соблюдать принципы невмешательства во внутренние дела, отказа от использования силы или угрозы ее применения, решения всех конфликтов мирным путем. В этом контексте стороны осудили все виды и формы терроризма, а также заявили о своей поддержке усилий международного сообщества в деле нераспространения оружия массового уничтожения.

Стороны вновь подчеркнули исключительное значение ООН в решении вопросов международной безопасности и стабильности, реализации целей и задач, зафиксированных в Уставе ООН⁹⁹.

28 января 2009 г. президент Туркменистана Г.Бердымухамедов принял министра международного сотрудничества Арабской Республики Египет г-жу Фаизу Абулнаджа, прибывшую в Ашхабад во главе представительной делегации своей страны для участия в работе первого заседания совместной туркмено-египетской межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

Ф.Абулнаджа передала Г.Бердымухамедову приветственное послание от президента Египта Хосни Мубарака, подчеркнув, что Египет с огромным интересом следит за происходящими в настоящее время в Туркменистане грандиозными преобразованиями. Выражая полную поддержку проводимой туркменским лидером политики, министр международного сотрудничества Египта особо подчеркнула позитивную роль Туркменистана, выступающего ныне признанным миротворческим

⁹⁹ Там же.

центром, надежным форпостом мира и стабильности в Центральноазиатском регионе.

Выступая за широкое международное сотрудничество со всеми заинтересованными странами, Туркменистан рассматривает Египет в качестве важного и долгосрочного партнера, как отметил Г.Бердымухамедов. Об этом свидетельствуют, прежде всего, поступательно развивающиеся отношения между двумя государствами и заметно активизировавшиеся в последнее время контакты на различных уровнях.

В ходе состоявшегося обмена мнениями о состоянии и перспективах развития взаимовыгодного сотрудничества, базирующегося на отношениях дружбы, духовной и культурной общности туркменского и египетского народов, была отмечена положительная роль созданной по инициативе туркменской стороны межправительственной комиссии, призванной в полной мере задействовать имеющийся потенциал партнерства и значительно расширить традиционные связи.

Говоря об исключительно плодотворном характере проведенных в рамках визита встреч и переговоров в различных министерствах и ведомствах страны, г-жа Ф.Абулнаджа отметила взаимный интерес сторон к установлению тесного, конструктивного взаимодействия по всему спектру направлений. В числе важнейших из них были названы топливно-энергетический сектор, торговля, сельское хозяйство, здравоохранение и туризм, где приложение усилий видится наиболее эффективным.

Также было заявлено об активизации контактов в гуманитарной сфере, отмечена важность дальнейшего культурного обмена, служащего укреплению взаимопонимания и доверия между туркменским и египетским народами, и развития сотрудничества в сфере образования, где

за эти годы уже накоплен большой позитивный опыт совместной работы¹⁰⁰.

28 апреля 2008 г. состоялся первый официальный визит президента Туркменистана Г.Бердымухамедова в Исламскую Республику Афганистан. Знаменующий новую страницу в истории туркмено-афганских отношений, визит туркменского лидера проходил на фоне заметно активизировавшегося межгосударственного диалога, мощный импульс которому придали договоренности, достигнутые в ходе проведенных ранее переговоров в верхах. Тогда, во время официального визита президента Афганистана Х.Карзая в Ашхабад стороны подтвердили обоюдную готовность к установлению плодотворного сотрудничества, отвечающего интересам всего региона. Этот диалог был продолжен на встрече лидеров двух стран в рамках саммита НАТО в Бухаресте.

Туркменистан, с первых дней своей государственной независимости исповедующий политику добрососедства и широкого международного сотрудничества, отводит своему южному соседу особую роль в реализуемой внешнеполитической стратегии с учетом как большой протяженности общей границы, – без малого 900 километров, так и уходящих вглубь веков уз дружбы и братства туркменского и афганского народов.

Не случайно именно нейтральный Туркменистан, за которым прочно закрепился авторитет страны-миротворца, выступил в числе инициаторов урегулирования внутриафганского конфликта, предоставив свою столицу в качестве места проведения нескольких раундов межафганских переговоров.

Туркменистан и сегодня оказывает Афганистану всемерную поддержку в строительстве мирной, созидательной жизни, поставляя по

¹⁰⁰ Официальный вебсайт Правительства Республики Туркменистан - http://turkmenistan.gov.tm/_rus/2009/01/29/prezident_turkmenistana_prinjal_ministra_mezhdunarodnogo_sotrudnichestva_egipta.html

льготной цене электроэнергии и сжиженный газ. В первые же дни вступления в должность главы государства Г.Бердымухамедов в качестве жеста доброй воли списал с Афганистана задолженность за поставленную туркменскую электроэнергию на сумму почти 4 миллиона долларов США. Эта практика приобретает традиционный характер. Так, по итогам встречи на высшем уровне в июле 2007 года Туркменистан безвозмездно поставил в Афганистан электроэнергию на сумму 300 тысяч долларов и за счет собственных средств произвел полную реконструкцию двухкилометрового отрезка железной дороги в Афганистане, оцениваемую в 550 тысяч долларов США. Зимой 2010 года, в связи с аномальными холодами, Туркменистан предоставил афганскому народу гуманитарную помощь, направив продовольствие, дизельное топливо и теплую одежду.

По состоянию на 1 апреля 2008 г. между Туркменистаном и Исламской Республикой Афганистан заключено 20 международных документов, половина из которых – на межгосударственном уровне.

В рамках принятых документов аккредитованы посольства и консульства двух государств, осуществлены и продолжают осуществляться совместные проекты, в том числе по строительству объектов энергоснабжения провинций Афганистана, открываются филиалы и представительства афганских предприятий в Туркменистане, укрепляются торгово-экономические отношения, о чем, в первую очередь, свидетельствует неуклонный рост внешнеторгового оборота между двумя странами. О динамике его развития говорят следующие цифры: если в 2000 г. товарооборот между двумя странами составлял 38 млн. долл. США, то только по итогам первого квартала 2010 г. этот показатель превысил 29 млн. долл. США.

Львиная доля внешнеторгового оборота приходится на экспорт туркменских товаров. Помимо электроэнергии и прочей продукции ТЭК Туркменистан экспортирует в Афганистан сельскохозяйственную

продукцию, товары текстильной и химической промышленности, лом и изделия из черных и цветных металлов и др. Из Афганистана в Туркменистан завозятся продовольствие, стройматериалы, продукция легкой промышленности.

Одним из приоритетов межгосударственного сотрудничества остается реализация совместных проектов. По состоянию на 1 апреля 2010 г. зарегистрировано 3 проекта на общую сумму 9,8 млн. долл. США, выполняемых туркменскими энергетиками на территории Афганистана. Туркменские специалисты в рамках заключенных контрактов ведут строительство объектов внешнего электроснабжения афганской провинции Балх, строительство электролинии Серхетабат-Герат и реконструкцию системы электроснабжения поселка Тургунди провинции Герат.

В Туркменистане зарегистрировано 42 предприятия с участием афганского капитала, из них 38 – с правом юридического лица. Большинство этих предприятий занимаются оптово-розничной торговлей, импортом-экспортом, а также производственной деятельностью, в том числе по выпуску керамзитобетонных блоков и кожгалантерейных товаров.

В 2010 году в Ашхабаде прошло первое заседание межправительственной туркмено-афганской комиссии по торгово-экономическому и техническому сотрудничеству. Договоренность о создании этой двусторонней комиссии, которой изначально был придан исключительно высокий статус, была достигнута годом ранее. Для участия в заседании в туркменскую столицу прибыла представительная делегация Афганистана во главе с министром экономики Мохаммадом Джалил Шамсом, являющимся сопредседателем комиссии с афганской стороны. С туркменской стороны ее возглавляет министр экономики и развития Г.Гурбанмырадов.

В ходе переговоров, подтвердивших взаимную заинтересованность сторон в налаживании полномасштабного партнерства, состоялся широкий обмен мнениями о приоритетных направлениях сотрудничества и продвижении ранее достигнутых договоренностей. Как отмечалось, будучи глубоко заинтересованным в устойчивом социально-экономическом развитии соседней страны, Туркменистан связывает с Афганистаном масштабные планы, которые, с одной стороны, создадут благоприятные условия для мирного строительства в этой стране, с другой – послужат мощным фактором укрепления международного сотрудничества. В первую очередь, речь идет об инициированных президентом Туркменистана Г.Бердымухамедовым крупномасштабных региональных проектах в энергетической и транспортной сферах.

В рамках обсуждения важнейших аспектов сотрудничества туркменская сторона выразила приверженность строительству транснационального газопровода Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия, который станет мощным стимулом для развития экономики Афганистана и его социальной инфраструктуры. В развитие энергетического сотрудничества Туркменистан, располагающий солидным опытом и необходимым кадровым и техническим потенциалом, готов также принять участие в разведке и освоении нефтегазовых месторождений Афганистана в приграничных районах.

Туркменистан и Афганистан заинтересованы во всестороннем расширении гуманитарного сотрудничества, которое послужит укреплению дружбы и взаимопонимания между народами. В развитие исконных добрососедских традиций стороны провели в 2009 г. в Туркменистане Дни кино Афганистана, а в 2010 г. в Афганистане – Дни кино Туркменистана. Проводятся встречи туркменских и афганских журналистов, а также специалистов в области издательского дела.

Также имеет место заинтересованность в сотрудничестве в области спорта, где за последнее время благодаря постоянному вниманию и поддержке со стороны государства Туркменистан сумел достичь впечатляющих результатов.

Безусловно, наименьшими внешнеполитическими ресурсами среди стран Центральной Азии обладает **Таджикистан**. Это объясняется и тем, что его экономика была фактически разрушена в ходе продолжительной и кровопролитной гражданской войны в 1990-е гг., и, вероятно, тем, что он стоит несколько особняком от остальных стран ЦА в этническом плане, являясь единственной не тюрко-, а персоязычной страной региона, что, естественно, привлекает к ней особое внимание Ирана. Тем не менее, он тоже стремится проводить многовекторную внешнюю политику.

Достаточно высокую активность можно отметить в области таджикско-пакистанских отношений. Дипотношения между Таджикистаном и Пакистаном были установлены довольно рано – 6 июня 1992 г. Таким образом, Пакистан в числе первых признал независимость Таджикистана, установил с ним дипломатические отношения и открыл свое дипломатическое представительство 16 июня 1992 года.

Официальный визита президента Республики Таджикистан в Исламскую Республику Пакистан состоялся в марте 1994 г. В последующем, президент Э.Рахмон трижды посетил Пакистан – соответственно в 1996, 1997 и 2004 гг. Он принял участие в работе саммита ОИК (1997), посвященного 50-летию образования ИРП.

В 1997 г. в Исламабаде и Карачи начали функционировать консульские учреждения Таджикистана. Министр иностранных дел Таджикистана в 1998 и 2004 гг. совершил официальные визиты в ИРП. Министр иностранных дел Пакистана Абдул Саттор 11-12 апреля 2002 года совершил официальный визит в Таджикистан. Официальный визит президента П.Мушаррафа в Таджикистан состоялся 2-3 июня 2002 г.

В отношениях между Республикой Таджикистан и Исламской Республикой Пакистан существует мощная договорно-правовая база, которая охватывает практически все направления межгосударственных отношений.

Премьер-министр ИРП Шафкат Азиз принял участие в работе Саммита ЭКО (2004 г. в Душанбе), и принял участие в качестве наблюдателя в пятом заседании совета глав правительств (премьер-министров) государств Шанхайской организации сотрудничества (2006 г. в Душанбе).

26-28 октября 2006 г. в Душанбе министр энергетики и водных ресурсов ИРП Лиакат Али Джатои принял участие в работе второй конференции по центрально- и южно-азиатскому региональному электроэнергетическому рынку. 27-28 октября 2006 г. состоялась второе заседание совместной таджикско-пакистанской межправительственной комиссии в Душанбе¹⁰¹.

По понятным причинам особая значимость присуща отношениям Таджикистана с Афганистаном, граница с которым в период гражданской войны регулярно нарушалась незаконными вооруженными формированиями. Эти отношения налаживались после приобретения РТ независимости, в сложное для обоих государств время. Дипломатические отношения между Республикой Таджикистан и Исламской Республикой Афганистан установлены 15 июля 1992 г. Республика Таджикистан открыла свое посольство в Афганистане в начале 2002 г. В ноябре 2002 г. начало функционировать консульство Таджикистана в городе Мазари-Шариф.

С 1992 по 2001 гг. неоднократно обсуждались вопросы по налаживанию широкого сотрудничества между двумя странами. За

¹⁰¹ Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Таджикистан - <http://mfa.tj/index.php?node=article&id=319>

указанный период состоялись встречи глав двух государств и делегаций высокого уровня в Таджикистане в 1992, 1993, 1996, 2001 гг. и в Афганистане в 1995 г., в ходе которых обсуждались вопросы стабилизации ситуации на границе, урегулирования внутритаджикского конфликта и обстановки в Афганистане. Был подписан ряд межгосударственных и межправительственных соглашений, направленных на налаживание сотрудничества в различных областях.

После событий 11 сентября 2001 г., антитеррористической кампании в Афганистане и формирования его временного правительства, Правительство РТ взяло курс на реализацию линии государства на поддержку процессов по будущему государственному устройству в Афганистане, достижению мира и согласия в стране, постконфликтному восстановлению ИРА и искоренению угроз для мирного развития.

Важным моментом в развитии отношений с Афганистаном стала встреча президентов РТ Э.Рахмона и ИРА Х.Карзая, прибывшего в Таджикистан для участия в восьмом саммите глав государств стран-участниц ЭКО в сентябре 2004 г., в ходе которого главы двух государств обсуждали вопросы восстановления Афганистана и борьбы против незаконного оборота наркотиков, констатировали развитие отношений Таджикистана и Афганистана на общепризнанных принципах добрососедства, взаимного уважения и доверия, дружбы и взаимопомощи во всех сферах жизни. В ходе визита делегации ИРА в Таджикистан в сентябре 2004 г. было подписано межправительственное соглашение между двумя странами о торговом сотрудничестве.

После формирования нового правительства в Афганистане, 27-28 апреля 2005 г. состоялся официальный визит президента Республики Таджикистан Э.Рахмона в Исламскую Республику Афганистан. Стороны обсудили широкий круг вопросов двустороннего характера, условия и возможности сотрудничества в таких областях, как строительство,

сооружение дорог, водоснабжение, наука, литература, культура, информация, образование и здравоохранение. Было озвучено, что одним из важнейших и плодотворных направлений сотрудничества между странами является строительство гидроэлектростанций и сопутствующих им объектов инфраструктуры. В ходе визита подписаны 11 межгосударственных и межправительственных документов в различных областях сотрудничества между двумя странами. Наиболее примечательным документом является договор о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве между Республикой Таджикистан и Исламской Республикой Афганистан. Также были подписаны: соглашение о взаимном предоставлении собственности посольству Республики Таджикистан в Кабуле и посольству Исламской Республики Афганистан в Душанбе, соглашение о безвизовой поездке по дипломатическим паспортам, соглашение о сотрудничестве в области энергетики, соглашение о сотрудничестве в области образования, культуры, науки и техники, соглашение о транспорте и транзитных перевозках грузов и пассажиров, соглашение о борьбе с незаконным оборотом наркотиков, соглашение о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, экстремизмом и транснациональной организованной преступностью, соглашение о пограничных контрольно-пропускных пунктах, меморандум о двусторонних консультациях между министерствами иностранных дел Республики Таджикистан и Исламской Республики Афганистана.

Учитывая специфическую границу между двумя странами, проходящую вдоль реки, в целях обеспечения возможностей расширения и углубления сотрудничества с Афганистаном, РТ продолжила курс на строительство мостов, связывающих две страны через р.Пяндж. На сегодняшний день уже построены 3 моста и начато строительство большого моста в районе Нижнего Пянджа при финансировании со стороны США. Строительство данного моста способствует реализации

инициативы по трансафганскому транспортному коридору и позволит кардинально улучшить инфраструктуру всего региона. В этом плане предпринимаемые Республикой Таджикистан шаги по созданию транзитных путей через ИРА отвечают интересам развития международного транспортного коридора "Север-Юг" и эффективного развития международных и внешнеэкономических связей стран региона.

Осуществляются мероприятия по реализации курса правительства РТ на подготовку и открытие точек приграничной торговли на контрольно-пропускных пунктах государственной границы РТ с Афганистаном, нацеленные на дальнейшее расширение торгового сотрудничества между двумя странами. В качестве первого шага в марте 2005 г. состоялись церемонии открытия 3 пунктов приграничной торговли на территории КПП «Ишкошим», «Тем» и «Рузвай».

Стороны продолжают работу по вопросам развития экономических связей между государствами, расширение транзита и перевоза грузов через территорию Таджикистана в Афганистан, строительство мостов и дорог.

В соответствии с межправительственными договоренностями, Таджикистан, исходя из потенциальных возможностей республики, оказывает содействие в обучении афганских студентов в вузах РТ по специальностям, наиболее востребованным в соседней стране, на льготных условиях поставляет электроэнергию в некоторые северные провинции Афганистана.

Двумя странами выработан совместный подход к перспективам двусторонних таджикско-афганских взаимоотношений в водно-энергетической отрасли. Стороны к настоящему времени конкретизировали направления дальнейшего сотрудничества. Предметом рассмотрения между двумя соседними странами являются также вопросы борьбы с международным терроризмом, религиозным экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков и оружия. В настоящее время открыто

представительство агентства по контролю за наркотиками (АКН) при президенте РТ для совместной работы с государственной комиссией по борьбе с наркотиками при совете безопасности Афганистана. 22-25 февраля 2006 г. в Душанбе состоялось первое заседание таджикско-афганской межправительственной комиссии по торговому, экономическому и техническому сотрудничеству с обсуждением приоритетных направлений двустороннего сотрудничества, реализации документов, подписанных во время визита президента Таджикистана в апреле 2005 г. в Афганистан. В июле 2006 г. состоялся официальный визит президента Исламской Республики Афганистан Х.Карзая в Республику Таджикистан

В целом, таджикско-афганские отношения, развиваются по направлению конкретного определения существующих предпосылок реального сотрудничества между РТ и ИРА. При этом, в частности, определенное внимание акцентировалось, на участии Таджикистана в деле постконфликтного восстановления страны. Как некоторые частные компании, так и государственные структуры Таджикистана осуществляют совместные таджикско-афганские проекты по восстановлению разрушенной войной экономики и социальной инфраструктуры Афганистана. РТ выступает за установление прямых связей между профильными учреждениями двух государств, обмен научно-технической информацией, организацию стажировок ученых и специалистов. Таджикской стороной во взаимодействии с Исламской Республикой Пакистан согласовывается также вопрос строительства высоковольтной ЛЭП и транспортной автомагистрали в Пакистан через территорию Афганистана. Проведение совместных исследований, в основном, в

области сельского хозяйства, призвано способствовать укреплению межгосударственных таджикско-афганских отношений¹⁰².

Несомненно, большое значение руководство Таджикистана придает одной из ведущих мусульманских стран, обладающей самым большим населением, исповедующим ислам – Индонезией. В числе прочего, отношения с ней помогают Таджикистану (как и, что уже отмечалось выше, Киргизии) укреплять свое положение через формат многосторонней дипломатии. Дипломатические отношения между Республикой Таджикистан и Республикой Индонезия установлены 27 августа 1994 г. С 28 по 30 октября 2003 г. состоялся государственный визит президента РТ Э.Рахмона в Индонезию. Были подписаны документы, заложившие договорно-правовую базу двусторонних отношений и взаимовыгодного сотрудничества в различных областях. Президент РТ Э.Рахмон принял участие в работе азиатско-африканского саммита, проходившего 21-23 апреля 2005 г. в Джакарте. В рамках участия в данном мероприятии он встретился с президентом Индонезии Сусило Бамбанг Юдойоно, стороны обсудили вопросы дальнейшего укрепления двустороннего взаимовыгодного сотрудничества¹⁰³.

¹⁰² <http://mfa.tj/index.php?node=article&id=311>

¹⁰³ <http://mfa.tj/index.php?node=article&id=318>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование отношений государств Центральной Азии с другими странами мира, которые либо – при том, что согласно конституциям являются светскими – населены в основном мусульманами, либо официально провозглашают ислам своей государственной религией, имеет важное значение для определения как возможных путей дальнейшей эволюции внешней политики государств ЦА, так и внутренних изменений в этих странах. При том, что по отдельности ни одна мусульманская страна за пределами ЦА не может быть сопоставима по своим возможностям с крупными внешними геополитическими акторами, имеющими интересы и действующими в данном регионе, в особенности с «большой тройкой», как иногда называют Россию, США и Китай, в совокупности они все же являются существенным фактором, влияющим на государства региона.

Крупнейшими и потенциально наиболее влиятельными из данной категории внешних геополитических акторов, безусловно, являются Турция и Иран. Однако в политической, экономической и иной деятельности этих двух стран отсутствует синергетика, т.е. не наблюдается никакой согласованности или хотя бы взаимодополняемости действий, а, напротив, присутствует до поры до времени скрытое соперничество за влияние в регионе.

Это невозможно объяснить одними лишь историческими корнями, многочисленными войнами между османскими султанами и персидскими шахами на протяжении столетий. Вряд ли было бы правильно сводить все и к многовековому суннитско-шиитскому противостоянию.

И то, и другое, несомненно, оказывает свое влияние. Однако, следует учитывать и другие факторы. Турция со времен Ататюрка является светским государством. Несмотря на то, что к власти в ней несколько лет назад пришла партия, исповедующая исламские принципы, в Турции

сохраняется сильнейшее влияние армии, страна по-прежнему состоит в НАТО, не теряет надежды стать членом ЕС и, в более общем плане, связывает свое будущее с Европой или, шире, с Западом, с западным путем развития, пусть даже и с оговорками о национальных особенностях. Это не мешает, впрочем, определенным кругам в Турции лелеять планы объединения всех тюркоязычных народов в некое квазигосударственное образование («Великий Туран»), однако здесь следует подчеркнуть, что в основу такого гипотетического образования идеологи пантюркизма помещают не религиозное, а этническое единство.

В Иране же у власти стоит теократический режим, который полностью отвергает западный путь развития, в т.ч. и светский характер государства, и открыто ставит своей задачей уничтожение западной – и любой другой неисламской – цивилизации и утверждение в конечном итоге всемирного исламского государства (разумеется, шиитского). В основу кладется не этническая, а религиозная общность.

К этому добавляется и столкновение чисто материальных интересов, в частности, в сфере энергетики. Если Иран является одним из крупнейших производителей нефти и газа и в этом плане в определенном смысле конкурентом стран ЦА, обладающих энергозапасами, то Турция, не располагая запасами энергоресурсов, является важнейшим пунктом транзита энергоносителей с востока на запад, а потому заинтересована в энергозапасах Центральной Азии.

Из других мусульманских стран, поддерживающих довольно активные отношения с государствами ЦА, следует выделить Саудовскую Аравию. Однако и в данном случае налицо плохо скрываемое противоборство – и с Ираном, который в отличие от нее является республикой и официально стремится к распространению шиитского направления на страны Аравийского полуострова, и – в определенной, существенно меньшей мере – с Турцией, поскольку та по историческим

меркам была империей и господствовала над арабами, а последующее ее превращение в республику и периодически оживляющиеся идеи «пантюркизма» не вызывают у арабских монархий никаких симпатий. Если саудовцы и имеют какие-то мусульманские страны в качестве надежных партнеров и союзников как в целом во внешнеполитической области, так и плане проведения своей линии в ЦА, то это – малые арабские монархии Персидского залива.

Относительно активны отношения стран ЦА с Афганистаном и в какой-то степени с Пакистаном, но здесь присутствуют в значительной степени внеэкономические факторы. Ситуация недавнего прошлого, когда при власти талибов с территории Афганистана в ЦА проникали не только наркоторговцы, но и группы вооруженных экстремистов, ставивших своей целью свержение центрально-азиатских режимов, после вторжения возглавляемой США антитеррористической коалиции в Афганистан, разумеется, изменилась, однако незначительно. Вторжений стало меньше, поскольку талибы отвлечены на ведение боевых действий против коалиции, но при этом поток наркотиков, поступающих оттуда в ЦА, а затем в Россию и Европу, возрос многократно.

Что же касается таких стран, как Египет, Марокко, Индонезия, Малайзия и другие, то их отношения со странами ЦА носят существенно менее интенсивный характер, объемы экономических связей малы, а политическое сотрудничество во многом сводится к декларациям в ходе нечастых двусторонних встреч и на международных форумах.

Таким образом, разные мусульманские страны имеют разную степень заинтересованности во взаимодействии со странами ЦА, а интересы тех из них, которые развивают взаимодействие сравнительно активно, зачастую имеют разновекторную направленность. Поскольку в регионах Персидского залива и Ближнего Востока никакого, даже самого слабого подобия интеграции по образцу европейской или хотя бы

южновосточноазиатской (АСЕАН) в обозримом будущем не предвидится, а, напротив, в указанных регионах присутствует постоянный страх перед возможными вооруженными конфликтами, причем отнюдь не беспочвенный, учитывая последние арабские революции, а также арабо-израильские, ирано-иракский, иракско-кувейсткий и другие вооруженные конфликты, ожидать изменения данного положения не приходится. Добавляет напряженности и иранская программа мирного освоения ядерной энергии. В случае превращения Ирана даже не в государство, уже обладающее ядерным оружием, а в т.н. «пороговое», можно с большой степенью вероятности предположить, что по тому же – формально не нарушающему Договор о нераспространении ядерного оружия – пути последует Турция или какие-то из арабских государств.

Центрально-азиатские государства, со своей стороны, всего лишь два десятилетия как стали самостоятельными геополитическими акторами. Они наработали определенный опыт ведения внешних дел. Но все же это длительный процесс. В своей короткой истории эти государства дважды столкнулись с глобальными геополитическими переменами. Первый раз – когда распался Советский Союз, и они фактически оказались предоставлены сами себе. В регионе на какое-то время образовался «вакуум», который, впрочем, в конце прошлого века стал постепенно заполняться.

Второй случай опять же совершенно не зависел от них. Террористические акты 11 сентября 2001 г. в США и стремительная операция Соединенных Штатов, осуществленная при полной поддержке со стороны всех их союзников и других стран, включая Россию и Китай, резко усилила геополитическое значение ЦА как важнейшего плацдарма поддержки операции в Афганистане.

Сюда следует добавить также и ситуацию середины 2000-х гг., когда беспрецедентный рост цен на энергоносители еще больше усилил интерес

к ЦА как к региону, обладающими указанными ресурсами. Мировой кризис и падение цен на нефть несколько ослабил этот интерес, но в последнее время снова наблюдается его рост. В связи с потрясениями в арабском мире и, соответственно, нового скачка цен на энергоносители, интерес к ЦА всех внешних акторов, в том числе России, Китая, США и Европы, а также стран мусульманского мира, несомненно, усилится.

В период становления внешней политики государств ЦА в 1990-е гг. она, конечно, определялась вполне материальными интересами. Экономическое положение после разрыва советских хозяйственных связей было драматическим, что и обуславливало стремление привлечь помощь внешних доноров. Наряду с экономическими соображениями имело место и стремление укрепить безопасность и обороноспособность. В этом плане, помимо отношений с Россией, США, ЕС и Китаем внимание центрально-азиатских руководителей привлекли пусть более скромные, но, с другой стороны, «свои» – «мусульманские» – внешние источники в лице Турции, богатых арабских государств и – с известными оговорками – Ирана.

В плане подтверждения влияния экономического фактора на развитие отношений между государствами ЦА и другими странами исламского мира, следует отметить, что по контрасту со сравнительно регулярными связями стран ЦА, например, с богатыми нефтедобывающими государствами Персидского залива, мало что можно сказать об их отношениях с бедными мусульманскими странами. Со своей стороны, в отличие от Саудовской Аравии или Кувейта, такие страны с в основном мусульманским населением, как Мали или Бангладеш, никогда не располагали средствами для финансирования строительства мечетей в государствах ЦА или оплаты обучения центрально-азиатских единоверцев в своих учебных заведениях.

Будущее состояние отношений центрально-азиатских государств с другими мусульманскими странами мира будет определяться как их внутренней социально-экономической ситуацией, которая весьма неблагоприятна, так и не зависящими от них внешними факторами. Это и развитие ситуации в Афганистане, и мировые цены на энергоносители, и положение на Ближнем Востоке, где на настоящий момент лишь в Турции обстановка остается в достаточной мере стабильной.

Любые радикальные перемены в арабских странах неизбежно серьезно скажутся на отношениях между ними и государствами ЦА. Замена монархий и традиционных авторитарных режимов типа египетского в этих странах на «подлинные» республики – относительно прозападного толка или же исламские – чревата опасностью попыток экспорта из этих государств в страны ЦА либо «оранжевых» («жасминовых»), либо исламских революций. При любом варианте осложнения в отношениях стран ЦА с мусульманскими государствами Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки станут неизбежны.

В силу этого следовало бы изучить возможности взаимодействия России с государствами ЦА в плане укрепления взаимного обеспечения безопасности, причем не только силовыми методами, но также обмена опытом, включая российский опыт диалога между светской властью и религиозными объединениями в интересах предотвращения экстремизма и обеспечения мирного сосуществования в рамках одного государства народов, принадлежащих к различным этносам и исповедующих различные религии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

*Официальные документы, выступления
государственных и политических деятелей*

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Президентом Российской Федерации Д.А.Медведевым 12 мая 2009 года - <http://www.kremlin.ru/text/docs/2009/05/216229.shtml>;
2. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации Д.А.Медведевым 12 июля 2008 года - <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml>;
3. Каримов И.А. Выступление Президента Узбекистана на саммите НАТО\СЕАП. 30 апреля 2008 г. Бухарест - http://www.jahonnews.uz/rus/rubriki/politika/vistuplenie_prezidenta_uzbekistana_islama_karimova.mgr;
4. Каримов И.А. Выступление Президента Ислама Каримова на заседании Совета глав государств-членов ШОС 17.06.2009 - http://www.jahonnews.uz/rus/prezident/rechi_vistupleniya_pozdravleniya_vistuplenie_prezidenta_na_zasedanii_sgg_shos.mgr;
5. Медведев Д.А. Начало встречи с Президентом Туркменистана Гурбангулы Бердымухаммедовым. 6 июня 2008 г. Санкт-Петербург – Официальный сайт Президента Российской Федерации - http://president.kremlin.ru/appears/2008/06/06/1446_type63377_202173.shtml;
6. Медведев Д.А. Начало встречи с Президентом Узбекистана Исламом Каримовым. 6 июня 2008 г. – Официальный сайт Президента Российской Федерации - http://president.kremlin.ru/appears/2008/06/06/1805_type63377_202193.shtml;

7. Министерство иностранных дел Республики Узбекистан.
Официальный сайт - <http://mfa.uz>;
8. Назарбаев Н.А. Выступление Президента Казахстана на заседании Совета глав государств СНГ. 16 сентября 2004 г. Астана – Посольство Казахстана в Российской Федерации -
<http://www.kazembassy.ru/issue/?issueId=65>;
9. Назарбаев Н.А. Выступление Президента Казахстана на 62-сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 25 сентября 2007 г. Нью-Йорк – Сайт Посольства Казахстана в Украине - http://www.kazembassy.com.ua/kznama/Vystuplenie_Prezidenta_Kazakhstan_na.html;
10. Рахмонов Э. Выступление Президента Таджикистана на Встрече высокого уровня в рамках саммита ООН, посвященного диалогу цивилизаций, культур и религий. 14 сентября 2005 г. Нью-Йорк – Официальный сайт Президента Республики Таджикистан (русскоязычная версия) -
<http://www.president.tj/rus/vistupleniy140905.htm>;
11. A More Secure World: Our Shared Responsibility. Report of the High-Level Panel on Threats, Challenges and Change. United Nations, 2004. UN Doc. A/59/565, p.39 - <http://www.un.org/secureworld/report.pdf>. Retrieved 2009-12-12;
12. Central Asian Energy Production: Potential Contributions to Transatlantic Energy Security. Report by A.Mesterhazy (Hungary). NATO Parliamentary Assembly. Subcommittee on NATO Partnerships. Doc. 031 ESCEW 09 E. April, 2009;
13. Central Asia Security: NATO's Role. Draft Report by M.Miniti (Italy). NATO Parliamentary Assembly. Subcommittee on NATO Partnerships. Doc.069 PCNP E. March, 2006;

14. Democracy and Security in Central Asia: What Policy for NATO and the EU? Report by Marc Angel (Luxemburg). NATO Parliamentary Assembly. Committee on Defense and Security. Doc. 156 CDS DG 08 E. rev 1. April 2008;
15. Central Intelligence Agency, USA. The World Factbook - <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/>;
16. Davidson D., Deputy Chief of U.S. Mission to the Organization for Security and Cooperation in Europe. Kyrgyzstan: OSCE Center in Bishkek. Statement to the OSCE Permanent Council. Vienna, Austria, June 5, 2003 – <http://www.state.gov/p/eur/rls/rm/2003/21334.htm>;
17. Talbott S. U.S. Policy toward the New Independent states. Hearings before the House Committee on Foreign Affairs, 103rd Congress session. – Washington, Government Printing Office, 1994;
18. The National Security Strategy of The United States of America: September, 2002. Washington, 2002;

Монографии российских авторов

19. Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Многополярный мир. М.: Восток-Запад, 2010;
20. Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений. Т. 1-3. М.: Научная книга, 2001-2002;
21. Бажанов Е.П. Современный мир. Избранные труды. М.: Известия, 2004;
22. Белоусов А.А. Внешние экономические связи Российской Федерации. - М.: РУДН, 2003;

23. Гребениченко С.Ф. Глобализируемый мир и Россия. - М.: РУДН, 2005
24. Делягин М. Глобальная неустойчивость. Сокращенный вариант аналитического доклада. М., 2006;
25. Донцов В.Е. Основные формы взаимодействия ислама и современных международных отношений // Международная научной конференции «Ислам и международные отношения» 9-10 ноября 2000 г. М., ДА МИД РФ, 2000;
26. Каримов И.А. Мировой финансово-экономический кризис, пути и меры по его преодолению в условиях Узбекистана. Ташкент: 2009;
27. Киргизский переворот. Март-апрель 2005. Сборник. М.: Европа, 2005;
28. Козьменко В.М. История международных отношений и внешней политики. - М.: Аспект - ПРЕСС, 2006;
29. Ли В.Ф. Теория международного прогнозирования. М., Научная книга, 2002;
30. Лукин А.В. Эволюция образа Китая в России и российско-китайские отношения. М., 2007;
31. Лунев С. Вызовы безопасности южных границ России. М.,1999;
32. Мясников В.С. Квадратура китайского круга. Избранные статьи. В 2 кн. М.: Восточная литература, 2006;
33. Примаков Е.М. Мир после 11 сентября. М.: Мысль, 2002;
34. Россия и Центральная Азия – вопросы сотрудничества и безопасности. Геополитические проблемы евразийского пространства (ред. коллегия: К.Н.Кулматов, В.Ф.Ли, Г.А.Рудов, А.А.Волохова, А.В.Митрофанова. М., Научная книга, 2006;

35. Рудов Г.А. Нам суждено жить вечно в дружбе. Документальные страницы российско-кыргызских отношений на рубеже веков. – М.- Бишкек, Илим, 2002;
36. Рудов Г.А. Религия и политика на евразийском пространстве. (Коллективная монография). Москва. «Восток-Запад». 2009;
37. Рудов Г.А. Российско-кыргызские отношения: история и современность. – М.- Бишкек, Илим, 2001;
38. Рудов Г.А. Я сердцем русский, духом евразиец. "Эркин-Тоо", 2002;
39. Курылёв К.П., Савичева Е.М. Содружество Независимых Государств. М.: РУДН, 2009;
40. Смирнов Г.Н., Петренко Е.Л., Сироткин В.Г., Бурсов А.В. Политология: учеб. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006;
41. Торкунов А.А. (под ред.) Современные международные отношения. М.: РОССПЭН, 1999;

Монографии зарубежных авторов

На русском языке:

42. Акимбеков С. Афганский узел и проблемы безопасности в Центральной Азии. -Алматы, КИСИ, 1998;
43. Асанканов А. Кыргызы: рост национального самосознания. – Бишкек: Мурас, 1997;
44. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1999;
45. Бжезинский З. Выбор: мировое господство или мировое лидерство. М.: 2004;

46. Бурханов К., Карин Е., Сатпаев Д., Давыдова И. Экстремизм в Центральной Азии. Алматы, Институт России и Китая, 2000;
47. Джекшенкулов А. Новые независимые государства Центральной Азии в мировом сообществе. М., Научная книга, 2000;
48. Каримов И. Узбекистан на пороге XXI века. Угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Ташкент, Узбекистон, 1997;
49. Касенов У. Безопасность Центральной Азии: национальные, региональные и глобальные проблемы. Алматы, 1998;
50. Киссинджер Г. Дипломатия. М., Научно-издательский центр «Ладомир», 1997;
51. Райс К. Во имя национальных интересов. М.: Pro et Contra, 2000;
52. Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. М.: Конкорд, 1996;
53. Назарбаев Н. В потоке истории. Алматы, Атамур, 1999;
54. Назарбаев Н.А. Критическое десятилетие. Алматы: Атамур, 2003;
55. Тойнби А. Постыжение истории. М.: Прогресс, 1990;
56. Токаев К. Внешняя политика Казахстана в условиях глобализации. Алматы, 2004;
57. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка. М.: Pro et contra, 1997;
58. Хофман Б. Терроризм – взгляд изнутри. М., 2003;
59. Чиналиев К. Становление кыргызской государственности в переходный период. М., 2000;

На английском языке:

60. Alireza Jafarzadeh. The Iran Threat. New Yourk, Palgrave McMillan, 2007;
61. Allison R. Johnson L., editors. Central Asian Security (The New International Context). London-Washington, 2001;
62. H.Cordesman, "Saudi Arabia Enters the Twenty First Century: The Military and International Security Dimensions", Greenwood Publishing Group, Washington D.C;
63. Dan Smith. The State of the Middle East. An Atlas of Conflict and Resolution. London, Myriad Editions Limited 2006;
64. Diyarbekirli N. Turkish Contributions to Cultural and Commercial Life along Silk Road. - Istambul, 1992;
65. Frederic Wehrey et al, "Saudi-Iranian Relations Since the Fall of Saddam: Rivalry, Cooperation and Implication for US Policy" RAND, national Security Research Division, 2009;
66. Mackey, S. The Iranians: Persia, Islam, and the soul of a nation. 1996.
67. Nikki R. Kiddie, Rudolph P Matthee, "Iran and Surrounding World", University of Washington Press, 2002;
68. Olcott M. Central Asia's New States. Washington, 1996;
69. Persians: Masters of Empire, Time-life Books, 1995;
70. Rumer B. Central Asia and the new global economy. New York-London, 2000;
71. Lerner J.D. Ptolemy and the Silk Road: from Bactria Basileion to Sera Metropolis// East a. West-Rome, 1998;

72. Rahmatulloev E. United Nations Peacekeeping and Preventive Diplomacy: Central Asia, Tajikistan and Afghanistan. Costa Rica, 2006;
73. Persians: Masters of Empire, Time-life Books, 1995, p.142–143;
74. Mackey, S. The Iranians: Persia, Islam, and the soul of a nation. 1996. p. 69;
75. Alireza Jafarzadeh. The Iran Threat. New Yourk, Palgrave McMillan, 2007, p.210;
76. Dan Smith. The State of the Middle East. An Atlas of Conflict and Resolution. London, Myriad Editions Limited 2006, p.89;
77. A More Secure World: Our Shared Responsibility. Report of the High-Level Panel on Threats, Challenges and Change. United Nations, 2004. UN Doc. A/59/565, p.39 - <http://www.un.org/secureworld/report.pdf>. Retrieved 2009-12-12;
78. "CNN.com - Iran seeking to become Mideast superpower - Aug 30, 2006". CNN. <http://www.cnn.com/2006/WORLD/meast/08/30/raman.iran/index.html>. Retrieved 2010-05-02;
79. Kaven L. Afrasiab, "Saudi-Iran Tension Fuel Wider Conflict" Asia Times, December 6, 2006. http://www.atimes.com/atime/Middle_East/HLO6AKo4.html;
80. H.Cordesman, "Saudi Arabia Enters the Twenty First Century: The Military and International Security Dimensions", Greenwood Publishing Group, Washington D.C., 2004, p.44;
81. Nikki R. Kiddie, Rudolph P Matthee, "Iran and Surrounding World", University of Washington Press, 2002, p. 365;

82. Frederic Wehrey et al, "Saudi-Iranian Relations Since the Fall of Saddam: Rivalry, Cooperation and Implication for US Policy" RAND, national Security Research Division, 2009.
<http://www.rand.org/pubs/monographs/2009/RAND-MG840.pdf>;

Публикации в сборниках и периодических изданиях

83. Абдуллаев Е.В. "Центрально-азиатская" резолюция конгресса США (№ 397): политико-правовая интерпретация // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 2;
84. Арешев А. ШОС и новая "Большая игра" -
<http://fondsk.ru/print.php?id=1821>;
85. Баучер Р. Интервью помощника Госсекретаря США по делам Южной и Средней Азии // ИТАР-ТАСС. - 22 мая 2006;
86. Борищполец К.П. Центральная Азия как региональная подсистема международных отношений // Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. Под ред. А.Д.Воскресенского. – М.: МГИМО(У); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002;
87. Глобальные тенденции 2025: мир в борьбе за ресурсы. Совет по Национальной Разведке (NIC) - <http://geopolitica.ru/Articles/419/>
88. Джани Ф. Иран и Центральная Азия: Краткий обзор взаимоотношений // Кабар.ру 13.04.09 - <http://kabar.ru/?p=2166>;
89. Ежов Г.К. Проблемы водных ресурсов в Центрально-Азиатском регионе // Аму-Дарья. 2004. № 15;

90. Ержанов С. Что принесет участникам ШОС летний саммит: уют или дискомфорт? // Мегаполис. - 2006. - № 20 (284);
91. Иманалиев М. Центральная Азия и внешний мир // Аналитический центр "Разумные решения", 6 февраля 2007 г. - <http://www.analitika.org>;
92. Искандаров А. ШОС: к вопросу о расширении // Аналитический центр "Разумные решения", 21 мая 2007 г. - <http://www.analitika.org>;
93. Исламское движение Узбекистана: история, финансовая база и структура // Геополитика, 02/09/2008;
94. Лавров С.В. Настоящее и будущее глобальной политики: взгляд из Москвы // Россия в глобальной политике. № 2, март-апрель 2007 г.;
95. Караваев А. ЕврАзЭС и ОДКБ в Центральной Азии: проблемы интеграции региона // Аналитический центр "Разумные решения", 17 апреля 2007 г. - <http://www.analitika.org>;
96. Клименко А. Проблема энергетического обеспечения и обострение борьбы за энергетические ресурсы // В сб.: Шанхайская Организация Сотрудничества: к новым рубежам развития. М. Институт Дальнего Востока. 2008;
97. Махин В. Иран готов вступить в ШОС // Казахстанская правда. - 23 мая 2006 г.;
98. Молдалиев О. Нетрадиционные угрозы безопасности в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2001, №1(13);
99. Рудов Г.А. Влияние России и других ведущих внешних сил в регионе Центральной Азии // Дипломатическая служба. №2. 2010;
100. Рудов Г.А. Возможные варианты дальнейшего политического развития Республики Казахстан. Материалы международной научно-

- практической конференции им. ЭМО РАН и КИСИ при президенте Республики Казахстан \\
Москва, апрель 2007;
101. Рудов Г.А. Глобальные проблемы в мировой политике. \\
«Обозреватель», 2007;
102. Рудов Г.А. Интересы США на Кавказе: попытка достижения глобального лидерства. Сборник статей \\
Москва «Научная книга», 2005;
103. Рудов Г.А. Концепция внешней политики и Центральной Азии. Сборник статей \\
Москва «Научная книга», 2005;
104. Рудов Г.А. Международные факторы балканского кризиса. Центральная Азия. Кавказ. Балканы. \\
Москва «Научная книга», 2005;
105. Рудов Г.А. Межэтнические отношения как фактор нестабильности в Центральной Азии. «Диалог цивилизаций». Бишкек, «Илим». 2010;
106. Рудов Г.А. Проблема водных ресурсов в мире и для государств Центральной Азии \\
Москва. Дипломатический Ежегодник, «Научная книга», 2004;
107. Рудов Г.А. Проблемы и пути исламизации в Центральной Азии. Религия и политика на евразийском пространстве. М., «Восток-Запад», 2009;
108. Рудов Г.А. Россия, Центральная Азия и исламский фундаментализм // Центральная Азия и радикальный ислам. М., «Восток-Запад». 2009;
109. Рудов Г.А. Слово о великом Сыне Казахского народа Назире Торекулове – первом после СССР в Саудовской Аравии. Материалы международной научно-практической конференции Международного Казахско-Турецкого университета им Х.А. Яссави \\
г. Туркестан Южно-Казахстанской области, март 2007;
110. Рудов Г.А. Смена политических элит в Центрально-Азиатском измерении. Сборник статей \\
Москва «Научная книга», 2005;

111. Рудов Г.А. Сотрудничество России с государствами Центральной Азии в военной области и антитеррористических операциях. Центральная Азия. Кавказ. Балканы. \ \ Москва «Научная книга», 2005;
112. Рудов Г.А. Сотрудничество государств Центральной Азии с Россией и другими «векторами воздействия» в регионе. Геополитические проблемы Евразийского пространства \ \ Москва, «Научная книга», 2006;
113. Савичева Е.М. Политическое лидерство на Арабском Востоке: проблема смены поколений // Вестник Российского Университета дружбы народов. Серия "Международные отношения", N 1, 2001;
114. Сигов Ю. Новая внешняя политика Туркменистана не устраивает ни Россию, ни Соединенные Штаты // Аналитический центр "Разумные решения", 27 мая 2007 г. - <http://www.analitika.org>;
115. Степин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего - <http://www.philosophy.ru/library/stepin/epoch.html>;
116. Тиздолл С. Неудержимый рост клуба диктаторов // The Guardian. - 6 июня 2006 г. (сайт ИноСМИ);
117. Тренин Д. Малая игра: геополитическое соперничество грозит заслонить борьбу с терроризмом // Брифинг Московского Центра Карнеги. Том 7. Вып. 8;
118. Харитонов Н., Вовк В. Внешнеполитические приоритеты стран Центральной Азии // "Агентство Политических Новостей", 25.09.2006;
119. Фурсов А.И. Срединность Срединной Азии: Долгосрочный взгляд на место Центральной Азии в макрорегиональной системе Старого

Света // Русский исторический журнал. Том 1, №4, Осень 1998 -
<http://www.e-journal.ru/bzarub-st3-12.html>;

Периодические издания

120. Дипломатический вестник (издание Министерства иностранных дел Российской Федерации);
121. Дипломатический ежегодник (издание Дипломатической академии МИД России);
122. Известия;
123. Коммерсантъ;
124. Независимая газета (с приложениями);
125. Мировая экономика и международные отношения;
126. Российская газета;
127. Центральная Азия и Кавказ;
128. BBC News – <http://news.bbc.co.uk>;
129. Foreign Affairs;
130. International Affairs;
131. NATO Review;
132. New York Times.

